М.Ю.ЛЕРМОНТОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ
(1835–1841)

Подготовка текста
Б. М. Эйхенбаума
Примечания Э. Э. Найдича

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД 1964

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПОСЛАНИЕ

Катерина, Катерина!
Удалая голова!
Из святого Августина
Ты заимствуешь слова.

Но святые изреченья
Помрачаются грехом,
Изменилось их значенье
На листочке голубом.

Так, я помню, пред амвоном
Пьяный поп отец Евсей,
Запинаясь, важным тоном
Поучал своих детей;

Лишь начнет — хоть плачь заране...
А смотри, как силен Враг!
Только кончит — все миряне
Отправляются в кабак.

1835 (?)

‹ЭПИГРАММА НА Н. КУКОЛЬНИКА›

В Большом театре я сидел,
Давали Скопина: я слушал и смотрел.
Когда же занавес при плесках опустился,
Тогда сказал знакомый мне один:
«Что, братец! жаль! — вот умер и Скопин!..
Ну, право, лучше б не родился».

1835 (?)

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I see before me the gladiator lie...

Byron [1]

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена,
А он — пронзенный в грудь, — безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что́ знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный актер.

И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают, — близок час... Вот луч воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним шумит Дунай...
И родина цветет... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опору дряхлых дней...
Детей играющих — возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой...
Напрасно — жалкий раб, — он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, — прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд — игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,

---

[1] Я вижу пред собой лежащего гладиатора... Байрон (англ.). — *Ред.*

Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времен волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

2 февраля 1836

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

(Из Байрона)

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая;
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

1836

В АЛЬБОМ

(Из Байрона)

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привлечет.

И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

1836

‹ЭПИГРАММА›

Под фирмой иностранной иноземец
Не утаил себя никак:
Бранится пошло — ясно немец;
Похвалит — видно, что поляк.

1836 (?)

* * *

. . . .
Великий муж! здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.

Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услыхав твое названье,
Твой сын душою закипит.

Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»

1836 или 1837

* * *

Никто моим словам не внемлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. Я полон весь мечтами
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный судьбой!

<1837>

* * *

Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?

К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил
Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..

И я словам его поверил,
И, полный волею страстей,
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,

Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда, для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

<1837>

БОРОДИНО

— Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;

Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!

1837

СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!.. к чему теперь рыданья,
Пустых похвал ненужный хор
И жалкий лепет оправданья?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?

Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..
И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный
Для сердца вольного и пламенных страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..

И прежний сняв венок — они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него;
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой мщенья,
С досадой тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:

Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятою рабскою поправшие обломки
Игрою счастия обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — всё молчи!..
Но есть и божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он недоступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

29 января — начало февраля 1837

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветр в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампады,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.

1837

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;

Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампады
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Февраль 1837

СОСЕД

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне, умирая, посылает
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает, —

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются...

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей всё оживает вновь,
И мысли далеко несутся,

И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.

Февраль 1837

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога.

Февраль 1837

МОЛИТВА

Я, матерь божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодного.

Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную —
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Февраль 1837

* * *

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

1837

* * *

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...

1837 (?)

* * *

Не смейся над моей пророческой тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастия, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений.
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый!..
Пускай! я им не дорожил.

1837 (?)

‹ЭПИГРАММЫ НА Ф. БУЛГАРИНА›

I

Россию продает Фадей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, детей
И мир земной и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную цену,
Да жаль, заложена в казну.

1837 (?)

II

Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.

1837 (?)

* * *

Се Маккавей-водопийца кудрявые речи раскинул,
как сети,
Злой сердцелов! ожидает добычи, рекая в пустыне,
Сухосплетенные мышцы расправил и, корпий
Вынув клоком из чутких ушей, уловить замышляет
Слово обидное, грозно вращая зелено-сереющим оком,
Зубом верхним о нижний, как уголь черный, щелкая.

1837 (?)

* * *

Остаться бéз носу — наш Маккавей боялся,
Приехал на воды — и с носом он остался.

1837 (?)

‹А. ПЕТРОВУ›

Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту —
Другие качества все есть.

1837

* * *

Спеша на север издалека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моленье
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье
К престолу вечному аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,
В ущельи мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О, если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

Конец 1837

КИНЖАЛ

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполненны таинственной печали,
Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный:
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Начало 1838 (?)

* * *

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;

Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Начало 1838 (?)

* * *

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

Начало 1838 (?)

* * *

Как небеса, твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;

За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;

И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.

Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услыхал твой голос нежный
И встретил милый взор.

Начало 1838 (?)

* * *

Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

Начало 1838 (?)

ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА

Пилигрим

Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг твердыни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет всё небо озарил:
То не пожар ли Царяграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?

Мирза

Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.
Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...

Пилигрим

А!..

1838

‹К М. И. ЦЕЙДЛЕРУ›

Русский немец белокурый
Едет в дальную страну,
Где косматые гяуры
Вновь затеяли войну.
Едет он, томим печалью,
На могучий пир войны;
Но иной, не бранной *сталью*
Мысли юноши полны.

3 марта 1838

‹К ПОРТРЕТУ СТАРОГО ГУСАРА›

Смотрите, как летит, отвагою пылая...
Порой обманчива бывает седина:
Так мхом покрытая бутылка вековая
Хранит струю кипучего вина.

1838

‹К Н. И. БУХАРОВУ›

Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,
Нам мил и ус твой серебристый
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетья прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

1838

‹А. М. ВЕРЕЩАГИНОЙ›

Ma cousine
je m'incline
a genoux
à cette place!
qu'il est doux
de faire grâce!

———

Pardonnez
ma presse, etc., etc.

1838

Перевод:

Дорогая кузина, склоняюсь на колени на этом месте. Как сладостно быть милостивым! Простите мою лень и т. д.

‹А. Г. ХОМУТОВОЙ›

Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильней.
Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Всё, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

1838 (?)

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
Тая завистливо от ближних и друзей
Надежды лучшие и голос благородный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
Мы жадно бережем в груди остаток чувства —
Зарытый скупостью и бесполезный клад.
И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные забавы,
Их добросовестный, ребяческий разврат;
И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

<1838>

‹ПОСВЯЩЕНИЯ К ПОЭМЕ «ДЕМОН»›

‹I›

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви
И дум честолюбивых, я беспечно
Бродил в твоих ущельях, грозный, вечный,
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный — [и мечтою
Я страстно обнимал тебя порою].

И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, сбирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые, как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих видений,

Прасковья и Мария Бартеневы

Рисунок Г. Г. Гагарина. 1844

Зубчатою тянулись полосой,
Таинственней, синей одна другой,
Всё горы, чуть приметные для глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

1838 (?)

‹II›

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной;
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере — в стране тебе чужой —
Я сердцем твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенком робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,
Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными крылами,
Там ночевать слетаются орлы,
Я в гости к ним летал мечтой послушной
И сердцем был — товарищ их воздушный.

С тех пор прошло тяжелых много лет,
И вновь меня меж скал своих ты встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и светел.
Он пролил в грудь мою забвенье бед,
И дружно я на дружный зов ответил;
И ныне здесь, в полуночном краю,
Всё о тебе мечтаю и пою.

1838 (?)

* * *

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

Февраль 1839

‹А. А. ОЛЕНИНОЙ›

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень,
И что сказать — не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!» [1]
Я счастья вам желаю,
Et je vous félicite [2].

11 августа 1839

[1] Скорей! (франц.). — *Ред.*
[2] И я вас поздравляю (франц.). — *Ред.*

НЕ ВЕРЬ СЕБЕ

Que nous font aprés· tout les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier[1]

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

---

[1] Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, торговцев пафосом, мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? О. Барбье (франц.). — *Ред.*

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что́ нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заучённым,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным...

1839

ТРИ ПАЛЬМЫ

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,

Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Неправ твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копье на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван;
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;

И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом;
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

1839

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,

Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;

И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косой.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный, —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.

1839

ПАМЯТИ А. И. О‹ДОЕВСКО›ГО

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений!

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный,
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей, и жизнь иную.

Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,

Иль просто крик последнего недуга, —
Кто скажет нам?.. Твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дела твои, и мненья,
И думы — всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит —
Куда они? зачем? откуда? — кто их спросит...

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной...
Что за нужда?.. Пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье синей степи

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вкруг твоей могилы неизвестной
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синеет, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.

Осень 1839

* * *

На буйном пиршестве задумчив он сидел
Один, покинутый безумными друзьями,
И в даль грядущую, закрытую пред нами,
Духовный взор его смотрел.

И помню я, исполнены печали,
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота гостей
Его слова пророчески звучали.

[Он говорил: «Ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего мира?..
Над вашей головой колеблется секира,
Но что ж!.. из вас один ее увижу я».
. . . .]

1839

<Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ>

Графиня Эмилия —
Белее, чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.

1839

* * *

1 января

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —

Наружно погружась в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

И если как-нибудь на миг удастся мне
Забыться, — памятью к недавней старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные всё места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут спящий пруд,
А за прудом село дымится — и встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядит вечерний луч, и желтые листы
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж грудь мою;
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами, полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и страстей,
Как свежий островок безвредно средь морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник не званную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

1840

И СКУЧНО И ГРУСТНО

И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие годы!

Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и всё там ничтожно...

Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...

Январь 1840

* * *

Посреди небесных тел
Лик луны туманный,
Как он кругл и как он бел,
Точно блин с сметаной.

Кажду ночь она в лучах
Путь проходит млечный.
Видно, там, на небесах,
Масленица вечно!

16 мая 1840

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.

Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840

‹М. А. ЩЕРБАТОВОЙ›

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украйны она променяла;

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украйны,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки,
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И, следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром,
Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

1840

* * *

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

1840

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

Les poètes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit [1]

Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.

Журналист

Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнанье, заточенье
Иль даже долгую болезнь:
Тотчас в его уединеньи
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что́ вы пишете? нельзя ль
Узнать?

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,

[1] Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу. Неизданное (франц.). — *Ред.*

Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К N. N., неведомой красе, —
И страшно надоели все.

Читатель

И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш журнал
(Он мне уж руки обломал):
Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток...
Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?
И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышут?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

Читатель

Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,

Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.

Журналист

И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — всё так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —
И всё зачем? — чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..

Читатель

Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.

Журналист

Всё это так, да вот беда:
Не пишут эти господа.

Писатель

О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,

Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна вослед другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва;
На мысли, дышащие силой,
Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъемлет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сияньи прежней красоты
Рисует память своевольно:
В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть

Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?..

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы знойной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

20 марта 1840

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристает.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,

Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

Март 1840

СОСЕДКА

Не дождаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко́ над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подымется вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Март или апрель 1840

ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжелый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решетка бойницы,
Каменный панцирь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронею мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

Март или апрель 1840

* * *

Расписку просишь ты, гусар, —
Я получил твое посланье;
Родилось в сердце упованье;
И легче стал судьбы удар;

Твои пленительны картины
И дерзкой списаны рукой;
В твоих стихах есть запах винный —
А рифмы льются . . .

Борделя грязная свобода
Тебя в пророки избрала;
Давно для глаз твоих природа
Покров обманчивый сняла;
Чуть тронешь ты жезлом волшебным
Хоть отвратительный предмет,
Стихи звучат ключом целебным,
И люди шепчут: он поэт!

Так некогда в степи безводной
Премудрый пастырь Аарон
Услышал плач и вопль народный,
И жезл священный поднял он,
И на челе его угрюмом
Надежды луч блеснул живой,
И тронул камень он немой, —
И брызнул ключ с приветным шумом
Новорожденною струей.

Февраль — март 1837 или март — апрель 1840

‹М. П. СОЛОМИРСКОЙ›

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,

Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно памятный привет.

Апрель 1840

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

1840

БЛАГОДАРНОСТЬ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.

1840

ИЗ ГЕТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,

Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

1840

РЕБЕНКУ

О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебе непрошеные ласки?
Не слишком часто ль я твои целую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обожгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мне... К чему? Ее, быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль встревожит...

Но мне ты всё поверь. Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала,
И в знаменье креста персты твои сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Бледнея, может быть, она произносила
Название, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его... Что имя? — звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно осталось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь, случайно
Узнаешь ты его — ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

1840

А. О. СМИРНОВОЙ

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискусной
Занять ваш ум мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

<1840>

К ПОРТРЕТУ

Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.

Ей нравиться долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.

Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!

То истиной дышит в ней всё,
То всё в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

<1840>

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Апрель 1840

* * *

Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом, что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,

Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум младых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переношу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили

В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалося и нам;
И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирно́й татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! Прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... Но жара уж спа́ла,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. — Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
— Повозки выдвигайте живо!
Савельич! — Ой ли! — Дай огниво! —
Подъем ударил барабан,
Гудит музы́ка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показалися значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...

Л. К. Воронцова-Дашкова
Литография Г. Граведона. 1840

Эй, вы, станичники, за ним...
Что? ранен!..— Ничего, безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовалися на них,
Без кровожадного волненья,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживилися леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов <вы>носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин дерев
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;

Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблистало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Недолго длилося оно,
Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами, —
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... «В штыки,
Дружнее!» — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня...
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжалы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленах; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал:
«Спасите, братцы. Тащат в горы.

Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей, и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел <я> недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьям,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «*Валерик,*
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».

— «А сколько их дралось примерно
Сегодня?» — «Тысяч до семи».
— «А много горцы потеряли?»
— «Как знать? — зачем вы не считали!»
— «Да! будет, — кто-то тут сказал, —
Им в память этот день кровавый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Лето 1840

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,

Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалей;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

ОПРАВДАНИЕ

Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей

И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,

Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь,

Когда пред общим приговором
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои младые дни,
Молю, язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

Начало 1841

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам, —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз

Отчизна

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победитъ её разсудокъ мой,
Ни слава купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю — за что не знаю самъ?
Ея полей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ дремучихъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея подобные морямъ....
Просёлочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленно пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень;
Люблю дымокъ спалённой жнивы,
Въ степи ночующій обозъ,
И на холмѣ средь желтой нивы
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой многимъ незнакомой
Я вижу полное гумно,
Избу покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

М Ю Лермонтовъ

Отчизна.
Автограф М. Ю. Лермонтова.

И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Начало 1841

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную
Как в старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь, засыпая,
Ты о другом,
Твои слова текут, пылая,
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,
Ты мертвецу святыней слова
Обручена;
Увы, твой страх, твои моленья —
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

10 марта 1841

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

1841

ПОСЛЕДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает хладный прах
Погибшего давно среди немых страданий
В изгнаньи мрачном и цепях;

Меж тем как мир услужливой хвалою
Венчает позднего раскаянья порыв
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодованию и чувству дав свободу,
Поняв тщеславие сих праздничных забот,
Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что вера, слава, гений,
Всё, всё великое, священное земли
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, —
Ты погибал... и *он* явился, с строгим взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас он одевал.
Один, — он был везде, холодный, неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы!
А вы что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих он гордо погибал,
Вы потрясали власть избранную, как бремя?
Точили в темноте кинжал?
Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражданина,
Разбитый свой венец он снял и бросил сам,
И вам оставил он в залог родного сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,

И на чужой скале, за синими морями,
Забытый, он угас один —
Один, — замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской,
И как простой солдат в плаще своем походном
Зарыт наемною рукой.

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жатвы семя,
Зароем мы в спасенных им стенах!»
И возвратился он на родину; безумно,
Как прежде, вкруг него теснятся и бегут
И в пышный гроб, среди столицы шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя, топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред *ним*.

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
И если дух вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах его лежит,
Какое в нем негодованье
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних стран,
Где сторожил его, как он непобедимый,
Как он великий, океан!

1841

И. П. МЯТЛЕВУ

На наших дам морозных
С досадой я смотрю,
Угрюмых и серьезных
Фигур их не терплю.

Вот дама Курдюкова,
Ее рассказ так мил,
Я от слова до слова
Его бы затвердил.
Мой ум скакал за нею,
И часто был готов
Я броситься на шею
К madame de Курдюков.

1841 (?)

‹А. А. УГЛИЦКОЙ›

Ma chère Alexandrine,
Простите, же ву при,
За мой армейский чин
Всё, что je vous écris; [1]

Меж тем, же ву засюр, [2]
Ich wünsche счастья вам, [3],
Surtout beaucoup d'amour
Quand vous serez *Мадам*. [4]

Февраль — март 1841

‹ИЗ АЛЬБОМА С. Н. КАРАМЗИНОЙ›

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

---

[1] Я вам пишу (франц.). — *Ред.*
[2] Я вас уверяю (франц.). — *Ред.*
[3] Я желаю (нем.). — *Ред.*
[4] А главное много любви, когда вы будете *Мадам* (франц.). — *Ред.*

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...

1841 (?)

‹ГРАФИНЕ РОСТОПЧИНОЙ›

Я верю: под одной звездою
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои.

Середина апреля 1841

ДОГОВОР

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз.

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шумном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,
Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.

В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.

1841

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Быть может, за стеной Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

1841 (?)

УТЕС

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

1841

СПОР

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У *Казбека* с *Шат-горою*[1]
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат, —
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и злато,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,

---

[1] Шат — Элбрус.

Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
— «Не боюся я Востока! —
Отвечал Казбек. —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня!»

— «Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат. —
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум;

Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно медленны, как тучи,
Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку [1] на́ брови надвинул —
И навек затих.

1841

[1] Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека.

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

L' ATTENTE

Je l'attends dans la plaine sombre;
Au loin je vois blanchir une ombre,
Une ombre qui vient doucement...
Eh non! — trompeuse espérance —
C'est un vieux saule qui balance
Son tronc desséché et luisant.

Je me penche et longtemps j'écoute:
Je crois entendre sur la route
Le son qu'un pas léger produit...
Non, ce n'est rien! C'est dans la mousse

Le bruit d'une feuille que pousse
Le vent parfumé de la nuit.

Rempli d'une amère tristesse,
Je me couche dans l'herbe épaisse
Et m'endors d'un sommeil profond...
Tout-á-coup, tremblant, je m'éveille:
Sa voix me parlait à l'oreille,
Sa bouche me baisait au front.

1841

Перевод:

ОЖИДАНИЕ

Я жду ее в угрюмой долине. Вдали, вижу, белеет призрак, который тихо приближается. Но нет! обманчива надежда! То старая ива колеблет свой сухой и блестящий ствол.

Я наклоняюсь и долго прислушиваюсь: мне кажется, что я слышу звук легких шагов по дороге. Нет, не то! Это лист шумит по мху, поднимаемый ароматным ветром ночи.

Полный горькой тоски, я ложусь в густую траву и засыпаю глубоким сном. Вдруг я вздрагиваю и просыпаюсь: ее голос шепчет мне на ухо, ее уста целуют мой лоб.

* * *

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившийся ус,
Краснеет, как дева младая,
Капгар, молодой туксус.
. . . .

1841

* * *

1

На бурке под тенью чинары
Лежал Ахмет Ибрагим,
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча пред ним.

2

И, брови нахмурив густые,
Лениво молвил Ага:
— О слуги мои удалые,
Мне ваша жизнь дорога!

3

. . . .

1841

* * *

Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.

Heine[1]

Они любили друг друга так долго и нежно,
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали.
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не узнали.

1841

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

---

[1] Они любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому. Гейне (нем.). — *Ред.*

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всесильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчу́г убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

СВИДАНЬЕ

Уж за горой дремучею
    Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
    Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
    Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
    В ущельи мгла и дым.
Летают сны-мучители
    Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
    Беседуют с детьми.

Там за твердыней старою
    На сумрачной горе
Под свежею чинарою
    Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
    «Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
    Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,

Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои».

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!..

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синею *Курой,*
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор,
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном
И твой отец любуется
Персидским жеребцом.

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
А! это ты, злодей!

1841

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,

И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих
изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».

— «На что мне тебя? — отвечает младая чинара. —
Ты пылен и желт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

1841

* * *

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провесть ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелко́вой узды.

Вышла младая потом голова,
В косу вплелася морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет, и молит, и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет:

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!

1841

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья, —
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

1841

* * *

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье:
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором,
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты другие,
В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.

1841

* * *

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отрадный, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки
И улыбалися лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

1841 (?)

* * *

Ах! ныне я не тот совсем,
Меня друзья бы не узнали,
И на челе тогда моем
Власы седые не блистали.
Я был еще совсем не стар,
А иссушил мне сердце жар
Страстей, явилися морщины
И ненавистные седины,
Но и теперь преклонных лет
Я презираю тяготенье.
Я знал еще души волненье —
Любви минувшей грозный след.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь среди полночной грезы
Мне кажется: идет она
Между каштанов и черешен:
Катится по небу луна...
Как я доволен и утешен!
Я вижу кудри... взор живой
Горячей влагою оделся...
Как жемчуг перси белизной.

Так живо образ дорогой
В уме моем напечатлелся!
Стан невысокий помню я
И азиатские движенья,
Уста пурпурные ея,
Стыда румянец и смятенье...
Но полно! полно! я любил,
Я чувств своих не изменил!..

. . . .

Любовь, сокрывшись в сердце диком,
В одних лишь крайностях горит
И вечно (тщетно рок свирепый
Восстал) меня не охладит,
И тень минувшего бежит
Поныне всюду за Мазепой...

. . . .

* * *

Он был в краю святом,
На холмах Палестины.
Стальной его шелом
Иссекли сарацины.

Понес он в край святой
Цветущие ланиты;
Вернулся он домой
Плешивый и избитый.

Неверных он громил
Обеими руками —
Ни жен их не щадил,
Ни малых с стариками.

Встречаясь с ним подчас,
Смущалися красотки;
Он п.... их не раз,
Перебирая четки.

Вернулся он в свой дом
Без славы и без злата;
Глядит — детей содом,
Жена его брюхата.

Пришибло старика...

* * *

1

Опять, народные витии,
За дело падшее Литвы
На славу гордую России,
Опять шумя, восстали вы.
Уж вас казнил могучим словом
Поэт, восставший в блеске новом
От продолжительного сна,
И порицания покровом
Одел он ваши имена.

2

Что это: вызов ли надменный,
На битву ль бешеный призыв?
Иль голос зависти смущенной,
Бессилья злобного порыв?..
Да, хитрой зависти ехидна
Вас пожирает; вам обидна
Величья нашего заря;
Вам солнца божьего не видно
За солнцем русского царя.

3

Давно привыкшие венцами
И уважением играть,
Вы мнили грязными руками
Венец блестящий запятнать.

Вам непонятно, вам несродно
Всё, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щит
Любви и гордости народной
От вас венец тот сохранит.

4

Безумцы мелкие, вы правы.
Мы чужды ложного стыда!
. . . .

<5>

Но честь России невредима.
И вам, смеясь, внимает свет..
Так в дни воинственные Рима,
Во дни торжественных побед,
Когда триумфом шел Фабриций
И раздавался по столице
Восторга благодарный клик,
Бежал за светлой колесницей
Один наемный клеветник.

* * *

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда былое ежечасно
Очам являлося моим
И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалося мне чужим, —
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? — он вещал. —
Ты жить устал? но я ль виновен;

Смири страстей своих порыв,
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! Где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй.
[Когда тебя во имя бога
Кто пригласит на пир простой,
Страшися мирного порога
Коснуться грешною ногой;
Смотреть привыкни равнодушно...»]

* * *

Это случилось в последние годы могучего Рима.
Царствовал грозный Тиверий и гнал христиан
беспощадно;
Но ежедневно на месте отрубленных ветвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленели побеги.
В тайной пещере, над Тибром ревущим, скрывался
в то время
Праведный старец, в посте и молитве свой век доживая;
Бог его в людях своей благодатью прославил.
Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных
И от страданий душевных. Рано утром, однажды,
Горько рыдая, приходит к нему старуха простого
Звания, с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен.
Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете
Девственной жизни умершую... «Вот уж два дня
и две ночи, —
Так она говорила, — мы наших богов неотступно
Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе
хладном,
Золото сыплем жрецам их и плачем... но всё
бесполезно!

Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
На темные очи ее, молодели; и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над главой, осторожно тропинкой
К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске
Перед домашним порогом подруг побеждала искусством,
Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая...
Только в последнее время приметно она изменилась:
Игры наскучили ей, и взор отуманился думой,
Из дома стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечером темным, и ночи без сна проводила... При свете
Поздней лампады я видела раз, как она, на коленах,
Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвестно!..
Созвали мы стариков и родных для совета; решили...»
. . . .

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрей огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!

Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!

* * *

Quand je te vois sourire,
Mon cœur s'épanouit,
Et je voudrais te dire,
Ce que mon cœur me dit!

Alors toute ma vie
A mes yeux apparaît;
Je maudis, et je prie,
Et je pleure en secret.

Car sans toi, mon seul guide,
Sans ton regard de feu
Mon passé paraît vide,
Comme le ciel sans Dieu.

Et puis, caprice étrange,
Je me surprends bénir
Le beau jour, oh mon ange,
Où tu m'as fait souffrir!..

Перевод:

Когда я вижу тебя улыбающейся, мое сердце расцветает, и я хотел бы высказать тебе, что говорит мне мое сердце. Тогда вся жизнь моя встает перед моими глазами; я проклинаю, и молюсь, и плачу тайно. Потому что без тебя, моего единственного путеводителя, без твоего огненного взгляда, мое прошедшее кажется пусто, как небо без бога. И потом — странная причуда! — я ловлю себя на том, что благословляю прекрасный день, — о ангел мой! — когда ты заставила меня страдать.

ЮГЕЛЬСКИЙ БАРОН

Баллада

(Ал. М. В—ой)

До рассвета поднявшись, перо очинил
Знаменитый Югельский барон.
И кусал он, и рвал, и писал, и строчил
Письмецо к своей Сашеньке он,
И он крикнул: «Мой паж!.. мой малютка!.. скорей!..
Подойди!.. что робеешь ты так!»
И к нему подошел долговязый лакей,
Тридцатипятилетний дурак.
«Вот!.. возьми письмецо ты к невесте моей
И на почту его отнеси!
И потом пирогов, сухарей, кренделей —
Чего хочешь, в награду проси!»
— «Сухарей не хочу, и письма не возьму,
Хоть расплачься, высокий барон,
А захочешь узнать, я скажу почему,
Нет!.. уж лучше смолчать», — и поклон.
«Паж!.. хочу я узнать!..» — «Нет!.. позволь мне смолчать!..»
— «Говори!» — «За невестой твоей
Обожателей рать кто бы мог сосчитать?
И в разлуке ты вверился ей!
Не девица ль она?.. и одна ли верна?
Нам ли думать: на Севере, там,
Всё вздыхает она, одинока, бледна;
Нам ли веровать женским словам?
Иль один обольщен, изумлен, увлечен
Ты невестою милой своей?

Нет! высокий барон, ты порой мне смешон,
И письма не отправлю я к ней!»
Рассмеялся барон — так уверен был он.
«Ты малютка, мой паж молодой!
Знай! .. ты сам ослеплен! Знай! у северных жен
Не в размолвке обеты с душой!
Там девица верна, постоянна жена;
Север силой ли только велик?
Жизнь там веры полна, счастья там сторона,
И послушен там сердцу язык!
Мелких птиц, как везде, нет в орлином гнезде,
Там я выбрал невесту себе,
Не изменит нигде; ей как вечной звезде,
Ей вверяюсь, как самой судьбе!
Так! .. снегов в стороне будет верною мне!»
Паж невольно барону внимал,
И без слов, в тишине, он сознался в вине
И на почту с письмом побежал!

1837

* * *

О, как прохладно и весело нам
Вечером плыть по заснувшим волнам.
Солнце погасло в туманной дали,
Звезды лампады ночные зажгли.
Резво играя в вершинах холмов,
Ветер приносит дыханье цветов.
О, как чудно, прохладно с песнями плыть
И влажные кудри над морем сушить.

Остался ли кто в морской глубине?
Луна, улыбаясь, глядится в волне.
И звезды, украсив чертог голубой,
Сверкают и гаснут одна за другой.
Радостно, весело поплывем по волне,
Видишь в водах, как дрожат и как гаснут оне.

1839

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛЕРМОНТОВУ

* * *

Любить вас долго было б скучно,
Любить до гроба — право, смех,
Пройти ж вас мимо равнодушно —
Перед собою тяжкий грех.

* * *

Хвала тебе, приют лентяев,
Хвала, ученья дивный храм,
Где цвел наш бурный Полежаев
Назло завистливым властям.
Хвала и вам, студенты-братья...

* * *

И на театре, как на сцене света,
Мы не выходим из балета:
Захочется ль кому
К честям и званиям пробить себе дорогу.
Работы нет его уму —
Умей он поднимать лишь ногу.

* * *

Когда легковерен и молод я был,
Браниться и драться я страстно любил.
Обедать однажды сосед меня звал;
Со мною заспорил один генерал.
Я света невзвидел... Стакан зазвенел
И в рожу злодея стрелой полетел.
. . . .
Мой раб, вечерком, как свершился удар,
Ко мне, на гауптвахту, принес самовар.

‹ЭКСПРОМТЫ 1841 ГОДА›

* * *

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нем толпы;
В нем лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днем женщины, а по ночам — клопы.

* * *

В игре, как лев, силен
Наш Пушкин Лев,
Бьет короля бубен,
Бьет даму треф.
Но пусть всех королей
И дам он бьет —
«Ва-банк!», и туз червей
Мой — банк сорвет!

* * *

Милый Глебов,
Сродник Фебов,
Улыбнись,
Но на Наде,
Христа ради,
Не женись!

* * *

Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!

* * *

Смело в пире жизни надо
Пить фиал свой до конца.
Но лишь в битве смерть — награда,
Не под стулом, для бойца.

* * *

Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он,
Как колос молодой,
Луной сребристой ярко освещен,
Но без зерна — пустой.

* * *

Наш князь Василь-
Чиков — по батюшке,
Шеф простофиль,
Глупцов — по дядюшке,

Идя в кадриль
Шутов — по зятюшке,
В речь вводит стиль
Донцов — по матушке.

* * *

Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон,
Но Соломонов сын;
Не мудр, как царь Шалима, но умен,
Умней, чем жидовин.
Тот храм воздвиг, и стал известен всем
Гаремом и судом,
А этот храм, и суд, и свой гарем
Несет в себе самом.

* * *

С лишком месяц у Мерлини
Разговор велся один:
Что творится у княгини,
Здрав ли верный паладин.

Но с неделю у Мерлини
Перемена — речь не та,
И вкруг имени княгини
Обвилася клевета.

Пьер обедал у Мерлини,
Ездил с ней в Шотландку раз,
Не понравилось княгине,
Вышла ссора за Каррас.

Пьер отрекся. . . и Мерлини,
Как тигрица, взбешена,
В замке храброй героини,
Как пред штурмом, тишина.

* * *

Он метил в умники, попался в дураки,
Ну стоило ли ехать для того с Оки!

* * *

Зачем, о счастии мечтая,
Ее зовем мы: гурия?
Она как дева — дева рая,
Как женщина же — фурия.

* * *

Мои друзья вчерашние — враги,
Враги — мои друзья,
Но, да простит мне грех господь благий,
Их презираю я...

Вы также знаете вражду друзей
И дружество врага,
Но чем ползущих давите червей?..
Подошвой сапога.

* * *

Им жизнь нужна моя, — ну что же, пусть возьмут,
Не мне жалеть о ней!
В наследие они одно приобретут —
Клуб ядовитых змей.

* * *

Ну вот, теперь у вас для разговоров будет
Дня на три тема,
И, верно, в вас к себе участие возбудит
Не Миллер — Эмма.

* * *

Куда, седой прелюбодей,
Стремишь своей ты мысли беги?
Кругом с арбузами телеги
И нет порядочных людей!

* * *

За девицей Emilie[1]
Молодежь как кобели.
У девицы же Nadine[2]
Был их тоже не один;
А у Груши в целый век
Был лишь Дикий человек.

* * *

Надежда Петровна,
Отчего так неровно
Разобран ваш ряд,
И локон небрежный
Над шейкою нежной...
На поясе нож.
C'est un vers qui cloche.[3]

---

[1] Эмили́ (франц.). — *Ред.*
[2] Нади́н (франц.). — *Ред.*
[3] Вот стих, который хромает (франц.). — *Ред.*

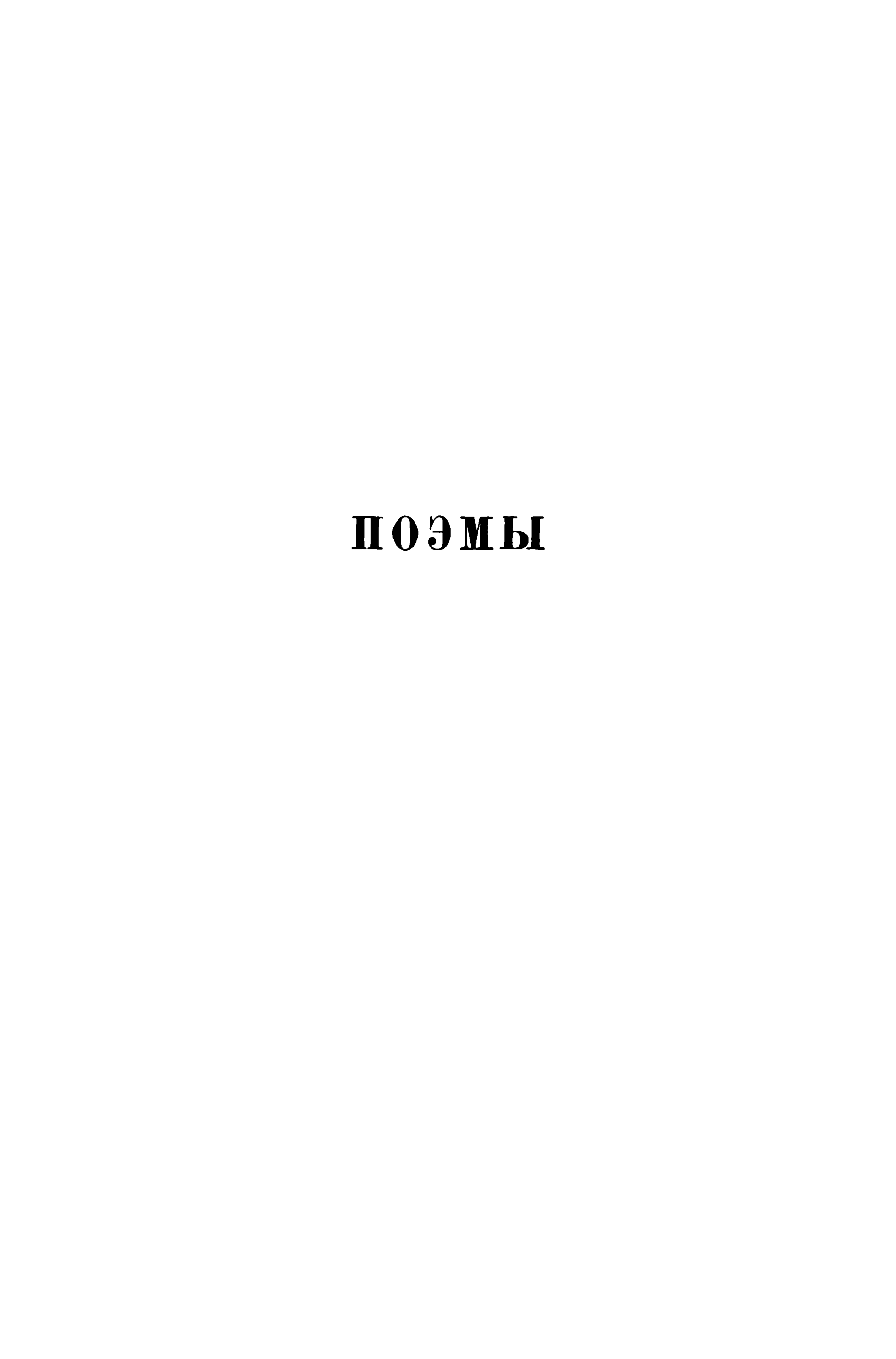
LE BLESSÉ

Voyez-vous ce blessé qui se tord sur la terre?
Il va mourir ici, pres du bois solitaire,
Sans que de sa souffrance un seul cœur ait pitié;
Mais ce qui doublement fait saigner sa blessure,
Ce qui lui fait au cœur la plus apre morsure,
C'est qu'en se souvenant, il se sent oublié.

Перевод:

РАНЕНЫЙ

Видите ли вы этого раненого, который в судоргах лежит на земле? Он умрет здесь, у пустынного леса, и никто не облегчит его страданий; но кровь из его раны сочится с удвоенной силой и боль сердца особенно жестока потому, что, погружаясь в воспоминания, он знает, что забыт.



ПОЭМЫ

БОЯРИН ОРША

ГЛАВА I

Then burst her heart in one long shriek,
And to the earth she fell like stone
Or statue from its base o'erthrown.

Byron[1]

Во время оно жил да был
В Москве боярин Михаил,
Прозваньем Орша. Важный сан
Дал Орше Грозный Иоанн;
Он дал ему с руки своей
Кольцо, наследие царей;
Он дал ему в веселый миг
Соболью шубу с плеч своих;
В день воскресения Христа
Поцеловал его в уста
И обещался в тот же день
Дать тридцать царских деревень
С тем, чтобы Орша до конца
Не отлучался от дворца.

Но Орша нравом был угрюм:
Он не любил придворный шум,
При виде трепетных льстецов

---

[1] Тогда сердце ее разорвалось в одном протяжном крике,
И на землю она упала, как камень,
Или статуя, сброшенная с своего пьедестала.

Байрон (англ.). — *Ред.*

Щипал концы седых усов,
И раз, опричным огорчен,
Так Иоанну молвил он:
«Надежа-царь! пусти меня
На родину — я день от дня
Всё старе — даже не могу
Обиду выместить врагу:
Есть много слуг в дворце твоем.
Пусти меня! — мой старый дом
На берегу Днепра крутом
Близ рубежа Литвы чужой
Оброс могильною травой;
Пробудь я здесь еще хоть год,
Он догниет — и упадет;
Дай поклониться мне Днепру...
Там я родился — там умру!»

И он узрел свой старый дом.
Покои темные кругом
Уставил златом и сребром;
Икону в ризе дорогой
В алмазах, в жемчуге, с резьбой
Повесил в каждом он углу,
И запестрелись на полу
Узоры шелковых ковров.
Но лучше царских всех даров
Был божий дар — младая дочь;
Об ней он думал день и ночь,
В его глазах она росла
Свежа, невинна, весела,
Цветок грядущего святой,
Былого памятник живой!
Так средь развалин иногда
Растет береза: молода,
Мила над плитами гробов
Игрою шепчущих листов,
И та холодная стена
Ее красой оживлена!..

. . . .

Туманно в поле и темно,
Одно лишь светится окно

В боярском доме — как звезда
Сквозь тучи смотрит иногда.
Тяжелый звякнул уж затвор,
Угрюм и пуст широкий двор.
Вот, испытав замки дверей,
С гремучей связкою ключей
К калитке сторож подошел
И взоры на небо возвел:
«А завтра быть грозе большой! —
Сказал, крестясь, старик седой. —
Смотри-ка, молния вдали
Так и доходит до земли,
И белый месяц, как монах,
Завернут в черных облаках;
И воет ветер, будто зверь.
Дай кучу злата мне теперь,
С конюшни лучшего коня
Сейчас седлайте для меня —
Нет, не отъеду от крыльца
Ни для родимого отца!» —
Так рассуждая сам с собой,
Кряхтя, старик пошел домой.
Лишь вдалеке едва гремят
Его ключи — вокруг палат
Всё снова тихо и темно,
Одно лишь светится окно.
Всё в доме спит — не спит один
Его угрюмый властелин
В покое пышном и большом
На ложе бархатном своем.
Полусгоревшая свеча
Пред ним, сверкая и треща,
Порой на каждый льет предмет
Какой-то странный полусвет.
Висят над ложем образа;
Их ризы блещут, их глаза
Вдруг оживляются, глядят —
Но с чем сравнить подобный взгляд?
Он непонятней и страшней
Всех мертвых и живых очей!
Томит боярина тоска;
Уж поздно. Под окном река

Шумит — и с бурей заодно
Гремучий дождь стучит в окно.
Чернеет тень во всех углах —
И — странно — Оршу обнял страх!
Бывал он в битвах, хоть и стар,
Против поляков и татар,
Слыхал он грозный царский глас,
Встречал и взор, в недобрый час:
Ни разу дух его крутой
Не ослабел перед бедой;
Но тут — он свистнул, и взошел
Любимый раб его, *Сокол*.

И молвил Орша: «Скучно мне,
Всё думы черные одне.
Садись поближе на скамью
И речью грусть рассей мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежние златые дни,
И я, припомнив старину,
Под говор слов твоих засну».

И на скамью присел Сокол,
И речь такую он завел:

«Жил-был за тридевять земель
В тридцатом княжестве отсель
Великий и премудрый царь.
Ни в наше времечко, ни встарь
Никто не видывал пышней
Его палат — и много дней
В веселье жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

Тот царь был слаб, и хил, и стар,
А дочь непрочный ведь товар!
Ее, как лучший свой алмаз,
Он скрыл от молодецких глаз;
И на его царевну-дочь
Смотрел лишь день да темна ночь,

И целовать красотку мог
Лишь перелетный ветерок.

И царь тот раза три на дню
Ходил смотреть на дочь свою;
Но вздумал вдруг он в темну ночь
Взглянуть, как спит младая дочь.
Свой ключ серебряный он взял,
Сапожки шелковые снял,
И вот приходит в башню ту,
Где скрыл царевну-красоту!..

Вошел — в светлице тишина;
Дочь сладко спит, но не одна;
Припав на грудь ее главой,
С ней царский конюх молодой.
И прогневился царь тогда,
И повелел он без суда
Их вместе в бочку засмолить
И в сине море укатить...»

И быстро на устах раба,
Как будто тайная борьба
В то время совершалась в нем,
Улыбка вспыхнула — потом
Он очи на небо возвел,
Вздохнул и смолк. «Ступай, Сокол! —
Махнув дрожащею рукой,
Сказал боярин, — в час иной
Расскажешь сказку до конца
Про оскорбленного отца!»

И по морщинам старика,
Как тени облака, слегка
Промчались тени черных дум,
Встревоженный и быстрый ум
Вблизи предвидел много бед.
Он жил: он знал людей и свет,
Он злом не мог быть удивлен;
Добру ж давно не верил он,

Не верил, только потому
Что верил некогда всему!

И вспыхнул в нем остаток сил,
Он с ложа мягкого вскочил,
Соболью шубу на плеча
Накинул он — в руке свеча,
И вот, дрожа, идет скорей
К светлице дочери своей.
Ступени лестницы крутой
Под тяжкою его стопой
Скрыпят — и свечка раза два
Из рук не выпала едва.

Он видит, няня в уголке
Сидит на старом сундуке
И спит глубоко и порой
Во сне качает головой;
На ней, предчувствием объят,
На миг он удержал свой взгляд
И мимо — но послыша стук,
Старуха пробудилась вдруг,
Перекрестилась, и потом
Опять заснула крепким сном,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоит боярин у дверей
Светлицы дочери своей,
И чутким ухом он приник
К замку — и думает старик:
«Нет! непорочна дочь моя,
А ты, Сокол, ты раб, змея,
За дерзкий, хитрый свой намек
Получишь гибельный урок!»
Но вдруг... о горе, о позор!
Он слышит тихий разговор!..

1-й голос

О! погоди, Арсений мой!
Вчера ты был совсем другой.
День без меня — и миг со мной?..

2-й голос

Не плачь... утешься! — близок час
И будет мир ничто для нас.
В чужой, но близкой стороне
Мы будем счастливы одне,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
С тех пор, ты помнишь, как чернец
Меня привез и твой отец
Вручил ему свой кошелек,
С тех пор задумчив, одинок,
Тоской по вольности томим,
Но нежным голосом твоим
И блеском ангельских очей
Прикован у тюрьмы моей,
Задумал я свой край родной
Навек оставить, но с тобой!..
И скоро я в лесах чужих
Нашел товарищей лихих,
Бесстрашных, твердых как булат.
Людской закон для них не свят,
Война их рай, а мир их ад.
Я отдал душу им в заклад,
Но ты моя — и я богат!..

И голоса замолкли вдруг.
И слышит Орша тихий звук,
Звук поцелуя... и другой...
Он вспыхнул, дверь толкнул рукой
И исступленный и немой
Предстал пред бледною четой...
. . . .

Боярин сделал шаг назад,
На дочь он кинул злобный взгляд,
Глаза их встретились — и вмиг
Мучительный, ужасный крик
Раздался, пролетел — и стих.
И тот, кто крик сей услыхал,
Подумал, верно, иль сказал,
Что дважды из груди одной
Не вылетает звук такой.

И тяжко на цветной ковер,
Как труп бездушный с давних пор,
Упало что-то. И на зов
Боярина толпа рабов,
Во всем послушная орда,
Шумя сбежалася тогда,
И без усилий, без борьбы
Схватили юношу рабы.

Нем и недвижим он стоял,
Покуда крепко обвивал
Все члены, как змея, канат;
В них проникал могильный хлад,
И сердце громко билось в нем
Тоской, отчаяньем, стыдом.

Когда ж безумца увели
И шум шагов умолк вдали
И с ним остался лишь Сокол,
Боярин к двери подошел;
В последний раз в нее взглянул,
Не вздрогнул, даже не вздохнул,
И трижды ключ перевернул
В ее заржавленном замке...
Но... ключ дрожал в его руке!
Потом он отворил окно:
Всё было на небе темно,
А под окном меж диких скал
Днепр беспокойный бушевал.
И в волны ключ от двери той
Он бросил сильною рукой,
И тихо ключ тот роковой
Был принят хладною рекой.

Тогда, решив свою судьбу,
Боярин верному рабу
На волны молча указал,
И тот поклоном отвечал...
И через час уж в доме том
Всё спало снова крепким сном,
И только не спал в нем один
Его угрюмый властелин.

ГЛАВА II

The rest thou dost already know,
And all my sins, and half my woe,
But talk no more of penitence...

Byron[1]

Народ кипит в монастыре;
У врат святых и на дворе
Рабы боярские стоят.
Их копья медные горят,
Их шапки длинные кругом
Опушены густым бобром;
За кушаком блестят у них
Ножны кинжалов дорогих.
Меж них стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярского коня,
Стоит; по временам, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истерт ногами седока
В пыли малиновый чепрак;
Весь в мыле серый аргамак,
Мотает гривою густой,
Бьет землю жилистой ногой,
Грызет с досады удила,
И пена легкая, бела,
Чиста, как первый снег в полях,
С железа падает на прах.

Но вот обедня отошла,
Гудят, ревут колокола;
Вот слышно пенье — из дверей
Мелькает длинный ряд свечей;
Вослед игумену-отцу
Монахи сходят по крыльцу
И прямо в трапезу идут:
Там грозный суд, последний суд

---

[1] Остальное тебе уже известно:
И грехи мои — целиком, и скорбь моя — наполовину,
Но не говори мне более о покаянии...

Байрон (англ.). — *Ред.*

Произнесет отец святой
Над бедной грешной головой!

Безмолвна трапеза была.
К стене налево два стола
И пышных кресел полукруг,
Изделье иноческих рук,
Блистали тканью парчевой;
В большие окна свет дневной,
Врываясь белой полосой,
Дробяся в искры по стеклу,
Играл на каменном полу.
Резьбою мелкою стена
Была искусно убрана,
И на двери в кружках златых
Блистали образа святых.
Тяжелый, низкий потолок
Расписывал как знал, как мог
Усердный инок... Жалкий труд!
Отнявший множество минут
У бога, дум святых и дел:
Искусства горестный удел!..

На мягких креслах пред столом
Сидел в бездействии немом
Боярин Орша. Иногда
Усы седые, борода,
С игривым встретившись лучом,
Вдруг отливали серебром,
И часто кудри старика
От дуновенья ветерка
Приподымалися слегка.
Движеньем пасмурных очей
Нередко он искал дверей,
И в нетерпении порой
Он по столу стучал рукой.

В конце противном залы той
Один, в цепях, к нему спиной,
Покрыт одеждою раба,
Стоял Арсений у столба.

Но в молодом лице его
Вы не нашли б ни одного
Из чувств, которых смутный рой
Кружится, вьется над душой
В час расставания с землей.
Хотел ли он перед врагом
Предстать с бесчувственным челом,
С холодной важностью лица
И мстить хоть этим до конца?
Иль он невольно в этот миг
Глубокой мыслию постиг,
Что он в цепи существ давно
Едва ль не лишнее звено?..
Задумчив, он смотрел в окно
На голубые небеса;
Его манила их краса;
И кудри легких облаков,
Небес серебряный покров,
Неслись свободно, быстро там,
Кидая тени по холмам;
И он увидел: у окна,
Заботой резвою полна,
Летала ласточка — то вниз,
То вверх под каменный карниз
Кидалась с дивной быстротой
И в щели пряталась сырой;
То, взвившись на небо стрелой,
Тонула в пламенных лучах...
И он вздохнул о прежних днях,
Когда он жил, страстям чужой,
С природой жизнию одной.
Блеснули тусклые глаза,
Но это блеск был — не слеза;
Он улыбнулся, но жесток
В его улыбке был упрек!

И вдруг раздался звук шагов,
Невнятный говор голосов,
Скрып отворяемых дверей...
Они! — взошли! — толпа людей
В высоких, черных клобуках,
С свечами длинными в руках.

Согбенный тягостью вериг
Пред ними шел слепой старик,
Отец игумен. Сорок лет
Уж он не знал, что божий свет;
Но ум его был юн, богат,
Как сорок лет тому назад.
Он шел, склонясь на посох свой,
И крест держал перед собой;
И крест осыпан был кругом
Алмазами и жемчугом.
И трость игумена была
Слоновой кости, так бела,
Что лишь с седой его брадой
Могла равняться белизной.

Перекрестясь, он важно сел,
И пленника подвесть велел,
И одного из чернецов
Позвал по имени — суров
И холоден был вид лица
Того святого чернеца.
Потом игумен, наклонясь,
Сказал боярину, смеясь,
Два слова на ухо. В ответ
На сей вопрос или совет
Кивнул боярин головой...
И вот слепец махнул рукой!
И понял данный знак монах,
Укор готовый на устах
Словами книжными убрал
И так преступнику вещал:
«Безумный, бренный сын земли!
Злой дух и страсти привели
Тебя медовою тропой
К границе жизни сей земной.
Грешил ты много, но из всех
Грехов страшней последний грех.
Простить не может суд земной,
Но в небе есть судья иной:
Он милосерд — ему теперь
При нас дела свои поверь!»

Арсений

Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел! — благодарю.
Не понимаю, что была
У вас за мысль? — мои дела
И без меня ты должен знать,
А душу можно ль рассказать?
И если б мог я эту грудь
Перед тобою развернуть,
Ты, верно, не прочел бы в ней,
Что я бессовестный злодей!
Пусть монастырский ваш закон
Рукою бога утвержден,
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой:
Он оправдал меня — один
Он сердца полный властелин!
Когда б сквозь бедный мой наряд
Не проникал до сердца яд,
Тогда я был бы виноват.
Но всех равно влечет судьба:
И под одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человек, как и другой.
И ты, и ты, слепой старик,
Когда б ее небесный лик
Тебе явился хоть во сне,
Ты позавидовал бы мне;
И, в исступленьи, может быть,
Решился б также согрешить,
И клятвы б грозные забыл,
И перенесть бы счастлив был
За слово, ласку или взор
Мое мученье, мой позор!..

Орша

Не поминай теперь об ней;
Напрасно!.. у груди моей,
Хоть ныне поздно вижу я,
Согрелась, выросла змея!..
Но ты заплатишь мне теперь
За хлеб и соль мою, поверь.

За сердце ж дочери моей
Я заплачу тебе, злодей,
Тебе, найденыш без креста,
Презренный раб и сирота!..

Арсений

Ты прав... не знаю, где рожден!
Кто мой отец, и жив ли он?
Не знаю... люди говорят,
Что я тобой ребенком взят,
И был я отдан с ранних пор
Под строгий иноков надзор,
И вырос в тесных я стенах
Душой дитя — судьбой монах!
Никто не смел мне здесь сказать
Священных слов: «отец» и «мать»!
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен?
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Но нынче сам я не хочу
Предать их имя палачу
И всё, что славно было б в нем,
Облить и кровью и стыдом:
Умру, как жил, твоим рабом!..
Нет, не грози, отец святой;
Чего бояться нам с тобой?
Обоих нас могила ждет...
Не всё ль равно, что день, что год?
Никто уж нам не господин;
Ты в рай, я в ад — но путь один!
С тех пор, как длится жизнь моя,
Два раза был свободен я,
Последний ныне. В первый раз,
Когда я жил еще у вас,
Среди молитв и пыльных книг,
Пришло мне в мысли хоть на миг
Взглянуть на пышные поля,

Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы!
И в час ночной, в ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
При блеске молний роковых
Я убежал из стен святых;
Боязнь с одеждой кинул прочь,
Благословил и хлад и ночь,
Забыл печали бытия
И бурю братом назвал я.
Восторгом бешеным объят,
С ней унестись я был бы рад,
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил!
О старец, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?..

Игумен

На что нам знать твои мечты?
Не для того пред нами ты!
В другом ты ныне обвинен,
И хочет истины закон.
Открой же нам друзей своих,
Убийц, разбойников ночных,
Которых страшные дела
Смывает кровь и кроет мгла,
С которыми, забывши честь,
Ты мнил несчастную увезть.

Арсений

Мне их назвать? Отец святой,
Вот что умрет во мне, со мной.
О нет, их тайну — не мою —
Я неизменно сохраню,
Пока земля в урочный час
Как двух друзей не примет нас.
Пытай железом и огнем,

Я не признаюся ни в чем;
И если хоть минутный крик
Изменит мне... тогда, старик,
Я вырву слабый мой язык!..

Монах

Страшись упорствовать, глупец!
К чему? уж близок твой конец,
Скорее тайну нам предай.
За гробом есть и ад и рай,
И вечность в том или другом!..

Арсений

Послушай, я забылся сном
Вчера в темнице. Слышу вдруг
Я приближающийся звук,
Знакомый, милый разговор,
И будто вижу ясный взор...
И, пробудясь во тьме, скорей
Ищу тех звуков, тех очей...
Увы! они в груди моей!
Они на сердце как печать,
Чтоб я не смел их забывать,
И жгут его, и вновь живят...
Они мой рай, они мой ад!
Для вспоминания об них
Жизнь — ничего, а вечность — миг!

Игумен

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую в грудь боязнь...
Мечтанья злые — божья казнь!
Молись ему...

Арсений

Напрасный труд!
Не говори, что божий суд
Определяет мне конец:
Всё люди, люди, мой отец!
Пускай умру... но смерть моя

Не продолжит их бытия,
И дни грядущие мои
Им не присвоить — и в крови,
Неправой казнью пролитóй,
В крови безумца молодой
Им разогреть не суждено
Сердца, увядшие давно;
И гроб без камня и креста,
Как жизнь их ни была свята,
Не будет слабым их ногам
Ступенью новой к небесам;
И тень несчастного, поверь,
Не отопрет им рая дверь!..
Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться мне!
Я молод, молод — знал ли ты,
Чтó значит молодость, мечты?
Или не знал? Или забыл,
Как ненавидел и любил?
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой трещине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?..
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл... ты слеп, ты сед,
И от желаний ты отвык...
Что за нужда? ты жил, старик;
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил — я также мог бы жить!..

Но тут игумен с места встал,
Речь нечестивую прервал,
И негодуя все вокруг
На гордый вид и гордый дух,
Столь непреклонный пред судьбой,
Шептались грозно меж собой,

И слово «пытка» там и там
Вмиг пробежало по устам;
Но узник был невозмутим,
Бесчувственно внимал он им.
Так бурей брошен на песок,
Худой, увязнувший челнок,
Лишенный весел и гребцов,
Недвижим ждет напор валов.

. . . .
. . . .
. . . .

...Светает. В поле тишина.
Густой туман, как пелена
С посеребренною каймой,
Клубится над Днепром-рекой.
И сквозь него высокий бор,
Рассыпанный по скату гор,
Безмолвно смотрится в реке,
Едва чернея вдалеке.
И из-за тех густых лесов
Выходят стаи облаков,
А из-за них, огнем горя,
Выходит красная заря.
Блестят кресты монастыря;
По длинным башням и стенам
И по расписанным вратам
Прекрасный, чистый и живой,
Как счастье жизни молодой,
Играет луч ее златой.

Унылый звон колоколов
Созвал уж в храм святых отцов;
Уж дым кадил между столбов,
Вился струей, и хор звучал...
Вдруг в церковь служка прибежал,
Отцу игумену шепнул
Он что-то скоро — тот вздрогну́л
И молвил: «Где же казначей?
Поди спроси его скорей,
Не затерял ли он ключей!»

И казначей из алтаря
Пришел, дрожа и говоря,
Что все ключи еще при нем,
Что не виновен он ни в чем!
Засуетились чернецы,
Забегали во все концы,
И свод нередко повторял
Слова: бежал! кто? как бежал?
И в монастырскую тюрьму
Пошли один по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой!..

Пришли, глядят: распилена
Решетка узкого окна,
Во рву притоптанный песок
Хранил следы различных ног;
Забытый на песке лежал
Стальной, зазубренный кинжал,
И польский шелковый кушак
Изорван, скручен кое-как,
К ветвям березы под окном
Привязан крепким был узлом.

Пошли прилежно по следам:
Они вели к Днепру — и там
Могли заметить на мели
Рубец отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьях тростника
Лоскут того же кушака
Висел, в воде одним концом,
Колеблем ранним ветерком.

«Бежал! Но кто ж ему помог?
Конечно, люди, а не бог!..
И где же он нашел друзей?
Знать, точно он большой злодей!» —
Так, собираясь, меж собой
Твердили иноки порой.

ГЛАВА III

'Tis he! 'tis he! I know him now;
I know him by his pallid brow...

Byron[1]

Зима! Из глубины снегов
Встают, чернея, пни дерёв,
Как призраки, склонясь челом
Над замерзающим Днепром.
Глядится тусклый день в стекло
Прозрачных льдин — и занесло
Овраги снегом. На заре
Лишь заяц крадется к норе
И, прыгая назад, вперед,
Свой след запутанный кладет;
Да иногда, во тьме ночной,
Раздастся псов протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходит волк вокруг гумна.
И если в поле тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрып, и щелканье зубов;
И каждый вечер меж кустов
Сто ярких глаз, как свечи в ряд,
Во мраке прыгают, блестят...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды в ранний утра час
Боярин Орша дал приказ
Собраться челяди своей,
Точить ножи, седлать коней;
И разнеслась везде молва,
Что беспокойная Литва
С толпою дерзких воевод
На землю русскую идет.
От войска русского гонцы
Во все помчалися концы,

---

[1] Это он, это он! Я теперь узнаю его;
Я узнаю его по бледному челу...
Байрон (англ.). — *Ред.*

Зовут бояр и их людей
На славный пир — на пир мечей!

Садится Орша на коня,
Дал знак рукой, гремя, звеня,
Средь вопля женщин и детей
Все повскакали на коней,
И каждый с знаменьем креста
За ним проехал в ворота;
Лишь он, безмолвный, не крестясь,
Как бусурман, татарский князь,
К своим приближась воротам,
Возвел глаза — не к небесам;
Возвел он их на терем тот,
Где прежде жил он без забот,
Где нынче ветер лишь живет
И где, качая изредка
Дверь без ключа и без замка,
Как мать качает колыбель,
Поет гульливая метель!..

. . . .
. . . .
. . . .

Умчался дале шумный бой,
Оставя след багровый свой...
Между поверженных коней,
Обломков копий и мечей
В то время всадник разъезжал;
Чего-то, мнилось, он искал,
То низко голову склоня
До гривы черного коня,
То вдруг привстав на стременах...
Кто ж он? не русский! и не лях —
Хоть платье польское на нем
Пестрело ярко серебром,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрам коня!
Чела крутого смуглый цвет,
Глаза, в которых мрак и свет

В борьбе сменялися не раз,
Почти могли б уверить вас,
Что в нем кипела кровь татар...
Он был не молод — и не стар.
Но, рассмотрев его черты,
Не чуждые той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блеск печальный свой
Мысль неизменная дала,
Где всё, что есть добра и зла
В душе, прикованной к земле,
Отражено как на стекле, —
Вздохнувши, всякий бы сказал,
Что жил он меньше, чем страдал.

Среди долины был курган.
Корнистый дуб, как великан,
Его пятою попирал
И горделиво расстилал
Над ним по прихоти своей
Шатер чернеющих ветвей.
Тут бой ужасный закипел,
Тут и затих. Громада тел,
Обезображенных мечом,
Пестрела на кургане том,
И снег, окрашенный в крови,
Кой-где протаял до земли;
Кора на дубе вековом
Была изрублена кругом,
И кровь на ней видна была,
Как будто бы она текла
Из глубины сих новых ран...
И всадник взъехал на курган,
Потом с коня он соскочил
И так в раздумьи говорил:
«Вот место — мертвый иль живой
Он здесь... вот дуб — к нему спиной
Прижавшись, бешеный старик
Рубился — видел я хоть миг,
Как, окружен со всех сторон,
С пятью рабами бился он,
И дорого тебе, Литва,

Досталась эта голова!..
Здесь, сквозь толпу, издалека
Я видел, как его рука
Три раза с саблей поднялась
И опустилась — каждый раз,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьем бежала кровь...
Четвертый взмах я долго ждал!
Но с поля он не побежал,
Не мог бежать, хотя б желал!..»
И вдруг он внемлет слабый стон,
Подходит, смотрит: «Это он!»
Главу, омытую в крови,
Боярин приподнял с земли
И слабым голосом сказал:
«И я узнал тебя! узнал!
Ни время, ни чужой наряд
Не изменят зловещий взгляд
И это бледное чело,
Где преступление и зло
Печать оставили свою.
Арсений! Так, я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою
И в ней шипящую змею!
Я узнаю и голос твой
Меж звуков стороны чужой,
Которыми ты, может быть,
Его желаешь изменить.
Твой умысел постиг я весь,
Я знаю, для чего ты здесь.
Но верный родине моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты б желал, изменник-лях,
Прочесть в них близкой смерти страх,
И сожаленье, и печаль...
Но знай, что жизни мне не жаль,
А жаль лишь то, что час мой бил,
Покуда я не отомстил;
Что не могу поднять меча,
Что на руках моих, с плеча
Омытых кровью до локтей

Злодеев родины моей,
Ни капли крови нет твоей!..»

«Старик! о прежнем позабудь...
Взгляни сюда, на эту грудь,
Она не в ранах, как твоя,
Но в ней живет тоска-змея!
Ты отомщен вполне, давно,
А кем и как — не всё ль равно?
Но лучше мне скажи, молю,
Где отыщу я дочь твою?
От рук врагов земли твоей,
Их поцелуев и мечей,
Хоть сам теперь меж ними я,
Ее спасти я поклялся!»

«Скачи скорей в мой старый дом,
Там дочь моя; ни ночь, ни днем
Не ест, не спит, всё ждет да ждет,
Покуда милый не придет!
Спеши... уж близок мой конец,
Теперь обиженный отец
Для вас лишь страшен как мертвец!»
Он дальше говорить хотел,
Но вдруг язык оцепенел;
Он сделать знак хотел рукой,
Но пальцы сжались меж собой.
Тень смерти мрачной полосой
Промчалась на его челе;
Он обернул лицо к земле,
Вдруг протянулся, захрипел,
И — дух от тела отлетел!

К нему Арсений подошел,
И руки сжатые развел,
И поднял голову с земли:
Две яркие слезы текли
Из побелевших мутных глаз,
Собой лишь светлы, как алмаз.
Спокойны были все черты,
Исполненны той красоты,

Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.

И долго юноша над ним
Стоял, раскаяньем томим,
Невольно мысля о былом,
Прощая — не прощен ни в чем!
И на груди его потом
Он тихо распахнул кафтан:
Старинных и последних ран
На ней кровавые следы
Вились, чернели, как бразды.
Он руку к сердцу приложил,
И трепет замиравших жил
Ему неясно возвестил,
Что в буйном сердце мертвеца
Кипели страсти до конца,
Что блеск печальный этих глаз
Гораздо прежде их погас!..

Уж время шло к закату дня,
И сел Арсений на коня,
Стальные шпоры он в бока
Ему вонзил — и в два прыжка
От места битвы роковой
Он был далеко. Пеленой
Широкою за ним луга
Тянулись: яркие снега
При свете косвенных лучей
Сверкали тысячью огней.
Пред ним стеной знакомый лес
Чернеет на краю небес;
Под сень дерев въезжает он:
Всё тихо, всюду мертвый сон,
Лишь иногда с седого пня,
Послыша близкий храп коня,
Тяжелый ворон, царь степной,
Слетит и сядет на другой,
Свой кровожадный чистя клёв
О сучья жесткие дерёв;
Лишь отдаленный вой волков,

Бегущих жадною толпой
На место битвы роковой,
Терялся в тишине степей...
Сыпучий иней вкруг ветвей
Берез и сосен, над путем
Прозрачным свившихся шатром,
Висел косматой бахромой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за них он задевал,
Прах серебристый осыпал
Его лицо... и быстро он
Скакал, в раздумье погружен.
Измучил непривычный бег
Его коня — в глубокий снег
Он вязнет часто... труден путь!
Как печь, его дымится грудь,
От нетерпенья седока
В крови и пене все бока.
Но близко, близко... вот и дом
На берегу Днепра крутом
Пред ним встает из-за горы,
Заборы, избы и дворы
Приветливо между собой
Теснятся пестрою толпой,
Лишь дом боярский между них,
Как призрак, сумрачен и тих!..

Он въехал на широкий двор.
Всё пусто... будто глад иль мор
Недавно пировали в нем.
Он слез с коня, идет пешком...
Толпа играющих детей,
Испуганных огнем очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И бледностью его лица,
Его встречает у крыльца
И с криком убегает прочь...
Он входит в дом — в покоях ночь,
Закрыты ставни, пол скрыпит,
Пустая утварь дребезжит
На старых полках; лишь порой
Широкой, белой полосой

Рисуясь на печи большой,
Проходит в трещину ставней
Холодный свет дневных лучей!

И лестницу Арсений зрит
Сквозь сумрак; он бежит, летит
Наверх, по шатким ступеням.
Вот свет блеснул его очам,
Пред ним замерзшее окно:
Оно давно растворено,
Сугробом собрался большим
Снег, не растаявший под ним.
Увы! знакомые места!
Налево дверь — но заперта.
Как кровью, ржавчиной покрыт,
Большой замок на ней висит,
И, вынув нож из кушака,
Он всунул в скважину замка,
И, затрещав, распался тот...
И тихо дверь толкнув вперед,
Он входит робкою стопой
В светлицу девы молодой.

Он руку с трепетом простер,
Он ищет взором милый взор,
И слабый шепчет он привет:
На взгляд, на речь ответа нет!
Однако смято ложе сна,
Как будто бы на нем она
Тому назад лишь день, лишь час
Главу покоила не раз,
Младенческий вкушая сон.
Но, приближаясь, видит он
На тонких белых кружевах
Чернеющий слоями прах,
И ткани паутин седых
Вкруг занавесок парчевых.

Тогда в окно светлицы той
Упал заката луч златой,
Играя, на ковер цветной;
Арсений голову склонил...

Но вдруг затрясся, отскочил
И вскрикнул, будто на змею
Поставил он пяту свою...
Увы! теперь он был бы рад,
Когда б быстрей, чем мысль иль взгляд,
В него проник смертельный яд!..

Громаду белую костей
И желтый череп без очей
С улыбкой вечной и немой —
Вот что узрел он пред собой.
Густая, длинная коса,
Плеч беломраморных краса,
Рассыпавшись, к сухим костям
Кой-где прилипнула... и там,
Где сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно без пищи уж бродил
Кровавый червь — жилец могил!

. . . .

«Так вот всё то, что я любил!
Холодный и бездушный прах,
Горевший на моих устах,
Теперь без чувства, без любви
Сожмут объятия земли.
Душа прекрасная ее,
Приняв другое бытие,
Теперь парит в стране святой,
И как укор передо мной
Ее минутной жизни след!
Она погибла в цвете лет
Средь тайных мук иль без тревог,
Когда и как, то знает бог.
Он был отец — но был мой враг:
Тому свидетель этот прах,
Лишенный сени гробовой,
На свете признанный лишь мной!

Да, я преступник, я злодей —
Но казнь равна ль вине моей?
Ни на земле, ни в свете том

Нам не сойтись одним путем...
Разлуки первый грозный час
Стал веком, вечностью для нас;
О, если б рай передо мной
Открыт был властью неземной,
Клянусь, я прежде, чем вступил,
У врат священных бы спросил,
Найду ли там среди святых
Погибший рай надежд моих.
Творец! отдай ты мне назад
Ее улыбку, нежный взгляд,
Отдай мне свежие уста
И голос сладкий, как мечта,
Один лишь слабый звук отдай...
Что без нее земля и рай?
Одни лишь звучные слова,
Блестящий храм — без божества!..

Теперь осталось мне одно:
Иду! — куда? не всё ль равно,
Та иль другая сторона?
Здесь прах ее, но не она!
Иду отсюда навсегда
Без дум, без цели и труда,
Один с тоской во тьме ночной,
И вьюга след завеет мой!..»

1835—1836

САШКА

Нравственная поэма

1

Наш век смешон и жалок, — всё пиши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, —
Пою, смеюсь. Герой мой добрый малый.

2

Он был мой друг. С ним я не знал хлопот,
С ним чувствами и деньгами делился;
Он брал на месяц, отдавал чрез год,
Но я за то нимало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас скажет,
Когда же весел, счастлив — глаз не кажет.
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне «ты»;
Хвалил во мне, что прочие хвалили,
И был мой вечный визави в кадрили.

3

Он был мой друг. Уж нет таких друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спит оно в земле чужих полей,
Не тронуто никем, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челе твоем,
Когда глаза сомкнулись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших не понял ни единый.

4

И было ль то привет стране родной,
Названье ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга —
Как разгадать? Что может в час такой
Наполнить сердце, жившее так много
И так недолго с смутною тревогой?
Один лишь друг умел тебя понять
И ныне может, должен рассказать
Твои мечты, дела и приключенья —
Глупцам в забаву, мудрым в поученье.

5

Будь терпелив, читатель милый мой!
Кто б ни был ты: внук Евы иль Адама,
Разумник ли, шалун ли молодой, —
Картина будет; это — только рама!
От правил, утвержденных стариной,
Не отступлю, — я уважаю строго
Всех стариков, а их теперь так много...
Не правда ль, кто не стар в осьмнадцать лет,
Тот, верно, не видал людей и свет,
О наслажденьях знает лишь по слухам
И предан был учителям да мукам.

6

Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.
Там (я весь мир в свидетели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Занятья вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва — не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить Москву.
Там я впервые в дни надежд и счастья
Был болен от любви и любострастья.

7

Москва, Москва!.. люблю тебя; как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

8

Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.
Бывало, я у башни угловой
Сижу в тени, и солнца луч осенний
Играет с мохом в трещине сырой,
И из гнезда, прикрытого карнизом,
Касатки вылетают, верхом, низом
Кружатся, вьются, чуждые людей.
И я, так полный волею страстей,
Завидовал их жизни безызвестной,
Как упованье вольной поднебесной.

9

Я не философ — боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетом пташки
Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей замашки.
Ну, муза, — ну, скорее, — разверни
Запачканный листок свой подорожный!..
Не завирайся, — тут зоил безбожный...
Куда теперь нам ехать из Кремля?
Ворот ведь много, велика земля!
Куда? «На Пресню погоняй, извозчик!»
«Старуха, прочь!.. Сворачивай, разносчик!»

10

Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр голландской.
Сравненье дерзко, но люблю я страх
Все дерзости, по вольности дворянской.
Спокойствия рачитель на часах
У будки пробудился, восклицая:
«Кто едет?» — «Муза!» — «Что за черт! Какая?»
Ответа нет. Нот вот уже пруды...
Белеет мост, по сторонам сады
Под инеем пушистым спят унылы;
Луна сребрит железные перилы.

11

Гуляка праздный, пьяный молодец,
С осанкой важной, в фризовой шинели,
Держась за них, бредет — и вот конец
Перилам. «Всё направо!» Заскрипели
Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длинной
Мелькая мимо, кланяются чинно...
Вдали мелькнул знакомый огонек...
«Держи к воротам... Стой, — сугроб глубок!..
Пойдем по снегу, муза, только тише
И платье подними как можно выше».

12

Калитка — скрып... Двор темен. По доскам
Идти неловко... Вот насилу сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить ногам.
Взошли. Толкнули дверь — и свет огарка
Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь гостям
И вопрошает: «Что угодно вам?»
И, услыхав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится неучтиво...

13

Но, несмотря на это, мы взойдем:
Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса, каждый дом
Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в чем...
У столика, в одном углу светлицы,
Сидели две... девицы — не девицы...
Красавицы... названье тут как раз!..
Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столице
Красавицею быть или девицей?

14

Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все видали).
Свеча горела трепетным огнем,
И часто, вспыхнув, луч ее мгновенный
Вдруг обливал и потолок и стены.
В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,
Блистала вдруг листами золотыми.

15

Одна из них (красавиц) не вполне
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув — о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор прилежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подруги иногда
Из уст ее пустое «нет» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили вниманья.

16

Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид чела
Казался ей приличен. Как Сусанна,
Она б на суд неправедный пошла
С лицом холодным и спокойным взором;
Такая смесь не может быть укором.
В том вы должны поверить мне в кредит,
Тем боле что отец ее был жид,
А мать (как помню) полька из-под Праги...
И лжи тут нет, как в том, что мы — варяги.

17

Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом,
И раз, как он украдкою гулял
В мундире польском вдоль по бастионам,
Неловкий выстрел в лоб ему попал.
И многие, вздохнув, сказали: «Жалкой,
Несчастный жид, — он умер не под палкой!»
Его жена пять месяцев спустя
Произвела на божий свет дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по воле одного корнета.

18

Под рубищем простым она росла
В невежестве, как травка полевая
Прохожим не замечена, — ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал — пора любви пришла.
Какой-то смертный ей сказал два слова:
Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней шесть,
Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать ошибки,
Она дарила всем свои улыбки...

19

Мечты любви умчались, как туман.
Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за обман
(Я так слыхал, и вы слыхали тоже).
В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, томно,
Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, — и, конечно,
Был это знак тоски немой, сердечной.

20

Безвестная печаль сменялась вдруг
Какою-то веселостью недужной...
(Дай бог, чтоб всех томил такой недуг!)
Волной вставала грудь, и пламень южный
В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик младой
Катился, лоснясь, черною струей;
И ножка, разрезвясь, не зная плена,
Бесстыдно обнажалась до колена.

21

Когда шалунья навзничь на кровать,
Шутя, смеясь, роскошно упадала,
Не спорю, мудрено ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу приказать,
Как баловню-ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой
Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Всё это мы со временем узнаем.

22

Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую картину.
Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину
И мысли их встречалися во всем.
О, если б знали, сколько в этом званье
Сердец отличных, добрых! Но вниманье
Увлечено блистаньем модных дам.
Вздыхая, мы бежим по их следам...
Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из модной лавки!

23

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и шея,
Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не краснея,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть плечо,
Ласкать умела буйно, горячо
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

24

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать названье:
Скажу ль, при этом имени, друзья,
В груди моей шипит воспоминанье,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, — молчу или браню весь дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы нашу
Варюшу здесь перекрестим в Парашу.

25

Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет лира!
Живой водой печали окроплен,
Как труп давно застывшего вампира,
Грозя перстом, поднялся молча он.
И мысль к нему прикована... Ужели
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук иных —
Волшебный стан и пару глаз больших?
(Хоть, признаюсь вам, разбирая строго,
Получше их видал я после много.)

26

Да, много лет и много горьких мук
С тех пор отяготело надо мною;
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, — и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомонно,
Ее глаза мне светят благосклонно.
Так в час ночной, когда гроза шумит
И бродят облака, — звезда горит
В дали эфирной, не боясь их злости,
И шлет свои лучи на землю в гости.

27

Пред нагоревшей сальною свечой
Красавицы, раздумавшись, сидели,
И заставлял их вздрагивать порой
Унылый свет играющей метели.
И как и вам, читатель милый мой,
Им стало скучно... Вот, наместо знака
Условного, залаяла собака,
И у калитки брякнуло кольцо.
Вот чей-то голос... Идут на крыльцо...
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со стула,

28

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, закидан снегом,
Явился гость... Насмешливый поклон
Отвесил и, как будто долгим бегом
Или волненьем был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою
Сняла Параша плащ, потом другою
Стряхнула иней с шелковых кудрей
Пришельца. Видно, нравился он ей...
Всё нравится, что молодо, красиво
И в чем мы видим прибыль особливо.

29

Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали свет,
И галстук надушéн был, как на бале.
Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казалися покрыты
Его чело и нежные ланиты, —
Не знаю, мук ли то последних след,
Но мне давно знаком был этот цвет, —
И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блуждала.

30

Заметно было в нем, что с ранних дней
В кругу хорошем, то есть в модном свете,
Он обжился, что часть своих ночей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но печальных,
Нашли бы вы без наблюдений дальных
Презренье, гордость; хоть он не был горд,
Как глупый турок иль богатый лорд,
Но всё-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

31

Борьба рождает гордость. Воевать
С людскими предрассудками труднее,
Чем тигров и медведей поражать
Иль со штыком на вражьей батарее
За белый крестик жизнью рисковать...
Клянусь, иметь великий надо гений,
Чтоб разом сбросить цепь предубеждений,
Как сбросил бы я платье, если б вдруг
Из севера всевышний сделал юг.
Но ныне нас противное пугает:
Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

32

Да кто же этот гость?.. Pardon, сейчас!..
Рассеянность... Monsieur, рекомендую:
Герой мой, друг мой — Сашка!.. Жаль для вас,
Что случай свел в минуту вас такую
И в этом месте... Верьте, я не раз
Ему твердил, что эти посещенья
О нем дадут весьма дурное мненье.
Я говорил, — он слушал, он был весь
Вниманье... Глядь, а вечером уж здесь!..
И я нашел, что мне его исправить
Труднее в прозе, чем в стихах прославить.

33

Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» — старое названье!
Но «Сашка» тот печати не видал,
И, недозревший, он угас в изгнанье.
Мой Сашка меж друзей своих не знал
Другого имя, — дурно ль, хорошо ли,
Разуверять друзей не в нашей воле.
Он галстук снял, рассеянно перстом
Провел по лбу, поморщился, потом
Спросил: «Где Тирза?» — «Дома». — «Что ж
не видно
Ее?» — «Уснула». — «Как ей спать не стыдно!»

34

И он поспешно входит в тот покой,
Где часто с Тирзой пламенные ночи
Он проводил... Всё полно тишиной
И сумраком волшебным; прямо в очи
Недвижно смотрит месяц золотой
И на стекле в узоры ледяные
Кидает искры, блестки огневые,
И голубым сиянием стена
Игриво и светло озарена.
И он (не месяц, но мой Сашка) слышит,
В углу на ложе кто-то слабо дышит.

35

Он руку протянул, — его рука
Попала в стену; протянул другую —
Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но какую?!.
Так миньятюрна, так нежна, мягка
Казалась эта ножка, что невольно
Подумал он, не сделал ли ей больно.
Меж тем рука всё далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот — для чего смеетесь вы заране? —
Вот очутилась на двойном кургане...

36

Блаженная минута!.. Закипел
Мой Александр, склонившись к деве спящей.
Он поцелуй на грудь напечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвеньи пылком он не смел
Дохнуть... Он думал: «Тирза дорогая!
И жизнию и чувствами играя,
Как ты, я чужд общественных связей, —
Как ты, один с свободою моей,
Не знаю в людях ни врага, ни друга, —
Живу, чтоб жить как ты, моя подруга!

37

Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навечно, —
Не всё ль равно, что год, что день, что час,
Лишь только б я провел его беспечно?..»
И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, казалось,
Что резвое созданье притворялось.
Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Как надлежало... (Страх и удивленье
Для женщин в важных случаях спасенье.)

38

И, прежде потерев глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» — «Я, твой Саша!»
— «Неужто?.. Видишь, баловник какой!
Ступай, давно там ждет тебя Параша!..
Нет, надо разбудить меня... Постой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.
Да, мерзкий критик, что ты ни толкуй,
А есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень сладко!..

39

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То, верно б, свой престол украсил ею, —
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем что не рожден
Владыкой, и не знаю, в низкой доле,
Как люди ценят вещи на престоле;
Но знаю только то, что Сашка мой
За целый мир не отдал бы порой
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной сказки.

40

«Откуда ты?» — «Не спрашивай, мой друг!
Я был на бале!» — «Бал! а что такое?»
— «Невежда! это — говор, шум и стук,
Толпа глупцов, веселье городское, —
Наружный блеск, обманчивый недуг;
Кружатся девы, чванятся нарядом,
Притворствуют и голосом и взглядом.
Кто ловит душу, кто пять тысяч душ...
Все так невинны, но я им не муж.
И как ни уважаю добродетель,
А здесь мне лучше, в том луна свидетель».

41

Каким-то новым чувством смущена,
Его слова еврейка поглощала.
Сначала показалась ей смешна
Жизнь городских красавиц, но... сначала.
Потом пришло ей в мысль, что и она
Могла б кружиться ловко пред толпою,
Терзать мужчин надменной красотою,
В высокие смотреться зеркала
И уязвлять, но не желая зла,
Соперниц гордой жалостью, и в свете
Блистать, и ездить четверней в карете.

42

Она прижалась к юноше. Листок
Так жмется к ветке, бурю ожидая.
Стучало сердце в ней, как молоток,
Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног
Она горела. Груди молодые
Как персики являлись наливные
Из-под сорочки... Сашкина рука
По ним бродила медленно, слегка...
Но... есть во мне к стыдливости вниманье —
И целый час я пропущу в молчанье.

43

Всё было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц дымкою одели,
И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные трели;
И мышь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилежно.
Моя чета, раскинувшись небрежно.
Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким днем,
Что ночь... Вы на веку своем едва ли
Таких ночей десяток насчитали...

44

Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все шутки!
Какая мысль мне странная пришла:
Что, если б ты, откинув предрассудки
(Она его тут крепко обняла),
Что, если б ты, мой милый, мой бесценный,
Хотел меня утешить совершенно,
То завтра или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с собой.
Известно мне, всё для тебя возможно,
А отказать в безделице безбожно».

45

«Пожалуй!» — отвечал ей Саша. Он
Из слов ее расслушал половину, —
Его клонил к подушке сладкий сон,
Как птица клонит слабую тростину.
Блажен, кто может спать! Я был рожден
С бессонницей. В теченье долгой ночи,
Бывало, беспокойно бродят очи
И жжет подушка влажное чело.
Душа грустит о том, что уж прошло,
Блуждая в мире вымысла без пищи,
Как лазарони или русский нищий...

46

И жадный червь ее грызет, грызет, —
Я думаю, тот самый, что когда-то
Терзал Саула; но порой и тот
Имел отраду: арфы звук крылатый,
Как ангела таинственный полет,
В нем воскрешал и слезы и надежды;
И опускались пламенные вежды,
С гармонией сливалася мечта,
И злобный дух бежал, как от креста.
Но этих звуков нет уж в поднебесной, —
Они исчезли с арфою чудесной...

47

И всё исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир — лишь прах могильный
Другого, — горсть земли, в борьбе веков
Случайно уцелевшая, рукою сильной
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного платья,
И по сродству имеют в добрый час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится каша, —
В кулачки, и... прощай планета наша.

48

И пусть они блестят до той поры,
Как ангелов вечерние лампады.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит и небо чисто,
Теряться взором в их цепи огнистой, —
И мнится, что меж ними и землей
Есть путь, давно измеренный душой,
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их света.

49

Итак, герой наш спит, приятный сон,
Покойна ночь, а вы, читатель милый,
Пожалуйте, — иначе принужден
Я буду удержать вас силой...
Роман, вперед! .. Не йдет? Ну, так он
Пойдет назад. Герой наш спит покуда,
Хочу я рассказать, кто он, откуда,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

50

Его отец — симбирский дворянин,
Иван Ильич N., муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум природный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с миром
Уволен был в отставку бригадиром;
А бригадир блаженных тех времен
Был человек и, следственно, умен.
Иван Ильич наш слыл по крайней мере
Любезником в своей симбирской сфере.

51

Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул познанья.
Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.
Однако же пред знатью горделивой
Умел он гнуться скромно и учтиво.
Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельможе
Считалося тогда одно и то же.

52

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал улыбкой,
И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.
В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не соврать бы),
Что был он грустен на другой день свадьбы
И что печаль его была одна
Из тех, какими жизнь мужей полна.
По мне, они большие эгоисты —
Всё жен винят, как будто сами чисты.

53

Благодари меня, о женский пол!
Я — Демосфен твой: за твою свободу
Я рад шуметь; я непомерно зол
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть им дал? .. Восстаньте, — час пришел!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда все девы! Прочь терпенье!
Конец всему есть! Беззаботно, явно
Идите вслед за Марьей Николавной!
Понять меня, я знаю, вам легко,
Ведь в ваших жилах — кровь, не молоко,
И вы краснеть умеете уж кстати
От взоров и намеков нашей братьи.

54

Иван Ильич стерег жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой чести.
Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы
Или смотреть на светлый шар Дианы,
В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, — от них мечты родятся...
А искушенью только бы добраться!

55

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала целью.
Как быть: пчела садится на цветок,
А не на камень; чувствам и веселью
Казенных не назначено дорог.
На брачном ложе Марья Николавна
Была, как надо, ласкова, исправна.
Но, говорят (хоть, может быть, и лгут),
Что долг супруги — только лишний труд.
Мужья у жен подобных (не в обиду
Будь сказано), как вывеска, для виду.

56

Иван Ильич имел в Симбирске дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в нем,
И он дряхлел, заброшен без надзора,
Как инвалид с георгьевским крестом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились рядами.
Прозрачною решеткой окружен,
Как клетка, между них висел балкон,
И над дверьми стеклянными в порядке
Виднелися гардин прозрачных складки.

57

Внутри всё было пышно; на столах
Пестрели разноцветные клеенки,
И люстры отражались в зеркалах,
Как звезды в луже; моськи и болонки
Встречали шумно каждого в дверях,
Одна другой несноснее, а дале
Зеленый попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «Кто пришел?.. Дурак!»
А гость с улыбкой думал: «Как не так!»
И, ласково хозяйкой принимаем,
Чрез пять минут мирился с попугаем.

58

Из окон был прекрасный вид кругом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми главами,
И кое-где в тени — отрада днем —
Уютный сад, обсаженный рябиной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка, если вам
Угодно, или как меж знатных дам
Румяная крестьянка — дочь природы,
Испуганная блеском гордой моды.

59

Под глинистой утесистой горой,
Унизанной лачужками, направо,
Катилася широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, теснились,
И флюгера на длинных мачтах бились,
Жужжа на ветре, и скрипел канат
Натянутый; и, серой мглой объят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной мели.

60

Нестройный говор грубых голосов
Между судов перебегал порою;
Смех, песни, брань, протяжный крик
пловцов —
Всё в гул один сливалось над водою.
И Марья Николавна, хоть суров
Казался ветр и день был на закате,
Накинув шаль или капот на вате,
С французской книжкой, часто, сев к окну,
Следила взором сизую волну,
Прибрежных струй приливы и отливы,
Их мерный бег, их золотые гривы.

61

Два года жил Иван Ильич с женой,
И всё не тесны были ей корсеты.
Ее ль сложенье было в том виной,
Или его немолодые леты?..
Не мне в делах семейных быть судьей!
Иван Ильич иметь желал бы сына
Законного: хоть правом дворянина
Он пользовался часто, но детей,
Вне брака прижитых, злодей,
Раскидывал по свету, где случится,
Страшась с своей деревней породниться.

62

Какая сладость в мысли: я отец!
И в той же мысли сколько муки тайной —
Оставить в мире след и наконец
Исчезнуть! Быть злодеем, и случайно, —
Злодеем потому, что жизнь — венец
Терновый, тяжкий, — так, по крайней мере,
Должны мы рассуждать по нашей вере...
К чему, куда ведет нас жизнь, о том
Не с нашим бедным толковать умом;
Но, исключая два-три дня да детство,
Она бесспорно скверное наследство.

63

Бывало, этой думой удручен,
Я прежде много плакал, и слезами
Я жег бумагу. Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над степями;
Но пылкий дух мой не был освежен,
В нем родилися бури, как в пустыне,
Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу вместо слез, бурь тех
Один лишь отзыв — звучный, горький смех...
Там, где весной белел поток игривый,
Лежат кремни — и блещут, но не живы!

64

Прилично б было мне молчать о том,
Но я привык идти против приличий
И, говоря всеобщим языком,
Не жду похвал. Поэт породы птичей,
Любовник роз, над розовым кустом
Урчит и свищет меж листов душистых.
Об чем? Какая цель тех звуков чистых?
Прошу хоть раз спросить у соловья.
Он вам ответит песнью... Так и я:
Пишу, что мыслю, мыслю, что придется,
И потому мой стих так плавно льется.

65

Прошло два года. Третий год
Обрадовал супругов безнадежных:
Желанный сын, любви взаимной плод,
Предмет забот мучительных и нежных,
У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были пьяны
Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медвежонок.

66

Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обещает.
И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? — небо знает!
К тому ж полночный вой собак
И страшный шум на чердаке высоком —
Приметы злые; но, не быв пророком,
Я только покачаю головой.
Гамлет сказал: «Есть тайны под луной
И для премудрых», — как же мне, поэту
Не верить можно тайнам и Гамлету? ..

67

Младенец рос милее с каждым днем:
Живые глазки, белые ручонки
И русый волос, вьющийся кольцом,
Пленяли всех знакомых; уж пеленки
Рубашечкой сменилися на нем;
И, первые проказы начиная,
Уж он дразнил собак и попугая...
Года неслись, а Саша рос, и в пять
Добро и зло он начал понимать;
Но, верно, по врожденному влеченью,
Имел большую склонность к разрушенью.

68

Он рос... Отец его бранил и сек —
Затем что сам был с детства часто сечен,
А слава богу вышел человек:
Не стыд семьи, не туп, не изувечен.
Понятья были низки в старый век...
Но Саша с гордой был рожден душою
И желчного сложенья, — пред судьбою,
Перед бичом язвительной молвы
Он не склонял и после головы.
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел.

69

Великий грех!.. Но чем теплее кровь,
Тем раньше зреют в сердце беспокойном
Все чувства — злоба, гордость и любовь,
Как дерева под небом юга знойным.
Шалун мой хмурил маленькую бровь,
Встречаясь с нежным папенькой; от взгляда
Он вздрагивал, как будто б капля яда
Лилась по жилам. Это, может быть,
Смешно, — что ж делать! — он не мог любить,
Как любят все гостиные собачки
За лакомства, побои и подачки.

70

Он был дитя, когда в тесовый гроб
Его родную с пеньем уложили.
Он помнил, что над нею черный поп
Читал большую книгу, что кадили
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в молчанье.
И что когда последнее лобзанье
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кричать,
И что отец, немного с ним поспоря,
Велел его посечь... (конечно, с горя).

71

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомненью сердце предал
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир воздушный
И в нем терялся мыслию послушной.
Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но одинок;
Ладьи к нему с гостями не пристанут,
Цветы на нем от зноя все увянут...

72

Он был рожден под гибельной звездой,
С желаньями безбрежными, как вечность.
Они так часто спорили с душой
И отравили лучших дней беспечность.
Они летали над его главой,
Как царская корона; но без власти
Венец казался бременем, и страсти,
Впервые пробудясь, живым огнем
Прожгли алтарь свой, не найдя кругом
Достойной жертвы, — и в пустыне света
На дружний зов не встретил он ответа.

73

О, если б мог он, как бесплотный дух,
В вечерний час сливаться с облаками,
Склонять к волнам кипучим жадный слух,
И долго упиваться их речами,
И обнимать их перси, как супруг!
В глуши степей дышать со всей природой
Одним дыханьем, жить ее свободой!
О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить свет!..
(Но, к счастию для вас, читатель милый,
Он не был одарен подобной силой.)

74

Я не берусь вполне, как психолог,
Характер Саши выставить наружу
И вскрыть его, как с труфлями пирог.
Скорей судей молчаньем я принужу
К решению... Пусть суд их будет строг!
Пусть журналист всеведущий хлопочет,
Зачем тот плачет, а другой хохочет!..
Пусть скажет он, что бесом одержим
Был Саша, — я и тут согласен с ним,
Хотя, божусь, приятель мой, повеса,
Взбесил бы иногда любого беса.

75

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess.[1] Педант полузабавный,
Имел он длинный нос и тонкий вкус
И потому брал деньги преисправно.
Покорный раб губернских дам и муз,
Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;
Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах он
И, быв уверен в дамской благодати,
Не размышлял, что́ кстати, что́ некстати.

76

Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного волненья:
На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украшенья.
Приятель наш, парижский Адонис,
Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:
Он молча проклял вольность и народ,
И натощак отправился в поход,
И наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять науки.

77

И Саша мой любил его рассказ
Про сборища народные, про шумный
Напор страстей и про последний час
Венчанного страдальца... Над безумной
Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье:
Там слышал он святых голов паденье,
Меж тем как нищих буйный миллион
Кричал, смеясь: «Да здравствует закон!» —
И, в недостатке хлеба или злата,
Просил одной лишь крови у Марата.

---

[1] Маркиз де Тесс (франц.). — *Ред.*

78

Там видел он высокий эшафот;
Прелестная на звучные ступени
Всходила женщина... Следы забот,
Следы живых, но тайных угрызений
Виднелись на лице ее. Народ
Рукоплескал... Вот кудри золотые
Посыпались на плечи молодые;
Вот голова, носившая венец,
Склонилася на плаху... О, творец!
Одумайтесь! Еще момент, злодеи!..
И голова оторвана от шеи...

79

И кровь с тех пор рекою потекла,
И загремела жадная секира...
И ты, поэт, высокого чела
Не уберег! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Всё, всё, что ты считал своей душою, —
Слова, мечты с надеждой и тоскою...
Напрасно!.. Ты прошел кровавый путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил — и ты погиб бесплодно...

80

И Франция упала за тобой
К ногам убийц бездушных и ничтожных.
Никто не смел возвысить голос свой;
Из мрака мыслей гибельных и ложных
Никто не вышел с твердою душой, —
Меж тем как втайне взор Наполеона
Уж зрел ступени будущего трона...
Я в этом тоне мог бы продолжать,
Но истина — не в моде, а писать
О том, что было двести раз в газетах,
Смешно, тем боле об таких предметах.

81

К тому же я совсем не моралист, —
Ни блага в зле, ни зла в добре не вижу,
Я палачу не дам похвальный лист,
Но клеветой героя не унижу, —
Ни плеск восторга, ни насмешки свист
Не созданы для мертвых. Царь иль воин,
Хоть он отличья иногда достоин,
Но, верно, нам за тяжкий мавзолей
Не благодарен в комнатке своей
И, длинным одам внемля поневоле,
Зевая вспоминает о престоле.

82

Я прикажу, кончая дни мои,
Отнесть свой труп в пустыню, и высокий
Курган над ним насыпать, и — любви
Символ ненарушимый — одинокий
Поставить крест: быть может, издали,
Когда туман протянется в долине
Иль свод небес взбунтуется, к вершине
Гостеприимной нищий пешеход,
Его заметив, медленно придет,
И, отряхнувши посох, безнадежней
Вздохнет о жизни будущей и прежней —

83

И проклянет, склонясь на крест святой,
Людей и небо, время и природу, —
И проклянет грозы бессильный вой
И пылких мыслей тщетную свободу. . .
Но нет, к чему мне слушать плач людской?
На что мне черный крест, курган, гробница?
Пусть отдадут меня стихиям! Птица,
И зверь, огонь, и ветер, и земля
Разделят прах мой, и душа моя
С душой вселенной, как эфир с эфиром,
Сольется и развеется над миром! . .

84

Пускай от сердца, полного тоской
И желчью тайных тщетных сожалений,
Подобно чаше, ядом налитой,
Следов не остается... Без волнений
Я выпил яд по капле, ни одной
Не уронил; но люди не видали
В лице моем ни страха, ни печали
И говорили хладно: он привык.
И с той поры я облил свой язык
Тем самым ядом и по праву мести
Стал унижать толпу под видом лести...

85

Но кончим этот скучный эпизод
И обратимся к нашему герою.
До этих пор он не имел забот
Житейских и невинною душою
Искал страстей, как пищи. Длинный год
Провел он средь тетрадей, книг, историй,
Грамматик, географий и теорий
Всех философий мира. Пять систем
Имел маркиз, а на вопрос: зачем? —
Он отвечал вам гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire» [1] — так мне угодно!

86

Но Саша не внимал его словам, —
Рассеянно в тетради над строками
Его рука чертила здесь и там
Какой-то женский профиль, и очами,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал, и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный милый клад,
Залог надежд и будущих наград,
Как прячут иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

---

[1] Сударь, это мое дело (франц.). — *Ред.*

87

Но кто ж она? Что пользы ей вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный мир дыханьем возмутить
И взволновать надежды огневые?
К чему?.. Он слишком молод, чтоб любить
Со всем искусством древнего Фоблаза.
Его любовь, как снег вершин Кавказа,
Чиста, — тепла, как небо южных стран...
Ему ль платить обманом за обман?..
Но кто ж она? Не модная вертушка,
А просто дочь буфетчика, Маврушка...

88

И Саша был четырнадцати лет.
Он привыкал (скажу вам под секретом,
Хоть важности большой во всем том нет)
Толкаться меж служанок. Часто летом,
Когда луна бросала томный свет
На тихий сад, на свод густых акаций,
И с шепотом толпа домашних граций
В аллее кралась, — легкою стопой
Он догонял их; и, шутя, порой
Его невинность (вы поймете сами)
Они дразнили дерзкими перстами.

89

Но между них он отличал одну:
В ней было всё, что увлекает душу,
Волнует мысли и мешает сну.
Но я, друзья, покой ваш не нарушу
И на портрет накину пелену.
Ее любил мой Саша той любовью,
Которая по жилам с юной кровью
Течет огнем, клокочет и кипит.
Боролись в нем желание и стыд;
Он долго думал, как в любви открыться. —
Но надобно ж на что-нибудь решиться.

90

И мудрено ль? Четырнадцати лет
Я сам страдал от каждой женской рожи
И простодушно уверял весь свет,
Что друг на дружку все они похожи.
Волнующихся персей нежный цвет
И алых уст горячее дыханье
Во мне рождали чудные желанья;
Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалася слегка,
Но лишь в мечтах я видел без покрова
Всё, что для вас, конечно, уж не ново...

91

Он потерял и сон и аппетит,
Молчал весь день и бредил в ночь, бывало,
По коридору бродит и грустит,
И ждет, чтоб платье мимо прожужжало,
Чтоб ясный взор мелькнул... Суровый вид
Приняв, он иногда улыбкой хладной
Ответствовал на взор ее отрадный...
Любовь же неизбежна, как судьба,
А с сердцем страх невыгодна борьба!
Итак, мой Саша кончил с ним возиться
И положил с Маврушей объясниться.

92

Случилось это летом, в знойный день.
По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. От труб высоких тень
Ложилася на крышах полосами,
И пар с камней струился. Сон и лень
Вполне Симбирском овладели; даже
Катилась Волга медленней и глаже.
В саду, в беседке темной и сырой,
Лежал полураздетый наш герой
И размышлял о тайне съединенья
Двух душ — предмет, достойный размышленья.

93

Вдруг слышит он направо, за кустом
Сирени, шорох платья и дыханье
Волнующейся груди, и потом
Чуть внятный звук, похожий на лобзанье.
Как Саше быть? Забилось сердце в нем,
Запрыгало... Без дальних опасений
Он сквозь кусты пустился легче тени.
Трещат и гнутся ветви под рукой.
И вдруг пред ним, с Маврушкой молодой
Обнявшися в тени цветущей вишни,
Иван Ильич... (Прости ему всевышний!)

94

Увы! покоясь на траве густой,
Проказник старый обнимал бесстыдно
Упругий стан под юбкою простой
И не жалел ни ножки миловидной,
Ни круглых персей, дышащих весной!
И долго, долго бился, но напрасно!
Огня и сил лишен уж был несчастный.
Он встал, вздохнул (нельзя же не вздохнуть),
Поправил брюки и пустился в путь,
Оставив тут обманутую деву,
Как Ариадну, преданную гневу.

95

И есть за что, не спорю... Между тем
Что делал Саша? С неподвижным взглядом,
Как белый мрамор холоден и нем,
Как Аббадона грозный, новым адом
Испуганный, но помнящий эдем,
С поникшею стоял он головою,
И на челе, наморщенном тоскою,
Качались тени трепетных ветвей...
Но вдруг удар проснувшихся страстей
Перевернул неопытную душу,
И он упал как с неба на Маврушу.

96

Упал! (Прости невинность!) Как змея,
Маврушу крепко обнял он руками,
То холодея, то как жар горя,
Неистово впился в нее устами
И — обезумел... Небо и земля
Слились в туман. Мавруша простонала
И улыбнулась; как волна, вставала
И упадала грудь, и томный взор,
Как над рекой безлучный метеор,
Блуждал вокруг без цели, без предмета,
Боясь всего: людей, дерев, а больше — света...

97

Теперь, друзья, скажите напрямик,
Кого винить?.. По мне, всего прекрасней
Сложить весь грех на черта, — он привык
К напраслине; к тому же безопасней
Рога и когти, чем иной язык...
Итак, заметим мы, что дух незримый,
Но гордый, мрачный, злой, не отразимый
Ни ладаном, ни бранью, ни крестом,
Играл судьбою Саши, как мячом,
И, следуя пустейшему капризу,
Кидал его то вкось, то вверх, то книзу.

98

Два месяца прошло. Во тьме ночной,
На цыпочках по лестнице ступая,
В чепце, платок накинув шерстяной,
Являлась к Саше дева молодая;
Задув лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жарких там объятий.
Потом, на мягкий пух привлечена,
Под одеяло пряталась она;
Тяжелый вздох из груди вырывался,
И в жарких поцелуях он сливался.

99

Казалось, рок забыл о них. Но раз
(Не помню я, в который день недели), —
Уж пролетел давно свиданья час,
А Саша всё один был на постели.
Он сел к окну в раздумье. Тихо гас
На бледном своде месяц серебристый,
И неподвижно бахромой волнистой
Вокруг его висели облака.
Дремало всё, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубчатый
Старухи, из картин Рембрандта взятый,

100

Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал. На площади пустынной,
Как чудный путь к неведомой земле,
Лежала тень от колокольни длинной,
И даль сливалась в синеватой мгле.
Задумчив Саша... Вдруг скрипнули двери,
И вы б сказали — поступь райской пери
Послышалась. Невольно наш герой
Вздрогнул. Пред ним, озарена луной,
Стояла дева, опустивши очи,
Бледнее той луны — царицы ночи...

101

И он узнал Маврушу. Но — творец! —
Как изменилось нежное созданье!
Казалось, тело изваял резец,
А бог вдохнул не душу, но страданье.
Она стоит, вздыхает, наконец
Подходит и холодными руками
Хватает руку Саши, и устами
Прижалась к ней, и слезы потекли
Всё больше, больше и, казалось, жгли
Ее лицо... Но кто не зрел картины
Раскаянья преступной Магдалины?

102

И кто бы смел изобразить в словах,
Что дышит жизнью в красках Гвидо Рени?
Гляжу на дивный холст: душа в очах,
И мысль одна в душе, — и на колени
Готов упасть, и непонятный страх,
Как струны лютни, потрясает жилы;
И слышишь близость чудной тайной силы,
Которой в мире верует лишь тот,
Кто как в гробу в душе своей живет,
Кто терпит все упреки, все печали,
Чтоб гением глупцы его назвали.

103

И долго молча плакала она.
Рассыпавшись на кругленькие плечи,
Ее власы бежали, как волна.
Лишь иногда отрывистые речи,
Отзыв того, чем грудь была полна,
Блуждали на губах ее; но звуки
Яснее были слов... И голос муки
Мой Саша понял, как язык родной;
К себе на грудь привлек ее рукой
И не щадил ни нежностей, ни ласки,
Чтоб поскорей добраться до развязки.

104

Он говорил: «К чему печаль твоя?
Ты молода, любима, — где ж страданье?
В твоих глазах — мой мир, вся жизнь моя,
И рай земной в одном твоем лобзанье...
Быть может, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нет! И кто же смеет
Тебя обидеть? Мой отец дряхлеет,
Француз давно не годен никуда...
Ну, полно! слезы прочь, и ляг сюда!»

Мавруша, крепко Сашу обнимая,
Так отвечала, медленно вздыхая:

105

«Послушайте, я здесь в последний раз.
Пренебрегла опасность, наказанье,
Стыд, совесть — всё, чтоб только видеть вас,
Поцеловать вам руки на прощанье
И выманить слезу из ваших глаз.
Не отвергайте бедную, — довольно
Уж я терплю, — но что же?.. Сердце вольно...
Иван Ильич проведал от людей
Завистливых... Всё Ванька ваш, злодей, —
Через него я гибну... Всё готово!
Молю!.. о, киньте мне хоть взгляд, хоть слово!

106

Для вашего отца впервые я
Забыла стыд, — где у рабы защита?
Грозил он ссылкой, бог ему судья!
Прошла неделя, — бедная забыта...
А всё любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Он разбранил... Но что же перед вами?
Раба? игрушка!.. Точно: день, два, три
Мила, а там? — пожалуй, хоть умри!..»
Тут начались слезы, восклицанья,
Но Саша их оставил без вниманья.

107

«Ах, барин, барин! Вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердечной!..
Прощай, — тебя мне больше не видать,
Зато уж помнить буду вечно, вечно...
Виновны оба, мне ж должно́ страдать.
Но, так и быть, целуй меня в грудь, в очи, —
Целуй, где хочешь, для последней ночи!..
Чем свет меня в кибитке увезут

На дальний хутор, где Маврушу ждут
Страданья и мужик с косматой бородою...
А ты? — вздохнешь и слюбишься с другою!»

108

Она заплакала. Так или нет
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смею; двух, трех лет
Достаточна губительная сила,
Чтобы святейших слов загладить след.
А тот, кто рассказал мне повесть эту, —
Его уж нет... Но что за нужда свету?
Не веры я ищу, — я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Восток,
Где свиньи и вино так ныне редки
И где, как пишут, жили наши предки!

109

Она замолкла, но не Саша: он
Кипел против отца негодованьем:
«Злодей! тиран!» — и тысячу имен,
Таких же милых, с истинным вниманьем,
Он расточал ему. Но счастья сон,
Как ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готов был юноша развратный
В последний раз на ложе пуховом
Вкусить восторг, в забытии немом
Уж и она, пылая в расслабленье
Раскинулась, как вдруг — о, провиденье! —

110

Удар ногою с треском растворил
Стеклянной двери обе половины,
И ночника луч бледный озарил
Живой скелет вошедшего мужчины.
Казалось, в страхе с ложа он вскочил —
Растрепан, босиком, в одной рубашке, —
Вошел и строго обратился к Сашке:

«Eh bien, monsieur, que vois-je?» — «Ah,
c'est vous!»
— «Pourquoi ce bruit? Que faites-vous donc?»
— «Je f <...>!» [1]
И, молвив так (пускай простит мне муза),
Одним тузом он выгнал вон француза.

111

И вслед за ним, как лань кавказских гор,
Из комнаты пустилася бедняжка,
Не распростясь, но кинув нежный взор,
Закрыв лицо руками... Долго Сашка
Не мог унять волненье сердца. «Вздор, —
Шептал он, — вздор: любовь не жизнь!» Но утро,
Подернув тучки блеском перламутра,
Уж начало заглядывать в окно,
Как милый гость, ожиданный давно,
А на дворе, унылый и докучный,
Раздался колокольчик однозвучный.

112

К окну с волненьем Сашка подбежал:
Разгонных тройка у крыльца большого.
Вот сел ямщик и вожжи подобрал;
Вот чей-то голос: «Что же, всё готово?»
— «Готово». Вот садится... Он узнал:
Она!.. В чепце, платком окутав шею,
С обычною улыбкою своею,
Ему кивнула тихо головой
И спряталась в кибитку. Бич лихой
Взвился. «Пошел!»... Колесы застучали...
И вмиг... Но что нам до чужой печали?

---

[1] «Ну, сударь, что я вижу?» — «Ах, это вы!»
— «Что это за шум? Что вы делаете?» — «Я <...>!» (франц.). — *Ред.*

113

Давно ль? .. Но детство Саши протекло.
Я рассказал, что знать вам было нужно...
Он стал с отцом браниться: не могло
И быть иначе, — нежностью наружной
Обманывать он почитал за зло,
За низость, — но правдивой мести знаки
Он не щадил (хотя б дошло до драки).
И потому родитель, рассчитав,
Что укрощать не стоит этот нрав,
Сынка, рыдая, как мы все умеем,
Послал в Москву с французом и лакеем.

114

И там проказник был препоручен
Старухе тетке самых строгих правил.
Свет утверждал, что резвый Купидон
Ее краснеть ни разу не заставил.
Она была одна из тех княжен,
Которые, страшась святого брака,
Не смеют дать решительного знака
И потому в сомненьи ждут да ждут,
Покуда их на вист не позовут,
Потом остаток жизни, как умеют, —
За картами клевещут и желтеют.

115

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, верный, осторожный,
Имея вход к владычице своей
Во всякий час, с покорностью возможной,
В уютной спальне заменяет ей
Служанку, то есть греет одеяло,
Подушки, руки, ноги... Разве мало
Под мраком ночи делается дел,
Которых знать и черт бы не хотел,
И если бы хоть раз он был свидетель,
Как сладко спит седая добродетель.

116

Шалун был отдан в модный пансион,
Где много приобрел прекрасных правил.
Сначала пристрастился к книгам он,
Но скоро их с презрением оставил.
Он увидал, что дружба, как поклон —
Двусмысленная вещь; что добрый малый —
Товарищ скучный, тягостный и вялый;
Чуть умный — и забавней и сносней,
Чем тысяча услужливых друзей.
И потому (считая только явных)
Он нажил в месяц сто врагов забавных.

117

И снимок их, как памятник святой,
На двух листах, раскрашенный отлично,
Носил всегда он в книжке записной,
Обернутой атласом, как прилично,
С стальным замком и розовой каймой.
Любил он заговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань — насмешкой отвечать,
Иль, притворясь рассеянным невеждой,
Ласкать их долго тщетною надеждой.

118

Из пансиона скоро вышел он,
Наскуча всё твердить азы да буки,
И наконец, в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый храм науки.
Святое место! помню я, как сон,
Твои кафе́дры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый ром;
Их гордый вид пред гордыми властями,
Их сюртуки, висящие клочками.

119

Бывало, только восемь бьет часов,
По мостовой валит народ ученый.
Кто ночь провел с лампадой средь трудов,
Кто в грязной луже, Вакхом упоенный;
Но всё равно задумчивы, без слов
Текут... Пришли, шумят... Профессор длинный
Напрасно входит, кланяется чинно, —
Он книгу взял, раскрыл, прочел... шумят;
Уходит, — втрое хуже. Сущий ад!..
По сердцу Сашке жизнь была такая,
И этот ад считал он лучше рая.

120

Пропустим года два... Я не хочу
В один прием свою закончить повесть.
Читатель знает, что я с ним шучу,
И потому моя спокойна совесть,
Хоть, признаюся, много пропущу
Событий важных, новых и чудесных.
Но час придет, когда, в пределах тесных
Не заключен и не спеша вперед,
Чтоб сократить унылый эпизод,
Я снова обращу вниманье ваше
На те года, потраченные Сашей...

121

Теперь героев разбудить пора,
Пора привесть в порядок их одежды.
Вы вспомните, как сладостно вчера
В объятьях неги и живой надежды
Уснула Тирза? Резвый бег пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась поздно...
Растрепанные волосы назад
Рукой откинув и на свой наряд
Взглянув с улыбкой сонною, сначала
Она довольно долго позевала.

122

На ней измято было всё, и грудь
Хранила знаки пламенных лобзаний.
Она спешит лицо водой сплеснуть
И кудри без особенных стараний
На голове гребенкою заткнуть;
Потом сорочку скинула, небрежно
Водою обмывает стан свой нежный...
Опять свежа, как персик молодой.
И на плеча капот накинув свой,
Пленительна бесстыдной наготою,
Она подходит к нашему герою,

123

Садится в изголовье и потом
На сонного студеной влагой плещет.
Он поднялся, кидает взор кругом
И видит, что пора: светелка блещет,
Озарена роскошным зимним днем;
Замерзших окон стекла серебрятся;
В лучах пылинки светлые вертятся;
Упругий снег на улице хрустит,
Под тяжестью полозьев и копыт,
И в городе (что мне всегда досадно)
Колокола трезвонят беспощадно...

124

Прелестный день! Как пышен божий свет!
Как небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочил мой Саша. Вот уж он одет,
Атласный галстук повязал лениво,
С кудрей ночных восторгов сгладил след;
Лишь синеватый венчик под глазами
Изобличал его... Но (между нами,
Сказать тихонько) это не порок.
У наших дам найти я то же б мог,
Хоть между тем ручаюсь головою,
Что их невинней нету под луною.

125

Из комнаты выходит наш герой,
И, пробираясь длинным коридором,
Он видит Катерину пред собой,
Приветствует ее холодным взором —
И мимо. Вот он в комнате другой:
Вот стул с дрожащей ножкою и рядом
Кровать; на ней, закрыта, кверху задом
Храпит Параша, отвернув лицо.
Он плащ надел и вышел на крыльцо,
И вслед за ним несутся восклицанья,
Чтобы не смел забыть он обещанья:

126

Чтоб приготовил модный он наряд
Для бедной, милой Тирзы и так дале.
Сказать ли, этой выдумке был рад
Проказник мой: в театре, в пестрой зале
Заметят ли невинный маскарад?
Зачем еврейку не утешить тайно,
Зачем толпу не наказать случайно
Презреньем гордым всех ее причуд?
И что молва? Глупцов крикливый суд,
Коварный шепот злой старухи или
Два-три намека в польском иль в кадрили!

127

Уж Саша дома. К тетке входит он,
Небрежно у нее целует руку.
«Чем кончился вчерашний ваш бостон?
Я б не решился на такую скуку,
Хотя бы мне давали миллион.
Как ваши зубы?.. А Фиделька где же?
Она являться стала что-то реже.
Ей надоел наш модный круг, — увы,
Какая жалость!.. Знаете ли вы,
На этих днях мы ждем к себе комету,
Которая несет погибель свету?..

128

И поделом, ведь новый магазин
Открылся на Кузнецком, — не угодно ль
Вам посмотреть?.. Там есть мамзель Aline,
Monsieur Dupré, Durand, француз природный,
Теперь купец, а бывший дворянин;
Там есть мадам Armand; там есть субретка
Fanchaux — плутовка, смуглая кокетка!
Вся молодежь вокруг ее вертится.
Мне ж всё равно, ей-богу, что случится!
И по одной значительной причине
Я только зритель в этом магазине.

129

Причина эта вот — мой кошелек:
Он пуст, как голова француза, — малость
Истратил я; но это мне урок —
Ценить дешевле ветреную шалость!»
И, притворясь печальным сколько мог,
Шалун склонился к тетке, два-три раза
Вздохнул, чтоб удалась его проказа.
Тихонько ларчик отперев, она
Заботливо дорылася до дна
И вынула три беленьких бумажки.
И... вы легко поймете радость Сашки.

130

Когда же он пришел в свой кабинет,
То у дверей с недвижностью примерной,
В чалме пунцовой, щегольски одет,
Стоял арап, его служитель верный.
Покрыт, как лаком, был чугунный цвет
Его лица, и ряд зубов перловых,
И блеск очей открытых, но суровых,
Когда смеялся он иль говорил,
Невольный страх на душу наводил;
И в голосе его, иным казалось,
Надменностью безумной отзывалось.

131

Союз довольно странный заключен
Меж им и Сашей был давно. Их разговоры
Казалися таинственны, как сон;
Вдвоем, бывало, ночью, точно воры,
Уйдут и пропадают. Одарен
Соображеньем бойким, наш приятель
Восточных слов был страшный обожатель,
И потому «Зафиром» наречен
Его арап. За ним повсюду он,
Как мрачный призрак, следовал, и что же? —
Все восхищались этой скверной рожей!

132

Зафиру Сашка что-то прошептал.
Зафир кивнул курчавой головою,
Блеснул, как рысь, очами, денег взял
Из белой ручки черною рукою;
Он долго у дверей стоял
И говорил всё время, по несчастью,
На языке чужом, и тайной страстью
Одушевлен казался. Между тем,
Облокотясь на стол, задумчив, нем,
Герой печальный моего рассказа
Глядел на африканца в оба глаза.

133

И наконец он подал знак рукой,
И тот исчез быстрей китайской тени.
Проворный, хитрый, с смелою душой,
Он жил у Саши как служебный гений,
Домашний дух (по-русски домовой);
Как Мефистофель, быстрый и послушный,
Он исполнял безмолвно, равнодушно
Добро и зло. Ему была закон
Лишь воля господина. Ведал он,
Что, кроме Саши, в целом божьем мире
Никто, никто не думал о Зафире.

134

Однако были дни давным-давно,
Когда и он на берегу Гвинеи
Имел родной шалаш, жену, пшено
И ожерелье красное на шее,
И мало ли?.. О, там он был звено
В цепи семей счастливых!.. Там пустыня
Осталась неприступна, как святыня.
И пальмы там растут до облаков,
И пена вод белее жемчугов.
Там жгут лобзанья, и пронзают очи,
И перси дев черней роскошной ночи.

135

Но родина и вольность, будто сон,
В тумане дальнем скрылись невозвратно...
В цепях железных пробудился он.
Для дикаря всё стало непонятно —
Блестящих городов и шум и звон.
Так облачко, оторвано грозою,
Бродя одно под твердью голубою,
Куда пристать не знает; для него
Всё чуждо — солнце, мир и шум его;
Ему обидно общее веселье, —
Оно, нахмурясь, прячется в ущелье.

136

О, я люблю густые облака,
Когда они толпятся над горою,
Как на хребте стального шишака
Колеблемые перья! Пред грозою,
В одеждах золотых, издалека
Они текут безмолвным караваном,
И, наконец, одетые туманом,
Обнявшись, свившись будто куча змей,
Беспечно дремлют на скале своей.
Настанет день, — их ветер вновь уносит:
Куда, зачем, откуда? — кто их спросит?

137

И после них на свете нет следа,
Как от любви поэта безнадежной,
Как от мечты, которой никогда
Он не открыл вниманью дружбы нежной.
И ты, чья жизнь как беглая звезда
Промчалася неслышно между нами,
Ты мук своих не выразишь словами;
Ты не хотел насмешки выпить яд,
С улыбкою притворной, как Сократ;
И, не разгадан глупою толпою,
Ты умер чуждый жизни... Мир с тобою!

138

И мир твоим костям! Они сгниют,
Покрытые одеждою военной...
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессменный.
Но что же делать? Жди, авось придут,
Быть может, кто-нибудь из прежних братий.
Как знать? — земля до молодых объятий
Охотница... Ответствуй мне, певец,
Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И всё ль, как прежде,
Ты любишь нас и веруешь надежде?

139

И вы, вы все, которым столько раз
Я подносил приятельскую чашу, —
Какая буря вдаль умчала вас?
Какая цель убила юность вашу?
Я здесь один. Святой огонь погас
На алтаре моем. Желанье славы,
Как призрак, разлетелося. Вы правы:
Я не рожден для дружбы и пиров...
Я в мыслях вечный странник, сын дубров,
Ущелий и свободы, и, не зная
Гнезда, живу, как птичка кочевая.

140

Я для добра был прежде гибнуть рад,
Но за добро платили мне презреньем;
Я пробежал пороков длинный ряд
И пресыщен был горьким наслажденьем...
Тогда я хладно посмотрел назад:
Как с свежего рисунка, сгладил краску
С картины прошлых дней, вздохнул и маску
Надел, и буйным смехом заглушил
Слова глупцов, и дерзко их казнил,
И, грубо пробуждая их беспечность,
Насмешливо указывал на вечность.

141

О вечность, вечность! Что найдем мы там
За неземной границей мира? Смутный,
Безбрежный океан, где нет векам
Названья и числа; где бесприютны
Блуждают звезды вслед другим звездам.
Заброшен в их немые хороводы,
Что станет делать гордый царь природы,
Который, верно, создан всех умней,
Чтоб пожирать растенья и зверей,
Хоть между тем (пожалуй, клясться стану)
Ужасно сам похож на обезьяну.

142

О суета! И вот ваш полубог —
Ваш человек: искусством завладевший
Землей и морем, всем, чем только мог,
Не в силах он прожить три дня не евши.
Но полно! злобный бес меня завлек
В такие толки. Век наш — век безбожный;
Пожалуй, кто-нибудь, шпион ничтожный,
Мои слова прославит, и тогда
Нельзя креститься будет без стыда;
И поневоле станешь лицемерить,
Смеясь над тем, чему желал бы верить.

143

Блажен, кто верит счастью и любви,
Блажен, кто верит небу и пророкам, —
Он долголетен будет на земли
И для сынов останется уроком.
Блажен, кто думы гордые свои
Умел смирить пред гордою толпою,
И кто грехов тяжелою ценою
Не покупал пурпурных уст и глаз,
Живых, как жизнь, и светлых, как алмаз!
Блажен, кто не склонял чела младого,
Как бедный раб, пред идолом другого!

144

Блажен, кто вырос в сумраке лесов,
Как тополь дик и свеж, в тени зеленой
Играющих и шепчущих листов,
Под кровом скал, откуда ключ студеный
По дну из камней радужных цветов
Струей гремучей прыгает, сверкая,
И где над ним береза вековая
Стоит, как призрак позднею порой,
Когда едва кой-где сучок гнилой
Трещит вдали, и мрак между ветвями
Отвсюду смотрит черными очами!

145

Блажен, кто посреди нагих степей
Меж дикими воспитан табунами;
Кто приучен был на хребте коней,
Косматых, легких, вольных, как над нами
Златые облака, от ранних дней
Носиться; кто, главой припав на гриву,
Летал, подобно сумрачному диву,
Через пустыню, чувствовал, считал,
Как мерно конь о землю ударял
Копытом звучным, и вперед землею
Упругой был кидаем с быстротою.

146

Блажен! .. Его душа всегда полна
Поэзией природы, звуков чистых;
Он не успеет вычерпать до дна
Сосуд надежд; в его кудрях волнистых
Не выглянет до время седина;
Он, в двадцать лет желающий чего-то,
Не будет вечной одержим зевотой,
И в тридцать лет не кинет край родной
С больною грудью и больной душой,
И не решится от одной лишь скуки
Писать стихи, марать в чернилах руки,

147

Или, трудясь, как глупая овца,
В рядах дворянства, с рабским униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подлеца, —
Искать чинов, мирясь с людским презреньем,
И поклоняться немцам до конца...
И чем же немец лучше славянина?
Не тем ли, что куда его судьбина
Ни кинет, он везде себе найдет
Отчизну и картофель? .. Вот народ:
И без таланта правит и за деньги служит,
Всех давит сам, а бьют его — не тужит!

148

Вот племя: всякий черт у них барон!
И уж профессор — каждый их сапожник!
И смело здесь и вслух глаголет он,
Как Пифия, воссев на свой треножник!
Кричит, шумит... Но что ж? Он не рожден
Под нашим небом; наша степь святая
В его глазах бездушных — степь простая,
Без памятников славных, без следов,
Где б мог прочесть он повесть тех веков,
Которые, с их грозными делами,
Унесены забвения волнами...

Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную контору,
С листком в руках, с оравою друзей,
И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..
Я кончил... Так! дописана страница.
Лампада гаснет... Есть всему граница —
Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью и... стихам,
Которые давно уж не звучали
И вдруг с пера бог знает как упали!..

1835—1836

‹НАЧАЛО ПОЭМЫ›

1

Я не хочу, как многие из нас,
Испытывать читателей терпенье
И потому примусь за свой рассказ
Без предисловий. Сладкое смятенье
В душе моей, как будто в первый раз,
Ловлю прыгунью-рифму и, потея,
В досаде призываю Асмодея.
Как будто снова бог переселил
Меня в те дни, когда я точно жил, —
Когда не знал я, что на слово «младость»
Есть рифма *гадость,* кроме рифмы *радость!*

2

Давно когда-то, за Москвой-рекой,
На Пятницкой, у самого канала,
Заросшего негодною травой,
Был дом угольный; жизнь играла
Меж стен высоких... Он теперь пустой.
Внизу живет с беззубой половиной
Безмолвный дворник... Пылью, паутиной
Обвешаны, как инеем, кругом
Карнизы стен, расписанных огнем
И временем, и окна краской белой
Замазаны повсюду кистью смелой.

3

В гостиной есть диван и круглый стол
На витых ножках, вражеской рукою
Исчерченный: но час их не пришел, —
Они гниют незримо, лишь порою
Скользит по ним играющий Эол
Или еще крыло жилиц развалин —
Летучей мыши. Жалок и печален
Исчезнувших пришельцев гордый след.
Вот сабель их рубцы, а их уж нет:
Один в бою упал на штык кровавый,
Другой в слезах без гроба и без славы.

4

Ужель никто из них не добежал
До рубежа отчизны драгоценной?
Нет, прах Кремля к подошвам их пристал,
И русский бог отмстил за храм священный...
Сердитый Кремль в огне их принимал
И проводил, пылая, светоч грозный...
Он озарил им путь в степи морозной —
И степь их поглотила, и о том,
Кто нам грозил и пленом и стыдом,
Кто над землей промчался как комета,
Стал говорить с насмешкой голос света.

5

И старый дом, куда привел я вас,
Его паденья был свидетель хладный.
На изразцах кой-где встречает глаз
Черты карандаша, стихи и жадно
В них ищет мысли — и бесплодный час
Проходит... Кто писал? С какою целью?
Грустил ли он, иль предан был веселью?
Как надписи надгробные, оне
Рисуются узором по стене —
Следы давно погибших чувств и мнений,
Эпиграфы неведомых творений.

6

И образы языческих богов —
Без рук, без ног, с отбитыми носами —
Лежат в углах, низвергнуты с столбов,
Раскрашенных под мрамор. Над дверями
Висят портреты дедовских веков
В померкших рамах и глядят сурово;
И мнится, обвинительное слово
Из мертвых уст их излетит — увы!
О, если б этот дом знавали вы
Тому назад лет двадцать пять и боле!
О, если б время было в нашей воле!..

7

Бывало, только утренней зарей
Осветятся церквей главы златые,
И сквозь туман заблещут над горой
Дворец царей и стены вековые,
Отражены зеркальною волной;
Бывало, только прачка молодая
С бельем господским из ворот, зевая,
Выходит, и сквозь утренний мороз
Раздастся первый стук колес, —
А графский дом уж полон суетою
И пестрых слуг заботливой толпою.

8

И каждый день идет в нем пир горой.
Смеются гости, и бренчат стаканы.
В стекле граненом дар земли чужой
Клокочет и шипит аи румяный,
И от крыльца карет недвижный строй
Далеко тянется, и в зале длинной,
В толпе мужчин, услужливой и чинной,
Красавицы, столицы лучший цвет,
Мелькают... Вот учтивый менуэт
Рисуется вам; шепот удивленья,
Улыбки, взгляды, вздохи, изъясненья...

9

О, как тогда был пышен этот дом!
Вдоль стен висели пестрые шпалеры,
Везде фарфор китайский с серебром,
У зеркала . . . .

1836 (?)

МОНГО

Садится солнце за горой,
Туман дымится над болотом,
И вот дорогой столбовой
Летят, склонившись над лукой,
Два всадника лихим полетом.
Один — высок и худощав,
Кобылу серую собрав,
То горячит нетерпеливо,
То сдержит вдруг одной рукой.
Мал и широк в плечах другой.
Храпя, мотает длинной гривой
Под ним саврасый скакунок,
Степей башкирских сын счастливый.
Устали всадники. До ног
От головы покрыты прахом.
Коней приезженных размахом
Они любуются порой
И речь ведут между собой.
«Монго, послушай — тут направо!
Осталось только три версты».
— «Постой! уж эти мне мосты!
Дрожат и смотрят так лукаво».
— «Вперед, Маешка! только нас
Измучит это приключенье,
Ведь завтра в шесть часов ученье!»
— «Нет, в семь! я сам читал приказ!»

Но прежде нужно вам, читатель,
Героев показать портрет:

Монго — повеса и корнет,
Актрис коварных обожатель,
Был молод сердцем и душой,
Беспечно женским ласкам верил
И на аршин предлинный свой
Людскую честь и совесть мерил.
Породы английской он был —
Флегматик с бурыми усами,
Собак и портер он любил,
Не занимался он чинами,
Ходил немытый целый день,
Носил фуражку набекрень;
Имел он гадкую посадку:
Неловко гнулся наперед
И не тянул ноги он в пятку,
Как должен каждый патриот.
Но если, милый, вы езжали
Смотреть российский наш балет,
То, верно, в креслах замечали
Его внимательный лорнет.
Одна из дев ему сначала
Дней девять сряду отвечала,
В десятый день он был забыт —
С толпою смешан волокит.
Все жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
В душе озлобленной его.

Маешка был таких же правил:
Он лень в закон себе поставил,
Домой с дежурства уезжал,
Хотя и дома был без дела;
Порою рассуждал он смело,
Но чаще он не рассуждал.
Разгульной жизни отпечаток
Иные замечали в нем;
Печалей будущих задаток
Хранил он в сердце молодом;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмешек гибельное жало

Броню железную встречало
Над самолюбием его.
Слова он весил осторожно
И опрометчив был в делах;
Порою: трезвый — врал безбожно,
И молчалив был — на пирах.
Характер вовсе бесполезный
И для друзей и для врагов...
Увы! читатель мой любезный,
Что делать мне — он был таков!

Теперь он следует за другом
На подвиг славный, роковой,
Терзаем пьяницы недугом, —
Изгагой мучим огневой.
Приюты неги и прохлады —
Вдоль по дороге в Петергоф,
Мелькают в ряд из-за ограды
Разнообразные фасады
И кровли мирные домов,
В тени таинственных садов.
Там есть трактир... и он от века
Зовется «Красным кабачком»,
И там — для блага человека
Построен сумасшедших дом,
И там приют себе смиренный
Танцорка юная нашла.
Краса и честь балетной сцены,
На содержании была:
N. N., помещик из Казани,
Богатый волжский старожил,
Без волокитства, без признаний
Ее невинности лишил.
«Мой друг! — ему я говорил, —
Ты не в свои садишься сани,
Танцоркой вздумал управлять!
Ну где тебе <...>».

Но обратимся поскорее
Мы к нашим буйным молодцам.
Они стоят в пустой аллее,
Коней привязывают там,

И вот тропинкой потаенной
Они к калитке отдаленной
Спешат, подобно двум ворам.
На землю сумрак ниспадает,
Сквозь ветви брезжит лунный свет,
И переливами играет
На гладкой меди эполет.
Вперед отправился Маешка;
В кустах прополз он, как черкес,
И осторожно, точно кошка,
Через забор он перелез.
За ним Монго наш долговязый,
Довольный этою проказой,
Перевалился кое-как.
Ну, лихо! сделан первый шаг!
Теперь душа моя в покое, —
Судьба окончит остальное!

Облокотившись у окна,
Меж тем танцорка молодая
Сидела дома и одна.
Ей было скучно, и, зевая,
Так тихо думала она:
«Чудна судьба! о том ни слова —
На матушке моей чепец
Фасона самого дурного,
И мой отец — простой кузнец!..
А я — на шелковом диване
Ем мармелад, пью шоколад;
На сцене — знаю уж заране —
Мне будет хлопать третий ряд.
Теперь со мной плохие шутки:
Меня сударыней зовут,
И за меня три раза в сутки
Каналью повара дерут,
Мой Pierre не слишком интересен,
Ревнив, упрям, что ни толкуй,
Не любит смеху он, ни песен,
Зато богат и глуп, <...>
Теперь не то, что было в школе:
Ем за троих, порой и боле,
И за обедом пью люнель.

А в школе... Боже! вот мученье!
Днем — танцы, выправка, ученье,
А ночью — жесткая постель.
Встаешь, бывало, утром рано,
Бренчит уж в зале фортепьяно,
Поют все врозь, трещит в ушах;
А тут сама, поднявши ногу,
Стоишь, как аист, на часах.
Флёри хлопочет, бьет тревогу...
Но вот одиннадцатый час,
В кареты всех сажают нас.
Тут у подъезда офицеры,
Стоят все в ряд, порою в два...
Какие милые манеры
И всё отборные слова!
Иных улыбкой ободряешь,
Других бранишь и отгоняешь,
Зато — вернулись лишь домой —
Директор порет на убой:
Ни взгляд не думай кинуть лишний,
Ни слова ты сказать не смей...
А сам, прости ему всевышний,
Ведь уж какой прелюбодей!..»

Но тут в окно она взглянула
И чуть не брякнулась со стула.
Пред ней, как призрак роковой,
С нагайкой, освещен луной,
Готовый влезть почти в окошко
Стоит Монго, за ним Маешка.
«Что это значит, господа?
И кто вас звал прийти сюда?
Ворваться к девушке — бесчестно!..»
— «Нам, право, это очень лестно!»
— «Я вас прошу: подите прочь!»
— «Но где же проведем мы ночь?
Мы мчались, выбились из силы...»
— «Вы неучи!» — «Вы очень милы!..»
— «Чего хотите вы теперь?
Ей-богу, я не понимаю!»
— «Мы просим только чашку чаю!»
— «Панфишка! отвори им дверь!»

Поклон отвесивши пренизко,
Монго ей бросил нежный взор,
Потом садится очень близко
И продолжает разговор.
Сначала колкие намеки,
Воспоминания, упреки,
Ну, словом, весь любовный вздор...
И нежный вздох, прилично томный,
Порхнул из груди молодой...
Вот ножку нежную порой
Он жмет коленкою нескромной,
И говоря о том о сем,
Копаясь, будто бы случайно
Под юбку лезет, жмет корсет,
И ловит то, что было тайной,
Увы, для нас в шестнадцать лет!
. . . .

Маешка, друг великодушный,
Засел поодаль на диван,
Угрюм, безмолвен, как султан.
Чужое счастие нам скучно,
Как добродетельный роман.
Друзья! ужасное мученье
Быть на пиру <...>
Иль адъютантом на сраженье
При генералишке пустом;
Быть на параде жалонером
Или на бале быть танцором,
Но хуже, хуже во сто раз
Встречать огонь прелестных глаз
И думать: это не для нас!

Меж тем Монго горит и тает...
Вдруг самый пламенный пассаж
Зловещим стуком прерывает
На двор влетевший экипаж:
Девятиместная коляска
И в ней пятнадцать седоков...
Увы! печальная развязка,
Неотразимый гнев богов!..
То был N. N. с своею свитой:

Степаном, Федором, Никитой,
Тарасом, Сидором, Петром,
Идут, гремят, орут, Содом!
Все пьяны... прямо из трактира,
И на устах — <...>
Но нет, постой! умолкни, лира!
Тебе ль, поклоннице мундира,
Поганых фрачных воспевать?..
В истерике младая дева...
Как защититься ей от гнева,
Куда гостей своих девать?..
Под стол, в комод иль под кровать?
В комоде места нет и платью,
Урыльник полон под кроватью...
Им остается лишь одно:
Перекрестясь, прыгнуть в окно...
Опасен подвиг дерзновенный,
И не сносить им головы!
Но вмиг проснулся дух военный —
Прыг, прыг!.. и были таковы...
. . . .
. . . .

Уж ночь была, ни зги не видно,
Когда, свершив побег обидный
Для самолюбья и любви,
Повесы на коней вскочили
И думы мрачные свои
Друг другу вздохом сообщили.
Деля печаль своих господ,
Их кони с рыси не сбивались,
Упрямо убавляя ход,
Они <...> спотыкались,
И леность их преодолеть
Ни шпоры не могли, ни плеть.

Когда же в комнате дежурной
Они сошлися поутру,
Воспоминанья ночи бурной
Прогнали краткую хандру.
Тут было шуток, смеху было!

И право, Пушкин наш не врет,
Сказав, что день беды пройдет,
А что пройдет, то будет мило. . .

Так повесть кончена моя,
И я прощаюсь со стихами,
А вы не можете ль, друзья,
Нравоученье сделать сами? . .

1836

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твово любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслярный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи
И всё слушали — не наслушались.

1

Не сияет на небе солнце красное,
Не любуются им тучки синие —
То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,

Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднесть его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На младого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное —
И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднéбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;

А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем бы тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленая?
Или конь захромал, худо кованый?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покататися,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —

У ворот стоят у тесовыих
Красны девушки да молодушки
И любуются, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удальство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сирые дождик вымоет,

И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюся.
Вот возьми перстенек ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленой покланяйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алёне Дмитревне:
Как полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

2

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;

Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилася
В такой поздний час Алёна Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?»

«Господин ты мой Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алёна Дмитревна;
Вот уж поп прошел с молодой попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сю пору твоя хозяюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;

Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью
хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пировала ты,
Чай, с сынками всё боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами менялися!..
Как запру я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»

И, услышав то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,

Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И послышалось мне, будто снег хрустит,
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепотом:
«Что пужаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И, целуя, всё приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцелуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.

Опозорил он, осрамил меня,
Меня, честную, непорочную, —
И что скажут злые соседушки,
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшой мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алёна Дмитревна,
Горючьми слезами заливалася.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!

Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилося,
Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные;
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются, —
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ах, ребята, пейте — дело разумейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

3

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.

И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажен,
Для охотницкого бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершися в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небойсь, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,

Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;

На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привесть его пред лицо свое.

Как возго́ворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмѐрть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью. . .»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,

Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-навострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью. . .»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором навостренныим,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалого бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцелуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алёне Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;

И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусляры — споют песенку.

———

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте.
    Тороватому боярину слава!
    И красавице боярыне слава!
    И всему народу христианскому слава!

1837

ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША

Играй, да не отыгрывайся.

Пословица

ПОСВЯЩЕНИЕ

Пускай слыву я старовером,
Мне всё равно — я даже рад:
Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.
Прошу послушать эту сказку!
Ее нежданную развязку
Одобрите, быть может, вы
Склоненьем легким головы.
Обычай древний наблюдая,
Мы благодетельным вином
Стихи негладкие запьем,
И пробегут они, хромая,
За мирною своей семьей
К реке забвенья на покой.

1

Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный,
Теперь же, право, хоть куда.
Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».

Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;
. . . .
Короче, славный городок.

2

Но скука, скука, боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров;
И там есть дамы — просто чудо!
Дианы строгие в чепцах,
С отказом вечным на устах.
При них нельзя подумать худо:
В глазах греховное прочтут
И вас осудят, проклянут.

3

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! такие хваты...
Полковник, верно, неженатый —
А уж бригадный генерал
Конечно даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашеных полов...
Так волновался весь Тамбов.

4

И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак,
. . . .
. . . .
Уланы справа по шести
Вступили в город; музыканты,
Дремля на лошадях своих,
Играли марш из «Двух слепых».

5

Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тут не запрыгало сильней?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? какой мешок!
Два года ставни отворяют...»
Вот ставни настежь. Целый дом
Трет стекла тусклые сукном —
И любопытно пробегают
Глаза опухшие девиц
Ряды суровых, пыльных лиц.

6

«Ах, посмотри сюда, кузина,
Вот этот!» — «Где? майор?» — «О нет!
Как он хорош, а конь — картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...

Я после не могла уснуть...»
И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.

7

Против гостиницы «Московской»,
Притона буйных усачей,
Жил некто господин Бобковской,
Губернский старый казначей.
Давно был дом его построен;
Хотя невзрачен, но спокоен;
Меж двух облупленных колонн
Держался кое-как балкон.
На кровле треснувшие доски
Зеленым мохом поросли;
Зато пред окнами цвели
Четыре стриженых березки
Взамен гардин и пышных стор,
Невинной роскоши убор.

8

Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.
От юных лет с казенной суммой
Он жил как с собственной казной.
В пучинах сумрачных расчета
Блуждать была ему охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок).
Любил налево и направо
Он в зимний вечер прометнуть,
Четвертый куш перечеркнуть,
Рутёркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянского струей.

9

Он был врагом трудов полезных,
Трибун тамбовских удальцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его краплёные колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправник —
Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг
И за столом такой забавник,
Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда.

10

Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный взор,
Чтоб легче влюбчивый понтёр
Не разглядел проворной штуки,
Меж тем догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

11

И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идет, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронет землю башмачок;
В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:

Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.
Казалося, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну что такое бирюза?
Что небо? Впрочем, я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.

12

А этот носик! эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий как мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто «р» произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать ее ланиты,
Разнежась, старый казначей.
Как жаль, что не было детей
У них! . . . .
. . . .
. . . .

13

Для бо́льшей ясности романа
Здесь объявить мне вам пора,
Что страстно влюблена в улана
Была одна ее сестра.
Она, как должно, тайну эту
Открыла Дуне по секрету.
Вам не случалось двух сестер
Замужних слышать разговор?
О чем тут, боже справедливый,
Не судят милые уста!
О русских нравов простота!
Я, право, человек нелживый —
А из-за ширмов раза два
Такие слышал я слова...

14

Итак, тамбовская красотка
Ценить умела уж усы
. . . .
. . . .
Что ж? знание ее сгубило!
Один улан, повеса милый
(Я вместе часто с ним бывал),
В трактире номер занимал
Окно в окно с ее уборной.
Он был мужчина в тридцать лет;
Штаб-ротмистр, строен, как корнет;
Взор пылкий, ус довольно черный, —
Короче, идеал девиц,
Одно из славных русских лиц.

15

Он всё отцовское именье
Еще корнетом прокутил;
С тех пор дарами провиденья,
Как птица божия, он жил.
Он спать, лежать привык; не ведать,
Чем будет завтра пообедать.
Шатаясь по Руси кругом,
То на курьерских, то верхом,
То полупьяным ремонтёром,
То волокитой отпускным,
Привык он к случаям таким,
Что я бы сам почел их вздором,
Когда бы все его слова
Хоть тень имели хвастовства.

16

Страстьми земными не смущаем,
Он не терялся никогда . .
. . . .
. . . .
Бывало, в деле, под картечью
Всех рассмешит надутой речью,

Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдельной остротой.
Шутя однажды после спора
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб —
. . . .
Порой незлобен как дитя,
Был добр и честен, но шутя.

17

Он не был тем, что волокитой
У нас привыкли называть;
Он не ходил тропой избитой,
Свой путь умея пролагать;
Не делал страстных изъяснений,
Не становился на колени;
А несмотря на то, друзья,
Счастливей был, чем вы и я.
. . . .
. . . .
. . . .
Таков-то был штаб-ротмистр Гарин:
По крайней мере мой портрет
Был схож тому назад пять лет.

18

Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.
Узнал немало он смешного —
Интриг секретных шесть иль пять,
Узнал, невесты как богаты,
Где свахи водятся иль сваты;
Но занял более всего
Мысль беспокойную его
Рассказ о молодой соседке.
«Бедняжка! — думает улан. —
Такой безжизненный болван
Имеет право в этой клетке
Тебя стеречь — и я, злодей,
Не тронусь участью твоей?»

19

К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой,
Дар молдаванки молодой.
Сидит и смотрит он прилежно...
Вот, промелькнувши как во мгле,
Обрисовался на стекле
Головки милой профиль нежный;
Вот будто стукнуло окно...
Вот отворяется оно.

20

Еще безмолвен город сонный;
На окнах блещет утра свет;
Еще по улице мощеной
Не раздается стук карет...
Что ж казначейшу молодую
Так рано подняло? Какую
Назвать причину поверней?
Уж не бессонница ль у ней?
На ручку опершись головкой,
Она вздыхает, а в руке
Чулок; но дело не в чулке —
Заняться этим нам неловко...
И если правду уж сказать —
Ну кстати ль было б ей вязать!

21

Сначала взор ее прелестный
Бродил по синим небесам,
Потом склонился к поднебесной
И вдруг... какой позор и срам!
Напротив, у окна трактира,
Сидит мужчина без мундира.

Скорей, штаб-ротмистр! ваш сюртук!
И поделом... окошко стук...
И скрылось милое виденье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На вас навеяла б смущенье;
Но я отдам улану честь —
Он молвил: «Что ж? начало есть».

22

Два дня окно не отворялось.
Он терпелив. На третий день
На стеклах снова показалась
Ее пленительная тень;
Тихонько рама заскрипела.
Она с чулком к окну подсела.
Но опытный заметил взгляд
Ее заботливый наряд.
Своей удачею довольный,
Он встал и вышел со двора —
И не вернулся до утра.
Потом, хоть было очень больно,
Собрав запас душевных сил,
Три дня к окну не подходил.

23

Но эта маленькая ссора
Имела участь нежных ссор:
Меж них завелся очень скоро
Немой, но внятный разговор.
Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Кому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком родным?
В минуту страстного волненья
Кому хоть раз ты не помог
Близ милых уст, у милых ног?
Кого под игом принужденья,
В толпе завистливой и злой,
Не спас ты, чудный и живой?

24

Скажу короче: в две недели
Наш Гарин твердо мог узнать,
Когда она встает с постели,
Пьет с мужем чай, идет гулять.
Отправится ль она к обедне —
Он в церкви, верно, не последний;
К сырой колонне прислонясь,
Стоит всё время не крестясь.
Лучом краснеющей лампады
Его лицо озарено:
Как мрачно, холодно оно!
А испытующие взгляды
То вдруг померкнут, то блестят —
Проникнуть в грудь ее хотят.

25

Давно разрешено сомненье,
Что любопытен нежный пол.
Улан большое впечатленье
На казначейшу произвел
Своею странностью. Конечно,
Не надо было б мысли грешной
Дорогу в сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!
. . . .
. . . .
. . . .
Жизнь без любви такая скверность!
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?

26

Но время шло. «Пора к развязке! —
Так говорил любовник мой. —
Вздыхают молча только в сказке,
А я не сказочный герой».
Раз входит, кланяясь пренизко,
Лакей. «Что это?» — «Вот-с записка;

Вам барин кланяться велел-с;
Сам не приехал — много дел-с;
Да приказал вас звать к обеду,
А вечерком потанцевать.
Он сам изволил так сказать».
— «Ступай, скажи, что я приеду».
И в три часа, надев колет,
Летит штаб-ротмистр на обед.

27

Амфитрион был предводитель —
И в день рождения жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвал губернские чины
И целый полк. Хотя бригадный
Заставил ждать себя изрядно
И после целый день зевал,
Но праздник в том не потерял.
Он был устроен очень мило:
В огромных вазах по столам
Стояли яблоки для дам;
А для мужчин в буфете было
Еще с утра принесено
В больших трех ящиках вино.

28

Вперед под ручку с генеральшей
Пошел хозяин. Вот за стол
Уселся от мужчин подальше
Прекрасный, но стыдливый пол —
И дружно загремел с балкона,
Средь утешительного звона
Тарелок, ложек и ножей,
Весь хор уланских трубачей:
Обычай древний, но прекрасный;
Он возбуждает аппетит,
Порою кстати заглушит
Меж двух соседей говор страстный —
Но в наше время решено,
Что всё старинное смешно.

29

Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!

30

С Авдотьей Николавной рядом
Сидел штаб-ротмистр удалой —
Впился в нее упрямым взглядом,
Крутя усы одной рукой.
Он видел, как в ней сердце билось...
И вдруг — не знаю, как случилось —
Ноги ее иль башмачка
Коснулся шпорой он слегка.
Тут началися извиненья
И завязался разговор;
Два комплимента, нежный взор —
И уж дошло до изъясненья...
Да, да — как честный офицер!
Но казначейша — не пример.

31

Она, в ответ на нежный шепот,
Немой восторг спеша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решилась предложить —
Таков обычай деревенский!
Помучить — способ самый женский.

Но уж давно известна нам
Любовь друзей и дружба дам!
Какое адское мученье
Сидеть весь вечер tête-à-tête
С красавицей в осьмнадцать лет
. . . .
. . . .
. . . .

32

Вообще я мог в году последнем
В девицах наших городских
Заметить страсть к воздушным бредням
И мистицизму. Бойтесь их!
Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,
Вам вдруг захочет доказать,
Что два и три совсем не пять;
Иль вместо пламенных лобзаний
Магнетизировать начнет —
И счастлив муж, коли заснет!..
Плоды подобных замечаний,
Конечно б, мог не ведать мир,
Но польза, польза мой кумир.

33

Я бал описывать не стану,
Хоть это был блестящий бал.
Весь вечер моему улану
Амур прилежно помогал.
Увы . . . .
Не веруют амуру ныне;
Забыт любви волшебный царь;
Давно остыл его алтарь!
Но за столичным просвещеньем
Провинциалы не спешат;
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

34

И сердце Дуни покорилось;
Его сковал могучий взор...
Ей дома целу ночь всё снилось
Бряцанье сабли или шпор.
Поутру, встав часу в девятом,
Садится в шлафоре измятом
Она за вечную канву —
Всё тот же сон и наяву.
По службе занят муж ревнивый,
Она одна — разгул мечтам!
Вдруг дверью стукнули. «Кто там?
Андрюшка! Ах, тюлень ленивый!..»
Вот чей-то шаг — и перед ней
Явился... только не Андрей.

35

Вы отгадаете, конечно,
Кто этот гость нежданный был.
Немного, может быть, поспешно
Любовник смелый поступил;
Но, впрочем, взявши в рассмотренье
Его минувшее терпенье
И рассудив, легко поймешь,
Зачем рискует молодежь.
Кивнув легонько головою,
Он к Дуне молча подошел
И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус крутить,
Вздохнул и начал говорить:

36

«Я вижу, вы меня не ждали —
Прочесть легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что час!
Среди сердечного волненья
Нет сил, нет власти, нет терпенья!

Я здесь — на всё решился я...
Тебе я предан... ты моя!
Ни мелочные толки света,
Ничто, ничто не страшно мне;
Презренье светской болтовне —
Иль я умру от пистолета...
О, не пугайся, не дрожи;
Ведь я любим — скажи, скажи!..»

37

И взор его притворно скромный,
Склоняясь к ней, то угасал,
То, разгораясь страстью томной,
Огнем сверкающим пылал.
Бледна, в смущеньи оставалась
Она пред ним... Ему казалось,
Что чрез минуту для него
Любви наступит торжество...
Как вдруг внезапный и невольный
Стыд овладел ее душой —
И, вспыхнув вся, она рукой
Толкнула прочь его: «Довольно,
Молчите — слышать не хочу!
Оставите ль? я закричу!..»

38

Он смотрит: это не притворство,
Не штуки — как ни говори, —
А просто женское упорство,
Капризы — черт их побери!
И вот — о, верх всех унижений! —
Штаб-ротмистр преклонил колени
И молит жалобно; как вдруг
Дверь настежь — и в дверях супруг.
Красотка: «Ах!» Они взглянули
Друг другу сумрачно в глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гарин вышел. Дома пули
И пистолеты снарядил,
Присел — и трубку закурил.

39

И через час ему приносит
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! Нынче просит
К себе на вистик казначей,
Он именинник — будут гости...
От удивления и злости
Чуть не задохся наш герой.
Уж не обман ли тут какой?
Весь день проводит он в волненье.
Настал и вечер наконец.
Глядит в окно: каков хитрец —
Дом полон, что за освещенье!
А всё засунуть — или нет? —
В карман на случай пистолет.

40

Он входит в дом. Его встречает
Она сама, потупя взор.
Вздох полновесный прерывает
Едва начатый разговор.
О сцене утренней ни слова.
Они друг другу чужды снова.
Он о погоде говорит;
Она «да-с, нет-с» — и замолчит.
Измучен тайною досадой,
Идет он дальше в кабинет...
Но здесь спешить нам нужды нет,
Притом спешить нигде не надо.
Итак, позвольте отдохнуть,
А там докончим как-нибудь.

41

Я жить спешил в былые годы,
Искал волнений и тревог,
Законы мудрые природы
Я безрассудно пренебрег.
Что ж вышло? Право, смех и жалость!
Сковала душу мне усталость,

А сожаленье день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь?
Назад не возвратят усилья.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подъемлет крылья —
Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.

42

Ужель исчез ты, возраст милый,
Когда всё сердце говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит?
Не всё ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь,
Туда, где снегом и туманом
Одеты темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном!
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

43

Но есть всему конец на свете,
И даже выспренним мечтам.
Ну, к делу. Гарин в кабинете.
О чудеса! Хозяин сам
Его встречает с восхищеньем,
Сажает, потчует вареньем,
Несет шампанского стакан.
«Иуда!» — мыслит мой улан.
Толпа гостей теснилась шумно
Вокруг зеленого стола;
Игра уж дельная была,
И банк притом благоразумный.
Его держал сам казначей
Для облегчения друзей.

44

И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,
То здесь блестящий круг тамбовский
Позвольте мне представить вам.
Во-первых, господин советник,
Блюститель нравов, мирный сплетник,
. . . .
. . . .
А вот уездный предводитель,
Весь спрятан в галстук, фрак до пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.
А вот, спокойствия рачитель,
Сидит и сам исправник — но
Об нем уж я сказал давно.

45

Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесаный, недоученный,
А уж безнравственный болван.
Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он понтирует, как велят, —
И этой чести очень рад.
Еще тут были. . . но довольно,
Читатель милый, будет с вас.
И так несвязный мой рассказ,
Перу покорствуя невольно
И своенравию чернил,
Бог знает чем я испестрил.

46

Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.

Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкомет
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он всё проигрывал дотла.
В ушах его «дана», «взяла»
Так и звучали. Он взбесился —
И проиграл свой старый дом
И всё, что в нем или при нем.

47

Он проиграл коляску, дрожки,
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче — всё, всё дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.
Уж было за полночь. Треща,
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам
Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.

48

И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье
Иль «проиграть уж и жену».
О страх! о ужас! о злодейство!
И как доныне казначейство
Еще терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно

К нему подходит. «Очень рад, —
Он говорит, — пускай шумят,
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать —
Иначе вам несдобровать!»

49

Теперь кружок понтёров праздных
Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,
Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой — вот
И вся картина перед вами,
Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.

50

Что в ней тогда происходило —
Я не берусь вам объяснить:
Ее лицо изобразило
Так много мук, что, может быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не отуманит вам глаза:
Смешно участье в человеке,
Который жил и знает свет.
Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем веке
Немало проливали слез. . .
Кто ж в этом выиграл — вопрос?

51

Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась —
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николавна,
Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчаньи подошла —
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен; обомлела
Толпа, — все ждут чего-нибудь —
Упреков, жалоб, слез — ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венчальное кольцо —

52

И в обморок. Ее в охапку
Схватив — с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
Поутру вестию забавной
Смущен был город благонравный.
Неделю целую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Об этом все распространялись;
Старик защитников нашел;
Улана проклял милый пол —
За что, мы, право, не дознались.
Не зависть ли!.. Но нет, нет, нет;
Ух! я не выношу клевет!..

53

И вот конец печальной были,
Иль сказки — выражусь прямей.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? страстей?

Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови — даже дамы.
А я, как робкий ученик,
Остановился в лучший миг;
Простым нервическим припадком
Неловко сцену заключил,
Соперников не помирил
И не поссорил их порядком...
Что ж делать! Вот вам мой рассказ,
Друзья; покамест будет с вас.

Конец 1837 — начало 1838

БЕГЛЕЦ

Горская легенда

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит! —

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнает;
Подкрался он никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,

С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой;

И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе мучимый недугом, —
Один, — он молча умирал...
«Велик аллах! от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
— «Что нового?» — спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы билися в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду.
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.
И, саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон

Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним,
И он подумал: я любим,
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:

Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароют.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.

Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...

Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;

Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него,
Старуха мать ждет сына с битвы,
Но ждет его не одного!..

«Мать, отвори! я странник бедный,
Я твой Гарун! твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!»
— «Один?»
— «Один!..»
— «А где отец и братья?»
— «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».
— «Ты отомстил?»
— «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
— «Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пес;
Ребята малые ругались

Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но, внемля громкий стих Корана,
Бежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

1838 (?)

МЦЫРИ[1]

Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю.

1-я Книга Царств

1

Немного лет тому назад,
Там, где, сливаяся, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертию забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

---

[1] Мцыри — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника».

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасаяся врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.

Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;

Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

4

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?

Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билося живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежею толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтиться никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курилися, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,

К востоку направляло бег —
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножон
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробегало предо мной.
А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый, непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,

Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касалися крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть

В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудою камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю,
Мне стало страшно; на краю

Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос — легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал:
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;

И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек,
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!
Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилася опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.

Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе и превозмог
Страданье голода как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал,
И в исступлении рыдал,

И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертию грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружье... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...

Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней

Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,
Унесть в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут всё ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.

На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И, как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,

Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было всё на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Всё закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалася мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:

Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее сребристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.
Он говорил:

«Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье,
И холод и покой.

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенесть меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,

И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839

СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

1

Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок;
Поэты в том виновны не совсем
(Хотя у многих стих не вовсе гладок),
И публика неправа между тем;
Кто виноват, кто прав — уж я не знаю,
А сам стихов давно я не читаю —
Не потому чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для звучных строф
Златое время... в нашем веке зрелом,
Известно вам, все заняты мы делом.

2

Стихов я не читаю — но люблю
Марать шутя бумаги лист летучий;
Свой стих за хвост отважно я ловлю;
Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм — как, например, на *ю*.
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшебно темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избежать;
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.

3

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело всё, что ново!
Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.
Бог знает где заветная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ее листов — и слышно: c'est joli? .. [1]
Иль мышь над ней старается в пыли? ..
Но этот черт совсем иного сорта —
Аристократ и не похож на черта.

4

Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню — розовые шторы
Опущены — с трудом лишь может глаз
Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,
И, девственным дыханьем напоенный,
Огнем в лицо вам пышет воздух сонный;
Вот ручка, вот плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуется младой, но строгий профиль...
И на него взирает Мефистофель.

5

То был ли сам великий Сатана,
Иль мелкий бес из самых нечиновных,
Которых дружба людям так нужна
Для тайных дел, семейных и любовных?
Не знаю. Если б им была дана
Земная форма, по рогам и платью
Я мог бы сволочь различить со знатью;
Но дух — известно, что такое дух:
Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух
И мысль — без тела — часто в видах разных;
(Бесов вобще рисуют безобразных).

---

[1] это мило? .. (франц.). — *Ред.*

6

Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побуждений.
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. Меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебно сладкой красотою,
Что было страшно... и душа тоскою
Сжималася — и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет...
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделался — стихами.

7

Оружие отличное — врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой...
Вам насолить захочется ль друзьям?
Пустите в них поэмой или драмой!
Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хитрый демон.
Невинным сном был тронут не совсем он.
Немудрено — кипела в нем не кровь,
И понимал иначе он любовь;
И речь его коварных искушений
Была полна — ведь он недаром гений.

8

«Не знаешь ты, кто я, но уж давно
Читаю я в душе твоей, незримо,
Неслышно; говорю с тобою — но
Слова мои как тень проходят мимо
Ребяческого сердца — и оно
Дивится им спокойно и в молчанье.
Пускай. Зачем тебе мое названье?
Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь — но я люблю
По-своему... терпеть и ждать могу я,
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

9

Когда ты спишь, о ангел мой земной,
И шибко бьется девственною кровью
Младая грудь под грезою ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,
Любуюся — и говорю с тобой.
И в тишине, наставник твой случайный,
Чудесные рассказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан...

10

Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные звуки,
Как грешных снов нескромные слова,
Неясно раздавались — и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.

11

Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснилися как тени,
И в пене вод гранитных крылец их
Купалися широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые;
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дороже...
И я тогда — я улыбнулся тоже.

12

И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидал с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею лампадой,
И страшных тайн везде печальный ряд;
Я стал ловить блуждающие звуки,
Веселый смех — и крик последней муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви — бесстыдное желанье!
Везде обман, безумство иль страданье.

13

Но близ Невы один старинный дом
Казался полн священной тишиною;
Всё важностью наследственною в нем
И роскошью дышало вековою;
Украшен был он княжеским гербом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балконы
Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резьбой;
И окон ряд, всегда прозрачно-темных,
Манил, пугая, взор очей нескромных.

14

Пора была, боярская пора!
Теснилась знать в роскошные покои —
Былая знать минувшего двора,
Забытых дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких окон;
Напудренный мелькал и вился локон,
И часто ножка с красным каблучком
Давала знак условный под столом;
И старики в звездах и бриллиантах
Судили резко о тогдашних франтах...

15

Тот век прошел, и люди те прошли;
Сменили их другие; род старинный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,
Забытые, тускнели; поросли
Дворы травой, и, блеск сменив бывалый,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели... тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в нем,
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нравы;

16

Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо,
Всегда молчал; ходил до двух часов,
Обедал, спал... да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острых слов
Перебирал или читал Вольтера;
Как быть? Сильна к преданьям в людях вера;
Имел он дочь четырнадцати лет,
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;
Сидела чинно и держалась прямо.

17

Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, как ландыш за стеклом
Или скорей как бледный цвет подснежный.
Она была стройна, но с каждым днем
С ее лица сбегали жизни краски,
Задумчивей большие стали глазки;
Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,
И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18

Тогда она сходила в длинный зал,
Но бегать в нем ей как-то страшно было;
И как-то странно детский шаг звучал
Между колонн. Разрытою могилой
Над юной жизнью воздух там дышал.
И в зеркалах являлися предметы
Длиннее и бесцветнее, одеты
Какой-то мертвой дымкою; и вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, тише
(То были тени предков — или мыши).

19

И что ж? — она привыкла толковать
По-своему развалин говор странный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туманный,
Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский лепет
Подслушивать, невинной груди трепет
Следить, ее дыханием с немой,
Мучительной и жадною тоской
Как жизнью упиваться... это было
Смешно! — но мне так ново и так мило!

20

Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль... все ее движенья
Особого казались выраженья
Исполнены — но с самых детских дней
Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе,
И было темно в них, как в синем море.

21

Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано всё понятно.
Для мук и счастья, для добра и зла
В них пищи много — только невозвратно
Они идут, куда их повела
Случайность, без раскаянья, упреков
И жалобы — им в жизни нет уроков:
Их чувствам повторяться не дано...
Такие души я любил давно
Отыскивать по свету на свободе:
Я сам ведь был немножко в этом роде.

22

Ее смущали странные мечты;
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесноты,
На платьице чудесные узоры
Виднелись ей — и вот гремели шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил.
И вот она кружилась в вихре бала
И, утомясь, на кресла упадала...

23

И тут она, склонив лукавый взор
И выставив едва приметно ножку,
Двусмысленный и темный разговор
С ним завести старалась понемножку;
Сначала был он весел и остёр,
А иногда и чересчур небрежен;
Но под конец зато как мил и нежен...
Что делать ей? — притворно строгий взгляд
Его как гром отталкивал назад...
А сердце билось в ней так шибко, шибко,
И по устам змеилася улыбка.

24

Пред зеркалом, бывало, целый час
То волосы пригладит, то красивый
Цветок пришпилит к ним; движенью глаз,
Головке наклоненной вид ленивый
Придав, стоит... и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лукавый,
Но ум ее, и смéтливый и здравый,
Отгадывал всё мигом сам собой;
Так годы шли безмолвной чередой;
И вот настал тот возраст, о котором
Так полны ваши книги всяким вздором.

25

То был великий день: семнадцать лет!
Всё, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик отец послал за старой теткой,
И съехались родные на совет;
Их затруднил удачный выбор бала:
Что, будет двор иль нет? Иных пугала
Застенчивость дикарки молодой,
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригинальный;
Потом наряд осматривали бальный.

26

Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была как в лихорадке;
Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах перчатки
Разорвала... со страхом и тоской
Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной тревогой
И, выходя, споткнулась на крыльце...
И с бледностью печальной на лице
Вступила в залу... Странный шепот встретил
Ее явленье — свет ее заметил.

27

Кипел, сиял уж в полном блеске бал;
Тут было всё, что называют *светом;*
Не я ему названье это дал;
Хоть смысл глубокий есть в названьи этом;
Моих друзей я тут бы не узнал;
Улыбки, лица лгали так искусно,
Что даже мне чуть-чуть не стало грустно;
Прислушаться хотел я — но едва
Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безымянных чувств и мнений —
Эпиграфы неведомых творений!..»

. . . .

1840

ДЕМОН

Восточная повесть

ЧАСТЬ I

1

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

2

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

3

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, — и горный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком

Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

4

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

5

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.

С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,[1]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

6

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна,[2] и льются вины —
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой

[1] Покрывало.
[2] Вроде волынки.

Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.

7

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росою
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

8

В последний раз она плясала.
Увы! заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...

9

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забыть? — забвенья не дал бог,
Да он и не взял бы забвенья!..
. . . .

10

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжкой ношею даров
Едва-едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала

Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи,[1] — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

11

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал:
Он в мыслях, под ночною тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! — что такое?..

---

[1] Верхняя одежда с откидными рукавами.

Привстав на звонких стременах,[1]
Надвинув на брови папах,[2]
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк — и как орел
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик и стон глухой
Промчались в глубине долины —
Недолго продолжался бой:
Бежали робкие грузины!

12

Затихло всё; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою,
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет...

---

[1] Стремена у грузин вроде башмаков из звонкого металла.
[2] Шапка, вроде ериванки.

13

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремена,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

14

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха младого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

15

На беззаботную семью
Как гром слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;

Будь к земному без участья
И беспечна, как они!

Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травою,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

16

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,

Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..

ЧАСТЬ II

1

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну, сжалься надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

М. Ю. Лермонтов

Рисунок Д. П. Палена. 1840

2

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билося, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но — куда?..

3

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был — и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы младой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

4

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

5

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И всё ей в нем предлог мученью —
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумьи упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
И, чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

6

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумьи одиноком
И смотрит вдаль прилежным оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится *ему*;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна —
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...
. . . .
. . . .

7

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.

Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингара[1] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!
И, чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..

8

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним

[1] **Чингар** — род гитары.

Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

9

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»
Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностию взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя! — сказал он грозно. —
Оставь ее, она моя!
Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю!»
И Ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.
. . . .

10

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познанья и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, — я у ног твоих!
Тебе принес я в умиленье
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай — из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю, —
Я раб твой, — я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;

Не жить, как ты, мне стало больно,
И страшно — розно жить с тобой.
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё былое бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.
О! если б ты могла понять,

Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..
Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из злата;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,

Греху недолго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравилися мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молньей и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

[Тамара
Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одне.

Тамара

А бог!

Демон

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

Тамара

А наказанье, муки ада?

Демон

Так что ж? Ты будешь там со мной!]

Тамара

Кто б ни был ты, мой друг случайный, —
Покой навеки погубя,
Невольно я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...
Скажи, — ты видишь: я тоскую;

Ты видишь женские мечты!
Невольно страх в душе ласкаешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь —
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..

Демон

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством.
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящею разлукой.
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братий мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов;
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой,
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первою слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовию моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведеньи спокойном
Пусть доцветает без меня!

О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участья
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут, и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное созданье,
К иному ты присуждена;

Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня!..

11

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.

Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.

12

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугунною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло всё; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.
. . . .

13

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

14

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,

Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраня,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит,
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

15

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоилися там;
И превратилася в кладбище

Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых дней.

16

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издалека уж звуки рая
К ним доносилися — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шумный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца, —
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.

«Исчезни, мрачный дух сомненья! —
Посланник неба отвечал. —

Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал —
И благо божие решенье!
Дни испытания прошли;
С одеждой бренною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!»

И Ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сияньи неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;

И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут, звеня, издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Года во очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совьется в три кольца,
То ляжет длинной полосою
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властию святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят

На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

1841 (?)

ДРАМЫ

МАСКАРАД

Драма в 4-х действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Арбенин, Евгений Александрович.
Нина, жена его.
Князь Звездич.
Баронесса Штраль.
Казарин, Афанасий Павлович.
Шприх, Адам Петрович.
Маска.
Чиновник.
Игроки.
Гости.
Слуги и служанки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена первая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх.
За столом мечут банк и понтируют... Кругом стоят.

1-й понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

1-й понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2-й понтер

Ну, добрый путь.

3-й понтер

Вам надо счастие поправить,
А семпелями плохо...

4-й понтер

Надо гнуть.

3-й понтер

Пусти.

2-й понтер

На всё?.. нет, жжется!

4-й понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3-й понтер

(тихо первому)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2-й понтер

Эй, князь,
Гнев только портит кровь, — играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить.

2-й понтер

(насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал, — и вам их не купить.

2-й понтер

(сквозь зубы, уходя)

Скромней бы надо быть
С таким несчастием и в ваши леты.

Князь, выпив стакан лимонаду, садится к стороне и задумывается.

Шприх

(подходит с участием)

Не нужно ль денег, князь... я тотчас помогу,
Проценты вздорные... а ждать сто лет могу.

Князь холодно кланяется и отворачивается, Шприх с неудовольствием уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и прочие.

Арбенин входит, кланяется, подходя к столу; потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, женат, богат, — стал барин.
И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.

Казарин

Делами занят всё?

Арбенин

Любовью... не делами.

Казарин

С женой по балам.

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

Нет... утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

Казарин

Шприх!
Адам Петрович!.. Я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и кланяется.

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх

По рассказам.
И столько я о вас слыхал того-сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего.
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... Видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно;
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек, — а с чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой, — что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит,
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век,
Был бит не раз, с безбожником — безбожник,
С святошей — езуит, меж нами — злой картежник,
А с честными людьми — пречестный человек.
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош, — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях?
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Боялся быть убийцей — да и мать
К тому ж строга, — потом, лет через пять,
Был вызван он опять
И тут дрался уж в самом деле.

Арбенин

А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..

Казарин

Трущов...
О, малый он неоцененный:
Семь лет он в Грузии служил,
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил.

Арбенин

Да вы разборчивы на новые знакомства!

Игроки

(кричат)

Казарин, Афанасий Павлович, сюда!

Казарин

Иду.

(С притворным участием.)

Пример ужасный вероломства!
Ха, ха, ха, ха!

1-й понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокоиваются, Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Арбенин

Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

Князь

(недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.

Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, сча́стливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь.

Князь

(с чувством берет его за руку)

Я проигрался.

Арбенин

Вижу. Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаяньи.

Арбенин

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах чуть знакомых вам
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Всё презирать: закон людей, закон природы.
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
«Подлец!»

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие.

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл! .. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин

(вдруг берет его за руку)

Погодите.
Я сяду вместо вас. Вы молоды, — я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы, заносчив, опрометчив тоже,
И если б...

(останавливается)

кто-нибудь меня остановил...
То...

(Смотрит на него пристально. Переменив тон.)

Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!

(Подходит к столу; ему дают место.)

Не откажите инвалиду;
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба!

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.

(Тихо.)

Ну, не ударься в грязь лицом

И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки

Извольте, вам и книги в руки, — вы хозяин,
Мы гости.

1-й понтер
(на ухо второму)

Берегись — имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька Каин,
И притузит он моего туза.

Игра начинается; все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола. Шприх отводит на авансцену Казарина.

Шприх
(лукаво)

Столпились в кучку все, — кажись, нашла гроза.

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,
Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был? А теперь...

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком, — а право, тот же зверь...
Мне скажут: можно отучиться,
Натуру победить. — Дурак, кто говорит;
Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то всё в душе сидит.

И ты, мой друг,

(ударив по плечу)

хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

Два игрока в живом разговоре подходят.

1-й игрок

Я говорил тебе.

2-й игрок

Что делать, брат,
Нашла коса на камень, видно.
Я ль не хитрил, — нет, всех как на подряд.
Подумать стыдно...

Казарин

(подходит)

Что, господа, иль не под силу? а?

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3-й понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер

(в сторону)

Обрежется...

5-й понтер

Посмотрим.

Арбенин

(встает)

Баста!

Берет золото и отходит, другие остаются у стола; Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руку князя и отдает ему деньги; Арбенин бледен.

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже.

(Горько.)

А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет!.. те дни блаженные прошли.
Я вижу всё насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, чтоб был к нему привязан;
А — просто — видел пользу в том.

Князь

Я вам не верю.

Арбенин

Кто велит вам верить!

Я к этому привык с давнишних пор.
И если бы не лень, то стал бы лицемерить...
Но кончим этот разговор...
(Помолчав.)
Рассеяться б и вам и мне нехудо.
Ведь нынче праздники, и, верно, маскерад
У Энгельгардта...

Князь

Да.

Арбенин

Поедемте?

Князь

Я рад.

Арбенин
(в сторону)

В толпе я отдохну.

Князь

Там женщины есть... чудо...
И даже там бывают, говорят...

Арбенин

Пусть говорят, а нам какое дело?
Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.
И если маскою черты утаены,
То маску с чувств снимают смело.

Уходят.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Те же, кроме Арбенина и князя Звездича.

1-й игрок

Забастовал он кстати... с ним беда...

2-й игрок

Хотя б опомниться он дал по крайней мере.

Слуга

(входит)

Готово ужинать...

Хозяин

Пойдемте, господа,
Шампанское утешит вас в потере.

Уходят.

Шприх

(один)

С Арбениным сойтиться я хочу...
И даром ужинать желаю.

(Приставив палец ко лбу.)

Отужинаю здесь... кой-что еще узнаю
И в маскерад за ними полечу.

(Уходит и рассуждает сам с собою.)

Сцена вторая

МАСКЕРАД

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Маски, Арбенин, потом князь Звездич.
Толпа проходит взад и вперед по сцене; налево канапе.

Арбенин

(входит)

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!

Князь подходит, зевая.

Вот нынешнее поколенье.
И то ль я был в его лета, как погляжу?
Что, князь?.. не набрели еще на приключенье?

Князь

Как быть, а целый час хожу!

Арбенин

А! вы желаете, чтоб счастье вас ловило.
Затея новая... пустить бы надо в свет.

Князь

Все маски глупые...

Арбенин

Да маски глупой нет:
Молчит... таинственна, заговорит... так мило.
Вы можете придать ее словам
Улыбку, взор, какие вам угодно...
Вот, например, взгляните там —
Как выступает благородно
Высокая турчанка... как полна,
Как дышит грудь ее и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть может, гордая графиня иль княжна,
Диана в обществе... Венера в маскераде,
И также может быть, что эта же краса
К вам завтра вечером придет на полчаса.
В обоих случаях вы, право, не внакладе.

(Уходит.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Князь и женская маска.
Одно домино подходит и останавливается. Князь стоит в задумчивости.

Князь

Всё так, — рассказывать легко...
Однако же я всё еще зеваю...
Но вот идет одна... дай господи!

Одна маска отделяется и ударив его по плечу.

Маска

Я знаю...
Тебя!

Князь

И, видно, очень коротко.

Маска

О чем ты размышлял, — и это мне известно.

Князь

А в этом случае ты ска́стливей меня.

(Заглядывает под маску.)

Но если не ошибся я,
То ротик у нее прелестный.

Маска

Я нравлюся тебе, тем хуже.

Князь

Для кого?

Маска

Для одного из нас.

Князь

Не вижу отчего?..
Ты предсказанием меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитер,
Но узнаю, кто ты...

Маска

Так, стало быть, ты знаешь,
Чем кончится наш разговор?..

Князь

Поговорим и разойдемся.

Маска

Право?

Князь

Налево ты, а я направо...

Маска

Но ежели я здесь нарочно с целью той —
Чтоб видеться и говорить с тобой;

Но если я скажу, что через час ты будешь
Мне клясться, что вовек меня не позабудешь,
Что будешь рад отдать мне жизнь свою в тот миг,
Когда я улечу, как призрак, без названья,
Чтоб услыхать из уст моих
Одно лишь слово: до свиданья! ..

Князь

Ты маска умная, а тратишь много слов!
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таков?

Маска

Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человек;
В тебе одном весь отразился век,
Век нынешний, блестящий, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бегаешь страстей.
Всё хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь;
Людей без гордости и сердца презираешь,
А сам игрушка тех людей.
О! знаю я тебя...

Князь

Мне это очень лестно.

Маска

Ты сделал много зла.

Князь

Невольно, может быть.

Маска

Кто знает! Только мне известно,
Что женщине тебя не надобно любить.

Князь

Я не ищу любви.

Маска

Искать ты не умеешь.

Князь

Скорей устал искать.

Маска

Но если пред тобой
Она появится и скажет вдруг: ты мой!
Ужель бесчувственным остаться ты посмеешь?

Князь

Но кто ж она? .. конечно, идеал..

Маска

Нет, женщина... а дальше что за дело.

Князь

Но покажи ее, пусть явится мне смело.

Маска

Ты хочешь многого — обдумай, что сказал!

Некоторое молчание.

Она не требует ни вздохов, ни признанья,
Ни слез, ни просьб, ни пламенных речей...

. . . .

Но клятву дай оставить все старанья
Разведать — кто она... и обо всем
Молчать...

Князь

Клянусь землей и небесами
И честию моей.

Маска

Смотри ж, теперь пойдем!
И помни, шуток нет меж нами...

Уходят под руки.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и две маски.
Арбенин тащит за руку мужскую маску.

Арбенин

Вы мне вещей наговорили
Таких, сударь, которых честь
Не позволяет перенесть...
Вы знаете ль, кто я?..

Маска

Я знаю, кто вы были.

Арбенин

Снимите маску — и сейчас!
Вы поступаете бесчестно.

Маска

К чему! мое лицо вам так же неизвестно,
Как маска, — и я сам вас вижу в первый раз.

Арбенин

Не верю! Что-то слишком вы меня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус; подите прочь.

Маска

Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту ночь.

(Исчезает в толпе.)

Арбенин

Постой... пропал... кто ж он? Вот дал мне бог заботу.
Трусливый враг какой-нибудь,
А им ведь у меня нет счету,
Ха, ха, ха, ха! прощай, приятель, добрый путь...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Шприх и Арбенин.

Шприх является. На канапе сидят две женские маски, кто-то подходит и интригует, берет за руку... одна вырывается и уходит, браслет спадает с руки.

Шприх

Кого вы так безжалостно тащили,
Евгений Александрыч?..

Арбенин

Так, шутил
С приятелем.

Шприх

Конечно, подшутили
Вы не на шутку с ним. Он шел и вас бранил.

Арбенин

Кому?

Шприх

Какой-то маске.

Арбенин

Слух завидный
У вас.

Шприх

Я слышу всё и обо всем молчу
И не в свои дела не сýюсь...

Арбенин

Это видно.
Так, стало быть, не знаете... ну как не стыдно!
Об том...

Шприх

Об чем это-с?

Арбенин

Да нет, я так, шучу...

Шприх

Скажите!..

Арбенин

Говорят, у вас жена красотка...

Шприх

Ну-с, что ж?

Арбенин

(переменив тон)

А ездит к вам тот смуглый и в усах?

(Насвистывает песню и уходит.)

Шприх

(один)

Чтоб у тебя засохла глотка...
Смеешься надо мной... так будешь сам в рогах.

(Теряется в толпе.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

1-я маска, одна.

1-я маска входит быстро в волнении и падает на канапе.

1-я маска

Ах!.. я едва дышу... он всё бежал за мною,
Что, если бы он сóрвал маску... нет,
Он не узнал меня... да и какой судьбою
Подозревать, что женщина, которой свет
Дивится с завистью, в пылу самозабвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви — но только сожаленья,
И дерзко скажет — я твоя!..
Он этой тайны вечно не узнает...
Пускай... я не хочу... но он желает
На память у меня какой-нибудь предмет,
Кольцо... что делать... риск ужасный!
(Видит на земле браслет и поднимает.)
Вот счастье. Боже мой — потерянный браслет
С эмалью, золотой... отдам ему, прекрасно...
Пусть ищет с ним меня.

ВЫХОД ШЕСТОЙ

1-я маска и князь Звездич.

Князь с лорнетом торопливо продирается.

Князь

Так точно... вот она.
Меж тысячи других теперь ее узнаю.

(Садится на канапе и берет ее за руку.)

О! ты не убежишь.

Маска

Я вас не убегаю,
Чего хотите вы?

Князь

Вас видеть.

Маска

Мысль смешна!
Я перед вами...

Князь

Это шутка злая!
Но цель твоя шутить, а цель моя другая...
И если мне небесные черты
Сейчас же не откроешь ты —
То я сорву коварную личину;
Я силою...

Маска

Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... мало вам того,
Что я люблю вас... нет! вам хочется всего;
Вам надо честь мою на поруганье,
Чтоб, встретившись со мной на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Примолвить: вот она... и пальцем указать.

Князь

Я вспомню голос твой.

Маска

Пожалуй, — вот уж чудо!
Сто женщин говорят все голосом таким;
Вас пристыдят — лишь адресуйтесь к ним,
И это было бы нехудо!

Князь

Но счастие мое неполно.

Маска

А как знать...
Вы, может быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть может, я стара, дурна... какую мину
Вы сделали бы мне.

Князь

Ты хочешь испугать,
Но, зная прелестей твоих лишь половину,
Как остальных не отгадать.

Маска
(хочет идти)

Прощай навеки!..

Князь

О! еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нет
В тебе к безумцу сожаленья?

Маска
(отойдя два шага)

Вы правы, жаль мне вас — возьмите мой браслет.

(Бросает браслет на пол; пока он его поднимает, она скрывается в толпе.)

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь, потом Арбенин.

Князь
(он ищет ее глазами напрасно)

Я в дураках... есть от чего рассудка
Лишиться...

(Увидев Арбенина.)

А!

Арбенин
(идет задумчив)

Кто этот злой пророк...
Он должен знать меня... и вряд ли это шутка.

Князь
(подходя)

Мне в пользу послужил ваш давешний урок.

Арбенин

Душевно радуюсь.

Князь

Но счастье налетело
Само собой.

Арбенин

Да, счастье — вечно так.

Князь

Лишь только я схватил и думал: кончил дело,
Как вдруг

(дует на ладонь)...

Теперь себя могу уверить смело,
Что если всё не сон, так я большой дурак.

Арбенин

Не знаю ничего и потому не спорю.

Князь

Да вы всё шутите, помочь нельзя ли горю?
Я всё вам расскажу

(несколько слов на ухо).

Как я был удивлен!
Плутовка вырвалась — и вот

(показывает браслет)

как будто сон.
Конец прежалобный.

Арбенин

(улыбаясь)

А начали нехудо! . .
Но покажите-ка... браслет довольно мил,
И где-то я видал такой же... погодите.
Да нет, не может быть... забыл.

Князь

Где отыскать ее...

Арбенин

. Любую подцепите;
Здесь много их — искать недалеко!

Князь

Но если не она?

Арбенин

А может быть легко,
Но что же за беда? . . Вообразите...

Князь

Нет, я ее сыщу на дне морском, браслет
Поможет мне.

Арбенин

Ну, сделаем два тура, —
Но ежели она не вовсе дура,
То здесь ее давно простыл и след.

Сцена третья

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Евгений Арбенин входит; слуга.

Арбенин

Ну, вот и вечер кончен — как я рад.
Пора хотя на миг забыться,
Весь этот пестрый сброд — весь этот маскерад
Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно ль!..
Давал любовнику советы,
Догадки поверял, сличал браслеты...
И за других мечтал, как делают поэты...
Ей-богу, мне такая роль
Уж не под леты!

(Слуге.)

Что, барыня приехала домой?

Слуга

Нет-с.

Арбенин

А когда же будет?

Слуга

Обещалась
В двенадцатом часу.

Арбенин

Теперь уж час второй, —
Не ночевать же там она осталась!

Слуга

Не знаю-с.

Арбенин

Будто бы? Иди — свечу
Поставь на стол, как будет нужно, я вскричу.

Слуга уходит; он садится в кресла.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин

(один)

Бог справедлив! и я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены ждали,
Теперь я жду жены своей...
В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил;
Любим был часто пламенно и страстно
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже развязку,
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И тяжко стало мне, и скучно жить!
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить;
И я нашел жену, покорное созданье,
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец божий на закланье
Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук проснулся:
Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидал, что я ее люблю;
И, стыдно молвить... ужаснулся!..
Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на просторе;
Изломанный челнок, я снова брошен в море:
Вернусь ли к пристани я вновь?

(Задумывается.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и Нина.

Нина входит на цыпочках и целует в лоб сзади.

Арбенин

Ах, здравствуй, Нина... наконец!
Давно пора.

Нина

Неу́жели так поздно?

Арбенин

Я жду тебя уж целый час.

Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!

Арбенин

А думаешь... глупец?..
Он ждет себе... а я...

Нина

Ах, мой творец!..
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя; зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мне, как другу... Но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!

Арбенин
(улыбаясь)

Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно...

Нина

Конечно.

Арбенин

Ты сердишься?

Нина

Нет, я благодарю.

Арбенин

Ты опечалилась.

Нина

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенин

Нина?

Нина

Что вы?

Арбенин

Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.

(Привлекает к себе на колена и целует.)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя,
И ре́звясь, как дитя.
Но я люблю иначе: я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел,
И более всего страдал!

Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья,
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм.
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит по волосам.

Нина

Ты странный человек... когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда;
Но часто...

Арбенин

Часто?

Нина

Нет, но иногда!

Арбенин

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно.
И помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.

Нина

Опять ты недоволен... Боже мой!

Арбенин

О нет... я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и злой
Я счастлив... я с тобой!
Оставим прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старине!
Я вижу, что творец тебя в вознагражденье
С своих небес послал ко мне.

(Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.)

Нина

Ты побледнел, дрожишь... о боже!

Арбенин

(вскакивает)

Я? ничего! где твой другой браслет?

Нина

Потерян.

Арбенин

А! потерян.

Нина

Что же?
Беды великой в этом нет.
Он двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

Арбенин

(про себя)

Потерян... Отчего я этим так смущен,
Какое странное мне шепчет подозренье!

Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..

Н и н а

Тебя понять я, право, не могу.

А р б е н и н

(пронзительно на нее смотрит, сложив руки)

Браслет потерян?

Н и н а

(обидясь)

Нет, я лгу!

А р б е н и н

(про себя)

Но сходство, сходство!

Н и н а

Верно, уронила
В карете я его, — велите обыскать;
Конечно б, я его не смела взять,
Когда б вообразила...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и с л у г а.

А р б е н и н

(звонит)

Слуга входит.

(Слуге.)

Карету обыщи ты вдоль и поперек —
Потерян там браслет... Избави бог
Тебе вернуться без него!

(Ей.)

О чести,
О счастии моем тут речь идет.

Слуга уходит.

(После паузы, ей.)

Но если он и там браслета не найдет?

Нина

Так, стало быть, в другом он месте.

Арбенин

В другом? и где — ты знаешь?

Нина

В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу, такой же точно, новый.

Слуга входит.

Арбенин

Ну что?.. скорее отвечай...

Слуга

Я перешарил всю карету-с.

Арбенин

И не нашел там!

Слуга

Нету-с.

Арбенин

Я это знал... ступай.

(Значительный взгляд на нее.)

Слуга

Конечно, в маскераде он потерян.

Арбенин

А!.. в маскераде!.. так вы были там?

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме слуги.

Арбенин
(слуге)

Иди.

(Ей.)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей...
С кем были вы?

Нина

Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят:
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила.
И вы узнаете всё лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскерад.

(Смеется.)

Смешно, смешно, ей-богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!

Нина

О, если ваши продолжáтся бредни,
То это, верно, не последний.

Арбенин

Кто знает, может быть...
Послушай, Нина!.. я смешон, конечно,

Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион:
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов — иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь...
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша был скукою томим.
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье...
Я человек — пока они мои,
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно!
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава,
Покуда не растопится, тверда
Она как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам, без слез и сожаленья,
Две наши жизни разорву!

(Хочет взять ее за руку.)

Она отскакивает в сторону.

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!

Арбенин

Неужели?..
Я страшен? нет, ты шутишь, я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... Зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать? скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскерада;
Пускай потешится, придет.
Вы дали мне вкусить почти все муки ада —
И этой лишь недостает.

Нина

Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет;
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!

Арбенин

Да! смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я,
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. но ты мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю всё.

(Ей.)

Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется... упавши на колена?
Да, я б смягчился, если б увидал
Одну слезу... одну... нет! смех был мне ответом.

Нина

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам; я не виновна в этом;
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И чтоб утешить вас, конечно не солгу.

Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... довольно...

Нина

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажет бог, — послушай...

Арбенин

Наизусть
Я знаю всё, что скажешь ты.

Нина

Мне больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю;
О боже, но чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И право, мне вы надивитесь.

Нина

Не мне ль... что ж медлишь ты?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина

(с презреньем)

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

Ужели много ждет меня таких минут?
О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умею
Просить, и ты неумолим... но я и тут
Тебе прощаю.

Арбенин

Лишний труд!

Нина

Однако есть и бог... он не простит.

Арбенин

Жалею!

Она в слезах уходит.

(Один.)

Вот женщина!.. о, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познанье мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и вид и голос грозный!..
(Подходит к двери жены и слушает.)
Что делает она: смеется, может быть!..

Нет, плачет.

(Уходя.)

Жаль, что поздно!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена первая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Баронесса сидит на креслах в усталости. Бросает книгу.

Баронесса

Подумаешь: зачем живем мы? для того ли,
Чтоб вечно угождать на чуждый нрав
И рабствовать всегда! Жорж Занд почти что прав!
Что ныне женщина? создание без воли,
Игрушка для страстей иль прихотей других!
Имея свет судьей и без защиты в свете,
Она должна таить весь пламень чувств своих
Иль удушить их в полном цвете;
Что женщина? Ее от юности самой
В продажу выгодам, как жертву, убирают,
Винят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой —
Тогда прости и счастье и покой!
Свет тут... он тайны знать не хочет! он по виду,
По платью встретит честность и порок,
Но не снесет приличиям обиду
И в наказаниях жесток!..

(Хочет читать.)

Нет, не могу читать... меня смутило
Всё это размышленье, я боюсь
Его как недруга... и, вспомнив то, что было,
Сама себе еще дивлюсь.

Входит Нина.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Нина

Катаюсь я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour.[1]

Баронесса

C'est une idée charmante, vous en avez toujours.[2]

(Садятся.)

Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза — конечно, не от слез?

Нина

Я дурно ночь спала и нынче нездорова.

Баронесса

Твой доктор нехорош — возьми другого.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Входит князь Звездич.

Баронесса
(холодно)

Ах, князь!

Князь

Я был вчера у вас
С известием, что наш пикник расстроен.

Баронесса

Прошу садиться, князь.

Князь

Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы, — но вид ваш так спокоен.

---

[1] моя любовь (франц.). — *Ред.*
[2] Мысль превосходная, как и всегда у вас (франц.). — *Ред.*

Баронесса

Мне, право, жаль.

Князь

А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскерад.

Нина

Вчера вы были в маскераде?

Князь

Был.

Баронесса

А в каком наряде?

Нина

Там было много...

Князь

Да; и там
Под маской я узнал иных из наших дам.
Конечно, вы охотницы рядиться.

(Смеется.)

Баронесса
(горячо)

Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет;
Рискнуть быть узнанной, — вам надобно стыдиться,
Отречься от подобных слов.

Князь

Отречься не могу; стыдиться же — готов.

Входит чиновник.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и чиновник.

Баронесса

Откуда вы?

Чиновник

Сейчас лишь из правленья,
О деле вашем я пришел поговорить.

Баронесса

Его решили?

Чиновник

Нет, но скоро!.. Может быть,
Я помешал...

Баронесса

Ничуть.

(Отходит к окну и говорит.)

Князь

(в сторону)

Вот время объясненья!

(Нине.)

Я в магазине нынче видел вас.

Нина

В каком же?

Князь

В англинском.

Нина

Давно ль?

Князь

Сейчас.

Нина

Мне удивительно, что вас я не узнала.

Князь

Вы были заняты...

Нина

(скоро)

Браслет я прибирала

(вынимает из редикюля)

Вот к этому.

Князь

Премиленький браслет.
Но где ж другой?

Нина

Потерян!

Князь

В самом деле?..

Нина

Что ж странного?

Князь

И не секрет,
Когда?

Нина

Третьего дни, вчера, на той неделе.
Зачем вам знать, когда.

Князь

Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.

(В сторону.)

Смущается она — вопрос ее тревожит!
Ох, эти скромницы!

(Ей.)

Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может отыскаться.

Нина

Пожалуйста... но где?

Князь

А где ж потерян он?

Нина

Не помню.

Князь

Как-нибудь на бале?

Нина

Может статься.

Князь

Или кому-нибудь на память подарен?

Нина

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

Князь

Будто в свете только муж —
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Ну пусть потерян он, — а тот,
Который вам его найдет, —
Получит ли от вас какое награжденье?

Нина

(улыбаясь)

Смотря.

Князь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал — и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь

Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если сами,
Не узнаны, под маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О! но поймите же.

Нина

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.

Князь

О боже! я мечтал... ужель вы рассердились?

(Про себя.)

Ты отвертелася! добро... но будет час,
И я своей достигну цели.

Нина отходит к баронессе. Чиновник раскланивается и уходит.

Нина

Adieu, ma chère,[1] — до завтра, мне пора.

Баронесса

Да подожди, mon ange,[2] с тобой мы не успели
Сказать двух слов.

Целуются.

Нина

(уходя)

Я завтра жду тебя с утра.

(Уходит.)

Баронесса

Мне день покажется длинней недели.

---

[1] Прощай, дорогая (франц.). — *Ред.*
[2] мой ангел (франц.). — *Ред.*

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Нины и чиновника.

Князь

(в сторону)

Я отомщу тебе! вот скромница нашлась,
Пожалуй, я дурак — пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.

Баронесса

Задумалися, князь?

Князь

Да, многое раздумать мне придется.

Баронесса

Как кажется, ваш разговор
Был оживлен, — о чем был спор?

Князь

Я утверждал, что встретил в маскераде.

Баронесса

Кого?

Князь

Ее.

Баронесса

Как, Нину?

Князь

Да!..
Я доказал ей.

Баронесса

Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.

Князь

Из странности решаюсь иногда.

Баронесса

Так пощадите хоть заочно!
К тому же доказательств нет.

Князь

Нет... только мне вчера был дан браслет.
И у нее такой же точно.

Баронесса

Вот доказательство... логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!

Князь

Я ныне все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.

После молчания.

Баронесса

Я завтра ж дам совет, полезный Нине:
Не доверяться болтунам.

Князь

А мне совет какой?

Баронесса

А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.

Князь

За два совета вам я благодарен вдвое.
(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Баронесса

Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему, со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь, не мне вас выводить
Из заблуждения: о нет, избави боже.

Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет, — так! Нина там была —
И вот разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, но я его люблю,
Быть может, так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Мне будто слышится и смех толпы пустой,
И шепот злобных сожалений!
Нет, я себя спасу... хотя б на счет другой,
От этого стыда, — хотя б ценой мучений
Пришлося выкупить проступок новый мой!..

(Задумывается.)

Какая цепь ужасных предприятий.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Баронесса и Шприх.

Шприх входит, раскланивается.

Баронесса

Ах, Шприх, ты вечно кстати.

Шприх

Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен —
Покойный ваш супруг...

Баронесса

Всегда ль ты так любезен!

Шприх

Блаженной памяти барон...

Баронесса

Тому назад
Лет пять, я помню.

Шприх

Занял тысяч...

Баронесса

Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.

Шприх

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно вспоминаю.

Баронесса

Скажи, что нового?

Шприх

У графа одного
Наслушался — сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.

Баронесса

А *ничего*
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?

Шприх

(в недоумении)

Нет... слышал... как же... нет —
Об этом говорил и замолчал уж свет...

(В сторону.)

А что, бишь, я не помню, вот ужасно!..

Баронесса

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.

Шприх

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.

Баронесса

Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом —
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,

Хотят, чтоб он сквозь тысячу преград
К своей стремился героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболе!
Прощайте, мосье Шприх, обедать ждет меня
Сестра — а то б осталась с вами доле.

(Уходя. В сторону.)

Теперь я спасена — полезный мне урок.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Шприх
(один)

Не беспокойтеся: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья!
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига... да, вмешаюсь в эту связь —
Мне благодарен будет князь.
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

Сцена вторая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

КАБИНЕТ АРБЕНИНА.

Арбенин один, потом слуга.

Арбенин

Всё ясно ревности — а доказательств нет!
Боюсь ошибки — а терпеть нет силы —
Оставить так, забыть минутный бред?
Такая жизнь страшней могилы!
Есть люди, я видал, — с душой остылой,
Они блаженствуют и мирно спят в грозу —
То жизнь завидная!

Слуга
(входит)
Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.

Арбенин
Да от какой?

Слуга
Не разобрал-с.

Арбенин
Записка? к Нине!..
(Идет; слуга остается.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Афанасий Павлович Казарин и слуга.

Слуга
Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.

Казарин
Хорошо.

Слуга
Я тотчас доложу-с.
(Уходит.)

Казарин
Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь.
Дела мои преплохи, так, что грустно!
Товарищ нужен мне искусный,
Недурно, если он к тому ж
Великодушен часто, кстати
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо мне
В игру; он будет верен старине,
Приятеля он поддержать сумеет
И пред детьми не оробеет.

А эта молодежь
Мне просто — нож!
Толкуй им как угодно,
Не знают ни завесть, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А всё ведь отчего? — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!..
При них и честь и миллионы!..

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Казарин и Шприх.

Входит Шприх.

Шприх

Ах! Афанасий Павлович, — вот чудо.
Ах, как я рад, не думал встретить вас.

Казарин

Я также. Ты с визитом?

Шприх

Да-с,
А вы?

Казарин

Я также!

Шприх

Право? А не худо,
Что мы сошлись, — о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

Казарин

Бывало, ты всё занят был делами,
А делом в первый раз.

Шприх

Bon mot[1] вам нипочем,
А право, нужное.

Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

Казарин

Не знаю... говори!

Шприх

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...

(Делает пальцами изображение рогов.)

Казарин

Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь...

Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал — тому лишь пять минут;
Кому же знать?

Казарин

Бес вечно тут как тут.

Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскераде встретилась с одним
Князьком — ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красотка перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.

[1] Острота (франц.). — *Ред.*

Взбесился князь — и полетел везде
Рассказывать — того смотри, что быть беде!
Меня просили сладить это дело...
Я принялся — и разом всё поспело;
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тот же час доставил.

Казарин

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.

Шприх

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...

Казарин

И даже не был бит?

Шприх

У вас всё шутка, смех...
А я всегда скажу, что жизнию без цели
Не должно рисковать.

Казарин

И в самом деле!
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.

Шприх

Но это в сторону — ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.

Казарин

Что ж это?

Шприх

Анекдот!
А дело вот в чем.

Казарин

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.

Шприх

Нет никого — мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.

Казарин

Твой анекдот, ей-богу, презабавный.

Шприх

Ваш брат охотник, вот купить бы славно!

Казарин

Итак, Арбенин — как дурак...

Шприх

Послушайте.

Казарин

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно!
Женитесь после этого.

Шприх

Ваш брат
Находке этой был бы рад.

Казарин

В женитьбе верность, счастие — всё враки!
Эй, не женися, Шприх.

Шприх

Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно вот клад.

Казарин

Жена?

Шприх

Собака.

Казарин

Вот дались собаки!
Послушай, мой любезный друг,

Не знаю как жену — что бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.

Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, и он их не видал.

Задумчив и с письмом; узнать бы интересно.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

Арбенин

(не замечая их)

О благодарность! .. и давно ли я
Спас честь его и будущность, не зная
Почти, кто он таков, — и что же — о! змея!
Неслыханная низость! .. он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом! ..
И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья.
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут — не мог остановиться...
Вот благодарность! .. много я видал
На свете, а пришлось еще дивиться.

(Перечитывает письмо.)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кстати чрезвычайно.
«Вы правы... что́ страшней молвы?
Подслушать нас могли б случайно.
Так не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите — и это будет тайной!
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».

Шприх

Письмо! так, так, оно — пропало всё как раз.

Арбенин

Ого! искусный соблазнитель — право,
Мне хочется послать ему ответ кровавый.

(Казарину.)

А, ты был здесь?

Казарин

Я жду уж целый час.

Шприх

(в сторону)

Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается как хочет.

(Приближается к двери.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Шприха. Шприх уходит незамечен.

Казарин

Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал.

(В сторону.)

Письмо! так вот что, понимаю!

(Ему.)

Ты в размышленьи...

Арбенин

Да, я размышляю.

Казарин

О бренности надежд и благ земных.

Арбенин

Почти! о благодарности.

Казарин

Есть мненья
Различные на этот счет,

Но что б ни думал этот или тот,
А всё предмет достоин размышленья.

Арбенин

Твое же мнение?

Казарин

Я думаю, мой друг,
Что благодарность — вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Всё думаю об нем.

Арбенин

Ты шутишь всё, Казарин.

Казарин

Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно;
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой грозный,
И я открою пред тобой
Все таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт,
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк; рок мечет, я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример,
Для поясненья этих правил,
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию, — я в картах суевер!
Положим, что случайно, без обману
Он выиграл — я очень рад;
Но всё никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану;

А там итоги свел
И карту смятую — под стол!
Теперь — но ты не слушаешь, мой милый?

Арбенин

(в размышлении)

Повсюду зло — везде обман,
И я намедни, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как всё это было!

Казарин

(в сторону)

Задумался.

(Ему.)

Теперь мы перейдем
К другому казусу и дело разберем;
Но постепенно, чтоб не сбиться.
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат».
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, послушаешь его;
Ему поклон и многи леты;
И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал,
Влюбись в его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

Арбенин

Ты славный моралист!

(В сторону.)

Так это всем известно...
А, князь... За ваш урок я заплачу вам честно.

Казарин

(не обращая внимания)

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть;
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал всё из страсти
И самолюбия, отчасти, —
Чтоб ею обладать, пожертвовал ты всё,
А не для счастия ее.
Да, — пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.

Арбенин

(расстроенно)

Да, да, ты прав: что́ женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли —
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав — глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.

Казарин

Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

Арбенин

Право?

Казарин

А разве нет?

Арбенин

О! счастлив... да...

Казарин

Я очень рад,
Однако ж всё мне жаль, что ты женат!

Арбенин

А что же?

Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой
Кутили мы, в чью голову — не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... Утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед, вино — Рауля честь...
В граненых кубках пенится и блещет,
Беседа шумная, острот не перечесть.
Потом в театр — душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Всё было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе;
На картах золото насыпано горой:
Тот весь горит... другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма,
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим
с смиреньем —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.

Арбенин отворачивается.

Арбенин

О! кто мне возвратит... вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но пламенные дни!
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль, мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства,
И перед их лицом ни разу не дрожал?

Прочь, добродетель: я тебя не знаю,
Я был обманут и тобой,
И краткий наш союз отныне разрываю —
Прощай — прощай!..

(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой!..

Сцена третья

Комната у князя. Дверь в другую растворена. Он в другой спит на диване.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Иван, потом Арбенин.

Слуга смотрит на часы.

Иван

Седьмой уж час почти в исходе,
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее.
Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.

Арбенин входит.

Арбенин

Князь дома?

Слуга

Дома нет-с.

Арбенин

Неправда.

Слуга

Пять минут
Тому назад уехал.

Арбенин
(прислушивается)

Лжешь! он тут

(показывает на кабинет)

И, верно, сладко спит, — прислушайся, как дышит.

(В сторону.)

Но скоро перестанет.

Слуга
(в сторону)

Он всё слышит...

(Ему.)

Себя будить мне князь не приказал.

Арбенин

Он любит спать... тем лучше: приведется
И вечно спать.

(Слуге.)

Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он проснется!..

Слуга уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин
(один)

Удобный миг настал!.. теперь иль никогда.
Теперь я всё свершу, без страха и труда.
Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленье,
Запав, приносит плод... О! я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, пред них я вызвал бы врага,
Они б смеялися... теперь не засмеются!

О нет, я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.

(Растворяет дверь.)

Он спит!.. что́ видит он во сне в последний раз?

(Страшно улыбаясь.)

Я думаю, что он умрет ударом —
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!

(Входит в комнату. Минуты две, и выходит бледен.)

Не могу.

Молчание.

Да! это свыше сил и воли!..
Я изменил себе, я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли
Я трус?.. трус... кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался, как видно;
О! жалко... право жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещенья!
Любить... ты не умел... а мщенья
Хотел... пришел и — и не мог!

Молчание.

(Садится.)

Я слишком залетел высоко,
Верней избрать я должен путь...
И замысел иной глубоко
Запал в мою измученную грудь.
Так, так, он будет жить... убийство уж не в моде:
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился народе;
Язык и золото... вот наш кинжал и яд!

(Берет чернил и записку пишет; берет шляпу.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и баронесса.
Идет к двери, сталкивается с дамой в вуале.

Дама в вуале

Ах!.. всё погибло...

Арбенин

Это что?

Дама

(вырываясь)

Пустите.

Арбенин

Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.

(Ей, строго.)

Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье!.. отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.

Дама

Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенин

Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.

Дама

Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.

Арбенин

Смущенье странно... вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!
Всё знаю я... но убедиться
Хочу...

Дама

Всё знаете!..

Он откидывает вуаль и отступает в удивлении, потом приходит в себя.

Арбенин

Благодарю, творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!

Баронесса

О! что я сделала? теперь всему конец.

Арбенин

Отчаянье теперь некстати —
Невесело, согласен, в час такой,
Наместо пламенных объятий,
С холодной встретиться рукой...
И то минутный страх... а нет беды большой:
Я скромен, рад молчать — благодарите бога,
Что это я, а не другой...
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса

Ах! он проснулся, говорит.

Арбенин

В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какою властью
Вот этот купидон вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С моленьем, клятвами, слезами?
А... вы... вы здесь одни... вы женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами...
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Всё: счастье, жизнь, любовь... за взгляд один,
за слово?

Зачем... о, я глупец!

(В бешенстве.)

Зачем, зачем?

Баронесса
(решительно)

Я поняла, об чем вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

Арбенин

Как! — кто ж вам рассказал!..

(Опомнившись.)

А что вы знаете?..

Баронесса

О, я вас умоляю,
Простите мне...

Арбенин

Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.

Баронесса

Ослеплена была я страстью;
Во всем виновна я, но слушайте...

Арбенин

К чему?
Мне, право, всё равно... я враг морали строгой.

Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...

Арбенин

А! уж это слишком много!..
Письмо!.. какое?.. а! так это вы тогда!
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?

Чтó вас понудило? .. сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?
Да, — признаюсь! .. вы клад в гостиных,
И я уж не дивлюсь разврату наших дам! ..

Баронесса

О! боже мой...

Арбенин

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?

Баронесса
(упадает в кресла)

Но вы бесчеловечны.

Арбенин

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!

(Хочет идти.)

Баронесса

О, я лишусь ума... постойте! он идет,
Не слушает... о, я умру...

Арбенин

Что ж! продолжайте.
Вас это к славе поведет...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но боже сохрани нам встретиться вперед...
Вы взяли у меня всё, всё на свете.
Я стану вас преследовать всегда,
Везде... на улице, в уединенье, в свете;
И если мы столкнемся... то беда!
Я б вас убил... но смерть была б награда,
Которую сберечь я должен для другой.
Вы видите, я добр... взамен терзаний ада,
Вам оставляю рай земной.

(Уходит.)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Баронесса, одна.

Баронесса
(вслед ему)

Послушайте — клянусь... то был обман... она
Невинна... и браслет!.. всё я... всё я одна...
Ушел, не слышит, что мне делать! Всюду
Отчаянье... нет нýжды... я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленье!
Он встал... идет... решуся, о мученье!..

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Баронесса и князь.

Князь
(в другой комнате)

Иван! кто там... я слышал голоса!
Какой народ! нельзя уснуть и полчаса!

(Входит.)

Ба, это что за посещенье!
Красавица! я очень рад.

(Узнает и отскакивает.)

Ах, баронесса! нет... невероятно.

Баронесса

Что отскочили вы назад?

(Слабым голосом.)

Вы удивляетесь?

Князь
(смущенно)

Конечно, мне приятно...
Но счастия такого я не ждал.

Баронесса

И было б странно, если б ожидали.

Князь

О чем я думал? О, когда б я знал...

Баронесса

Вы всё бы знать могли и ничего не знали.

Князь

Свою вину загладить я готов;
С покорностью приму какое наказанье
Хотите... я был слеп и нем; мое незнанье
Проступок... и теперь не нахожу я слов...

(Берет ее за руку.)

Но ваши руки... лед! в лице у вас страданье!
Ужель сомнительны для вас слова мои?

Баронесса

Вы ошибаетесь!.. не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам,
Забыть и стыд и страх, всё свойственное нам.
Нет, то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная;
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь всё прежнее загладить я пришла!
Я перенесть свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого.

Князь

Что это значит?

Баронесса

Не мешайте мне!
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я вас должна спасти... зачем? за что?
Не знаю... вы не заслужили

Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. сегодня я узнала,
Как? это всё равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит — это ложно, ложно!
Не верьте — ради неба... эта мысль одна...
Нас всех погубит — всех! *Она*
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он —
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К злодейству... вы так молоды.

Князь

Ваш страх
напрасен!..
Арбенин в свете жил, — и слишком он умен,
Чтобы решиться на огласку
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии — кровавую развязку.
А рассердился он — и в этом нет беды:
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага.

Баронесса

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнию другой,
Но если вас убьют — убьют!.. — о боже!
И я всему виной.

Князь

Вы?

Баронесса

Пощадите.

Князь

(подумав)

Я обязан драться;
Я виноват пред ним — его я тронул честь,

Хотя не знал того; но оправдаться
Нет средства.

Баронесса

Средство есть.

Князь

Солгать? не это ли? другое мне найдите,
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.

Баронесса

Минуту!.. не ходите
И слушайте меня.

(Берет его за руку.)

Вы все обмануты!.. та маска

(облокачивается на стол, упадая)

это я!..

Князь

Как вы? о провиденье!

Молчание.

Но Шприх!.. он говорил... он виноват во всем.

Баронесса

(опомнясь и отходя)

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное — теперь я каюсь в нем!
Оно прошло — забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет, — он был найден случайно
Какой-то чудною судьбой;
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет бог судьей.
Вас он простит... меня простить не в вашей воле!
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.

(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)

Не следуйте за мной.

(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Князь, один.

Князь
(после долгого размышления)
Я, право, думать что́ не знаю
И только мог понять из этого всего,
Что случай сча́стливый, как школьник, пропускаю,
Не сделав ничего.

(Подходит к столу.)

Ну вот еще: записка... от кого?
Арбенин... прочитаю!

«Любезный князь!.. приезжай сегодня к N. вечером; там будет много... и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы дремал целый вечер — прощай. Жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидать картель.
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на дуэль?

Сцена четвертая

КОМНАТА У N.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Казарин, хозяин и Арбенин, садятся играть.

Казарин
Так в самом деле, ты причуды все оставил,
Которыми гордится свет,
И в прежний путь шаги свои направил!..
Мысль превосходная... ты должен быть поэт,
И, сверх того, по всем приметам, гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.

Арбенин

Я ваш! былого нет и тени.

Казарин

Приятно видеть, ей-же-ей,
Как люди умные на вещи смотрят ныне;
Приличия для них ужаснее цепей...
Не правда ль, что со мной ты будешь в половине?

Хозяин

А князя надо пощипать слегка.

Казарин

Да... да.

(В сторону.)

Забавна будет стычка.

Хозяин

Посмотрим. Транспорт!..

Слышен шум.

Арбенин

Это он.

Казарин

Рука
Твоя дрожит?..

Арбенин

О ничего! — отвычка!

Князь входит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Прежние и князь.

Хозяин

Ах, князь! я очень рад — прошу-ка без чинов;
Снимите саблю и садитесь,
У нас ужасный бой.

Князь

О! я смотреть готов.

Арбенин

А всё играть с тех пор еще боитесь?

Князь

Нет, с вами, право, не боюсь.

(В сторону.)

По светским правилам, я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы там, — а здесь пусть проиграю!..

(Садится.)

Арбенин

Я нынче был у вас.

Князь

Записку я читал
И, видите, послушен.

Арбенин

На пороге
Мне кто-то встретился в смущеньи и тревоге.

Князь

И вы узнали?

Арбенин

(смеясь)

Кажется, узнал!
Князь, обольститель вы опасный,
Всё понял я, всё отгадал...

Князь

(в сторону)

Он ничего не понял — это ясно.

(Отходит и кладет саблю.)

Арбенин

Я не хотел бы, чтоб жена моя
Вам приглянулась.

Князь

(рассеянно)

Почему же?

Арбенин

Так, — добродетелью, которой ищут в муже
Любовники, не обладаю я.

(В сторону.)

Он не смущается ничем... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью.
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей — поставил бы свою.

Играют. Арбенин мечет.

Казарин

Я ставлю пятьдесят рублей.

Князь

Я тоже.

Арбенин

Я расскажу вам анекдот,
Который слышал я, как был моложе;
Он нынче у меня из головы нейдет.
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек, — твоя взяла, Казарин, —
Женатый человек, на верность положась
Своей жене, дремал в забвеньи сладком, —
Внимательны вы что-то слишком, князь,
И проиграетесь порядком. —
Муж добрый был любим, шел мирно день за днем,
И, к довершенью благ, беспечному супругу
Был дан приятель... важную услугу
Ему он оказал когда-то — и притом
Нашел, казалось, честь и совесть в нем.
И что ж? мне неизвестно,
Какой судьбой, — но муж узнал,
Что благодарный друг, должник уж слишком честный,
Жене его свои услуги предлагал.

Князь

Что ж сделал муж?

Арбенин

(будто не слыхал вопроса)

Князь, вы игру забыли.
Вы гнете не глядя.

(Взглянув на него пристально.)

А любопытно вам
Узнать, что сделал муж?.. Придрался к пустякам
И дал пощечину... Вы как бы поступили,
Князь?

Князь

Я бы сделал то же. Ну, а там
Стрелялись?

Арбенин

Нет.

Казарин

Рубились?

Арбенин

Нет, нет.

Казарин

Так помирились?

Арбенин

(горько улыбаясь)

О нет.

Князь

Так что же сделал он?

Арбенин

Остался отомщен
И обольстителя с пощечиной оставил.

Князь

(смеется)

Да это вовсе против правил.

Арбенин

В каком указе есть
Закон иль правило на ненависть и месть?

Играют. Молчание.

Взяла... взяла.

(Вставая.)

Постойте, карту эту
Вы подменили.

Князь

Я! послушайте...

Арбенин

Конец
Игре... приличий тут уж нету.
Вы

(задыхаясь)

шулер и подлец.

Князь

Я? я?

Арбенин

Подлец, и я вас здесь отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

(Бросает ему карты в лицо.)

Князь так поражен, что не знает, что делать.

(Понизив голос.)

Теперь мы квиты.

Казарин

Что с тобой?

(Хозяину.)

Он помешался в самом лучшем месте.
Тот горячился уж, спустил бы тысяч двести.

Князь

(опомнясь, вскакивает)

Сейчас, за мной, за мной —
Кровь! ваша кровь лишь смоет оскорбленье!

Арбенин

Стреляться? с вами? мне? вы в заблужденье.

Князь

Вы трус.

(Хочет броситься на него.)

Арбенин

(грозно)

Пускай! но подступать
Вам не советую — ни даже здесь остаться!
Я трус — да вам не испугать
И труса.

Князь

О, я вас заставлю драться!
Я расскажу везде, поступок ваш каков,
Что вы, — не я подлец...

Арбенин

На это я готов.

Князь

(подходя ближе)

Я расскажу, что с вашею женою —
О, берегитесь!.. вспомните браслет...

Арбенин

За это вы наказаны уж мною...

Князь

О, бешенство... да где я? целый свет
Против меня, — я вас убью!..

Арбенин

И в этом
Вы властны, — даже я вас подарю советом
Скорей меня убить... а то, пожалуй, в вас
Остынет храбрость через час.

Князь

О, где ты, честь моя!.. отдайте это слово,
Отдайте мне его — и я у ваших ног,
Да в вас нет ничего святого.
Вы человек иль демон?

Арбенин

Я? — игрок!

Князь
(упадая и закрывая лицо)

Честь, честь моя!..

Арбенин

Да, честь не возвратится.
Преграда рушена между добром и злом,
И от тебя весь свет с презреньем отвратится.
Отныне ты пойдешь отверженца путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
И счастье ближних будет в тягость
Твоей душе, и мыслить об одном
Ты будешь день и ночь, и постепенно чувства
Любви, прекрасного погаснут и умрут,
И счастья не отдаст тебе ничье искусство!
Все шумные друзья как листья отпадут
От сгнившей ветви; и, краснея,
Закрыв лицо, в толпе ты будешь проходить, —
И будет больше стыд тебя томить,
Чем преступление — злодея!
Теперь прощай...

(уходя)

желаю долго жить.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена первая

БАЛ

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Хозяйка

Я баронессу жду, не знаю:
Приедет ли — мне, право, было б жаль
За вас.

1-й гость

Я вас не понимаю.

2-й гость

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уехала!..

Многие

Куда? зачем? давно ли?

2-й гость

В деревню, нынче утром.

Дама

Боже мой!..
Каким же случаем? ужель из доброй воли?

2-й гость

Фантазия! — романы!.. хоть рукой
Махни!

Расходятся, другая группа мужчин.

3-й гость

Вы знаете, князь Звездич проигрался.

4-й гость

Напротив, выиграл — да, видно, не путем,
И получил пощечину.

5-й гость

Стрелялся?

4-й гость

Нет, не хотел.

3-й гость

Каким же подлецом
Он показал себя!..

5-й гость

Отныне незнаком
Я больше с ним.

6-й гость

И я! — какой поступок скверный.

4-й гость

Он будет здесь?

3-й гость

Нет, не решится, верно.

4-й гость

Вот он.

Князь подходит, ему едва кланяются.
Все отходят, кроме 5-го и 6-го гостя. Потом и они отходят.
Нина садится на диване.

Князь

Теперь мы с ней от всех удалены,
Не будет случая другого.

(Ей.)

Я должен вам сказать два слова,
И выслушать вы их должны.

Нина

Должна?

Князь

Для вашего же счастья.

Нина

Какое странное участье.

Князь

Да, странно, потому, что вы виной
Моей погибели... но мне вас жаль: я вижу,
Что поражен я тою же рукой,
Которая убьет вас; не унижу
Себя ничтожной местью никогда, —
Но слушайте и будьте осторожны:
Ваш муж злодей, бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вам грозит беда,
Прощайте же навек, злодей не обнаружен,
И наказать его теперь я не могу, —
Но день придет, — я подожду...
Возьмите ваш браслет, он больше мне не нужен.

Арбенин смотрит на них издали.

Нина

Князь, вы сошли с ума, — на вас
Теперь сердиться было б стыдно.

Князь

Прощайте навсегда — прошу в последний раз...

Нина

Куда ж вы едете, далеко очень, видно;
Конечно, не в луну?

Князь
(уходя)

Нет, ближе: на Кавказ.

Хозяйка
(иным)

Почти все съехались, и здесь нам будет тесно,
Прошу вас в залу, господа!
Mesdames, пожалуйте туда.

Уходят.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин

(один, про себя)

Я сомневался? я? а это всем известно;
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... я жалок им, смешон!
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?..
Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обманут...
Нет, людям я ее не уступлю...
И нас судить они не станут...
Я сам свершу свой страшный суд...
Я казнь ей отыщу — моя ж пусть будет тут.

(Показывает на сердце.)

Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу... Жить розно?

(Как бы испугавшись себя.)

Решено:
Она умрет — я прежней твердой воле
Не изменю! Ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем, и любить
Другого... это ясно!.. Как же можно жить
Ей после этого!.. Ты, бог незримый,
Но бог всевидящий, — возьми ее, возьми;
Как свой залог тебе ее вручаю —
Прости ее, благослови —
Но я не бог и не прощаю!..

Слышны звуки музыки.

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата:
Раз, в ночь одну, я всё до капли проиграл, —
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал;

Я был в отчаяньи — ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик:
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик;
Но счастье вынесло — и в час я отыгрался!
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.

(Уходит быстро.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Хозяйка, Нина, несколько дам и кавалеров. Во время последних строк входят.

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.

Дама
(другой)

Так жарко здесь, что я растаю.

Петров

Настасья Павловна споет нам что-нибудь.

Нина

Романсов новых, право, я не знаю.
А старые наскучили самой.

Дама

Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.

Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.

Нина
(садясь за пиано)

Но слушать со вниманьем мой приказ,
Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!

(Поет.)

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

Но если счастие случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И целый ад в груди моей.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.

В конце 3-го куплета муж входит и облокачивается на фортепиано. Она, увидев, останавливается.

Арбенин

Что ж, продолжайте.

Нина

Я конец совсем
Забыла.

Арбенин

Если вам угодно,
То я напомню.

Нина

(в смущении)

Нет, зачем?

(В сторону, хозяйке.)

Мне нездоровится.

(Встает.)

Гость

(другому)

Во всякой песни модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнесть.

2-й гость

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык.

3-й гость

Вы правы; как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.

Подают мороженое. Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем. Неизвестный показывается в глубине театра.

Нина

(хозяйке)

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне!

(Мужу.)

Мой ангел, принеси мороженого мне.

Арбенин вздрагивает и идет за мороженым; возвращается и всыпает яд.

Арбенин

(в сторону)

Смерть, помоги.

Нина
(ему)
Мне что-то грустно, скучно;
Конечно, ждет меня беда.

Арбенин
(в сторону)
Предчувствиям я верю иногда.
(Подавая.)
Возьми, от скуки вот лекарство.

Нина
Да, это прохладит.
(Ест.)

Арбенин
О, как не прохладить?

Нина
Здесь ныне скучно.

Арбенин
Как же быть?
Чтоб не скучать с людьми — то надо приучить
Себя смотреть на глупость и коварство!
Вот всё, на чем вертится свет!

Нина
Ты прав! ужасно! ..

Арбенин
Да, ужасно!

Нина
Душ непорочных нету...

Арбенин
Нет.
Я думал, что нашел одну, и то напрасно.

Нина
Что говоришь ты?

Арбенин

Я сказал,
Что в свете лишь одну такую отыскал я.
...Тебя.

Нина

Ты бледен.

Арбенин

Много танцевал.

Нина

Опомнись, mon ami![1] ты с места не вставал.

Арбенин

Так, верно, потому, что мало танцевал я!

Нина

(отдает пустое блюдечко)
Возьми, поставь на стол.

Арбенин

(берет)

Всё, всё!
Ни капли не оставить мне! жестоко!

(В размышлении.)

Шаг сделан роковой, назад идти далеко,
Но пусть никто не гибнет за нее.

(Бросает блюдечко об землю и разбивает.)

Нина

Как ты неловок.

Арбенин

Ничего, я болен;
Поедем поскорей домой.

Нина

Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! ты мною недоволен?

---

[1] мой друг! (франц.). — *Ред.*

Арбенин

Нет, нынче я доволен был тобой.

Уходят.

Неизвестный

(оставшись один)

Я чуть не сжалился, — и было тут мгновенье,
Когда хотел я броситься вперед...

(Задумывается.)

Нет, пусть свершается судьбы определенье,
А действовать потом настанет мой черед.

(Уходит.)

Сцена вторая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Спальня Арбенина.

Входит Нина, за ней служанка.

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.

Нина

(снимая серьги)

Я нездорова.

Служанка

Вы устали.

Нина

(в сторону)

Мой муж меня пугает, отчего —
Не знаю! он молчит, и странен взгляд его.

(Служанке.)

Мне что-то дурно: верно, от корсета —
Скажи, к лицу была сегодня я одета?

(Идет к зеркалу.)

Ты права, я бледна, как смерть бледна;
Но в Петербурге кто не бледен, право?
Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! свет лукавый!

(Снимает букли и завертывает косу.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.

(Садится в кресла.)

Как новый вальс хорош! в каком-то упоенье
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося; не то чтобы печаль,
Не то чтоб радость — Саша, дай мне книжку.
Как этот князь мне надоел опять —
А право, жаль безумного мальчишку!
Что говорил он тут... злодей и наказать...
Кавказ... беда... вот бред.

Служанка

Прикажете убрать?

(Показывая на наряды.)

Нина

Оставь.

(Погружается в задумчивость.)

Арбенин показывается в дверях.

Служанка

Прикажете идти?

Арбенин
(служанке тихо)

Ступай.

Служанка не уходит.

Иди же.

Уходит. Он запирает дверь.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и Нина.

Арбенин

Она тебе уж больше не нужна.

Нина

Ты здесь?

Арбенин

Я здесь!

Нина

Я, кажется, больна,
И голова в огне — поди сюда поближе,
Дай руку — чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилася тогда —
Не правда ли?

Арбенин

(рассеянно)

Мороженое? да...

Нина

Мой милый! я с тобой поговорить хотела!..
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор.
И всё за маскерад — о, я их ненавижу;
Я заклялася в них не ездить никогда.

Арбенин

(в сторону)

Немудрено! теперь без них уж можно!

Нина

Что значит поступить хоть раз неосторожно.

Арбенин

Неосторожно! о!

Нина

И в этом вся беда.

Арбенин

Обдумать всё заране надо было.

Нина

О, если бы я нрав заране знала твой,
То, верно б, не была твоей женой;
Терзать тебя, страдать самой —
Как это весело и мило!

Арбенин

И то: к чему тебе моя любовь!

Нина

Какая тут любовь? на что мне жизнь такая?

Арбенин

(садится возле нее)

Ты пра́ва! что такое жизнь? жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада;
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей,
Где первое — рожденье! где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Нина

(показывая на грудь)

Здесь что-то жжет.

Арбенин

(продолжая)

Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль!.. жизнь как бал —
Кружишься — весело, кругом всё светло, ясно...

Вернулся лишь домой, наряд измятый снял —
И всё забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится,
Покуда с смертию легка еще борьба —
Но это счастие не всем дает судьба.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбенин

К чему?

Нина

Евгений,
Я мучусь, я больна.

Арбенин

А мало ли мучений,
Которые сильней, ужаснее твоих.

Нина

Пошли за доктором.

Арбенин

Жизнь — вечность, смерть — лишь миг!

Нина

Но я — я жить хочу!

Арбенин

И сколько утешений
Там мучеников ждет.

Нина

(в испуге)

Но я молю:
Пошли за доктором скорее.

Арбенин

(встает, холодно)

Не пошлю.

Нина

(после молчания)

Конечно, шутишь ты — но так шутить безбожно:
Я умереть могу — пошли скорей.

Арбенин

Что ж? разве умереть вам невозможно
Без доктора?

Нина

Но ты злодей,
Евгений — я жена твоя.

Арбенин

Да! знаю — знаю!

Нина

О, сжалься! пламень разлился
В моей груди, я умираю.

Арбенин

Так скоро? Нет еще.

(Смотрит на часы.)

Осталось полчаса.

Нина

О, ты меня не любишь.

Арбенин

А за что же
Тебя любить — за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила? о нет, я рад, я рад
Твоим страданьям; боже, боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?

А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей —
И что ж нашел: коварство и измену.
Возможно ли! меня продать!
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать,
Мне изменить? мне? и так скоро!..

Нина

О, если бы вину свою сама
Я знала, — то...

Арбенин

Молчи иль я сойду с ума!
Когда же эти муки перестанут!

Нина

Браслет мой — князь нашел, — потом
Каким-нибудь клеветником
Ты был обманут.

Арбенин

Так, я был обманут!
Довольно, я ошибся!.. возмечтал,
Что я могу быть счастлив... думал снова
Любить и веровать... но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшися надежде,
И в сердце б оживил всё, что цвело в нем прежде, —
Ты не хотела, ты!
Плачь! плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал! я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Нина
(в слезах упадает на колени и поднимает руки к небу)

Творец небесный, пощади!
Не слышит он, но ты всё слышишь — ты всё знаешь,
И ты меня, всесильный, оправдаешь!

Арбенин

Остановись — хоть перед ним не лги!

Нина

Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он, твой судья, защитник будет мой.

Арбенин
(который в это время ходит по комнате, сложив руки)

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрез несколько минут —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.

Нина

Как? умереть! теперь, сейчас — нет, быть не может.

Арбенин
(смеясь)

Я знал заранее, что это вас встревожит.

Нина

Смерть, смерть! он прав — в груди огонь — весь ад...

Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.

Молчание.

Нина

Не верю, невозможно — нет, ты надо мною
(бросается к нему)
Смеешься... ты не изверг... нет! в душе твоей

Есть искра доброты... с холодностью такою,
Меня ты не погубишь в цвете дней —
Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассей мой страх...
Взгляни сюда...

(Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.)

О! смерть в твоих глазах.

(Упадает на стул и закрывает глаза.)

Он подходит и целует ее.

Арбенин

Да, ты умрешь — и я останусь тут
Один, один... года пройдут,
Умру — и буду всё один! Ужасно!
Но ты! не бойся: мир прекрасный
Тебе откроется, и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.

(Плачет.)

Да, я тебя люблю, люблю... я всё забвенью,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она: смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой...

Молчание.

Нина

(вырывается и вскакивает)

Сюда, сюда... на помощь!.. умираю —
Яд, яд — не слышат... понимаю,
Ты осторожен... никого... нейдут...
Но помни! есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаю.

(Не добежав до двери, упадает без чувств.)

Арбенин

(горько смеясь)

Проклятие! что пользы проклинать?
Я проклят богом.

(Подходит.)

Бедное созданье,
Ей не по силам наказанье...

(Стоит сложа руки.)

Бледна!

(Содрогается.)

Но все черты спокойны, не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений...
Ужель?

Нина

(слабо)

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...

Арбенин

Нет, нет — не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость... говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовию моей!
Молчишь? о! месть тебя достойна...
Но это не поможет, ты умрешь...
И будет для людей всё тайно — будь спокойна!..

Нина

Теперь мне всё равно... я всё ж
Невинна перед богом.

(Умирает.)

Арбенин

(подходит к ней и быстро отворачивается)

Ложь!

(Упадает в кресла.)

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена первая

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Арбенин

(сидит у стола на диване)

Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных усилий...
И чувства наконец вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой!..
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится в холодном этом сне,
И сердце ноет, будто ждет чего-то.
Не всё ли кончено — ужели на земле
Страданье новое вкусить осталось мне!..
Вздор!.. дни пройдут — придет забвенье,
Под тягостью годов умрет воображенье;
И должен же покой когда-нибудь
Вновь поселиться в эту грудь!..

(Задумывается, вдруг поднимает голову.)

Я ошибался!.. нет, неумолимо
Воспоминание!.. как живо вижу я
Ее мольбы, тоску. О! мимо, мимо
Ты, пробужденная змея.

(Упадает головою на руки.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Казарин

(тихо)

Арбенин здесь? печален и вздыхает.
Посмотрим, как-то он комедию сыграет.

(Ему)

Я, милый друг, спешил к тебе,
Узнавши о твоем несчастье.
Как быть — угодно так судьбе.

У всякого свои напасти.

Молчание.

Да полно, брат, личину ты сними,
Не опускай так важно взоры.
Ведь это хорошо с людьми,
Для публики, — а мы с тобой актеры.
Скажи-ка, брат... Да как ты бледен стал,
Подумаешь, что ночь всю в карты проиграл.
О, старый плут — да мы разговориться
Успеем после... Вот твоя родня:
Покойнице идут, конечно, поклониться.
Прощай же, до другого дня.

(Уходит.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Родственники приходят.

Дама
(племяннице)

Уж видно, есть над ним господнее проклятье;
Дурной был муж, дурной был сын.
Напомни мне заехать в магазин
Купить материи на траурное платье.
Хоть нынче нет доходов никаких,
А разоряюсь для родных.

Племянница

Ma tante![1] какая же причина
Тому, что умерла кузина?

Дама

А та, сударыня, что глуп ваш модный свет.
Уж доживете вы до бед.

Уходят.

---

[1] Тетушка! (франц.). — *Ред.*

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Выходят из комнаты покойницы доктор и старик.

Старик

При вас она скончалась?

Доктор

Не успели
Меня найти... я говорил всегда:
С мороженым и балами беда.

Старик

Покров богат — парчу вы рассмотрели?
У брата моего прошедшею весной
На гробе был точь-в-точь такой.

(Уходит.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Доктор

(подходит к Арбенину и берет его за руку)

Вам надо отдохнуть.

Арбенин

(вздрагивает)

А! ..

(В сторону.)

Сердце сжалось!

Доктор

Вы слишком предались печали эту ночь.
Усните.

Арбенин

Постараюсь.

Доктор

Уж помочь
Нельзя ничем; но вам осталось
Беречь себя.

Арбенин

Ого! я невредим.
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась,
А я всё жив... я счастия желал,
И в виде ангела мне бог его послал;
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество,
И вот оно, прекрасное созданье, —
Смотрите — холодно, мертво.
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честию, от гибели я спас,
А он, смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё — и через час.

(Уходит.)

Доктор

Он болен не шутя — и я не сомневаюсь,
Что в этой голове мучений было тьма —
Но если он сойдет с ума,
То я за жизнь его ручаюсь.

(Уходя, сталкивается с двумя.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Входят Неизвестный и князь.

Неизвестный

Позвольте вас спросить — Арбенина нельзя ль
Нам видеть.

Доктор

Право, утверждать не смею,
Жена его вчера скончалась.

Неизвестный

Очень жаль.

Доктор

И он так огорчен.

Неизвестный

Я и об нем жалею.
Однако ж дома он?

Доктор

Он? дома! — да.

Неизвестный

Я дело до него преважное имею.

Доктор

Вы из друзей его, конечно, господа?

Неизвестный

Покамест нет — но мы пришли сюда,
Чтоб подружиться понемногу.

Доктор

Он болен не шутя.

Князь
(испугавшись)

Лежит
Без памяти?

Доктор

Нет, ходит, говорит.
И есть еще надежда.

Князь

Слава богу!

Доктор уходит.

ВЫХОД СЕДЬМОЙ

Князь

О, наконец!

Неизвестный

Лицо у вас в огне.
Вы тверды ли в своем решенье?

Князь

А вы ручаетесь ли мне,
Что справедливо ваше подозренье?

Неизвестный

Послушайте — у нас обоих цель одна.
Его мы ненавидим оба;
Но вы его души не знаете — мрачна
И глубока, как двери гроба;
Чему хоть раз отворится она,
То в ней погребено навеки. Подозренья
Ей стоят доказательств — ни прощенья,
Ни жалости не знает он, —
Когда обижен — мщенье! мщенье!
Вот цель его тогда и вот его закон.
Да, эта смерть скора не без причины.
Я знал: вы с ним враги — и услужить вам рад.
Вы драться станете — я два шага назад,
И буду зрителем картины.

Князь

Но как узнали вы, что день тому назад
Я был обижен им?

Неизвестный

Я рассказать бы рад,
Да это вам наскучит,
К тому ж — весь город говорит.

Князь

Мысль нестерпимая!

Неизвестный

Она вас слишком мучит.

Князь

О, вы не знали, что такое стыд.

Неизвестный

Стыд? — нет — и опыт вас забыть о нем научит.

Князь

Но кто вы?

Неизвестный

Имя нужно вам?
Я ваш сообщник, ревностно и дружно
За вашу честь вступился сам.
А знать вам более не нужно.
Но, чу! идут... походка тяжела
И медленна. Он! точно — удалитесь
На миг — есть с ним у нас дела.
И вы в свидетели теперь нам не годитесь.

Князь отходит в сторону.

ВЫХОД ОСЬМОЙ

Арбенин со свечой.

Арбенин

Смерть! смерть! о, это слово здесь
Везде, — я им проникнут весь,
Оно меня преследует; безмолвно
Смотрел я целый час на труп ее немой.
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
В чертах спокойствие и детская беспечность.
Улыбка вечная тихонько расцвела,
Когда пред ней открылась вечность,
И там свою судьбу душа ее прочла.
Ужель я ошибался? — невозможно
Мне ошибиться — кто докажет мне
Ее невинность — ложно! ложно!
Где доказательства — есть у меня оне!
Я не поверил ей — кому же стану верить.
Да, я был страстный муж — но был судья
Холодный — кто же разуверить
Меня осмелится?

Неизвестный

Осмелюсь — я!

Арбенин

(сначала пугается и, отойдя, подносит к лицу свечу)

А кто же вы?

Неизвестный

Немудрено, Евгений,
Ты не узнал меня — а были мы друзья.

Арбенин

Но кто вы?

Неизвестный

Я твой добрый гений.
Да, непримеченный, везде я был с тобой;
Всегда с другим лицом, всегда в другом наряде —
Знал все твои дела и мысль твою порой —
Остерегал тебя недавно в маскераде.

Арбенин

(вздрогнув)

Пророков не люблю — и выйти вас
Прошу немедленно. Я говорю серьезно.

Неизвестный

Всё так — но, несмотря на голос грозный
И на решительный приказ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узнал меня. Я не из тех людей,
Которых может миг опасный
Отвлечь от цели многих дней.
Я цель свою достиг — и здесь на месте лягу,
Умру — но уж назад не сделаю ни шагу.

Арбенин

Я сам таков — и этим сверх того
Не хвастаюсь.

(Садится.)

Я слушаю.

Неизвестный

(в сторону)

Доселе
Мои слова не тронули его!
Иль я ошибся в самом деле!..

Посмотрим далее.

(Ему.)

Семь лет тому назад
Ты узнавал меня, Арбенин. Я был молод,
Неопытен, и пылок, и богат.
Но ты — в твоей груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым ты гордился всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам — я разбирать не буду
Твоей души — ее поймет лишь бог,
Который сотворить один такую мог.

Арбенин

Дебют хорош.

Неизвестный

Конец не будет хуже.
Раз ты меня уговорил, — увлек
К себе... Мой кошелек
Был полон — и к тому же
Я верил счастью. Сел играть с тобой
И проиграл, — отец мой был скупой
И строгий человек. И чтоб не подвергаться
Упрекам — я решился отыграться.
Но ты, хоть молод, ты меня держал
В когтях, — и я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью — тут были,
Ты помнишь, может быть,
И слезы и мольбы... В тебе же возбудили
Они лишь смех. О! лучше бы пронзить
Меня кинжалом. Но в то время
Ты не смотрел еще пророчески вперед.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.

Арбенин хочет вскочить, но задумывается.

И я покинул всё, с того мгновенья,
Всё, женщин и любовь, блаженство юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет,

Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных людей,
Самолюбивых дум, и ледяных страстей,
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им. Года прошли,
Всё скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навеки предо мной закрылась счастья дверь!
Я заключил с судьбой последнее условье —
И вот стал тем, что я теперь.
А! ты дрожишь, — ты понимаешь
И цель мою — и то, что я сказал.
Ну, — повтори еще, что ты меня не знаешь.

Арбенин

Прочь — я узнал тебя — узнал!..

Неизвестный

Прочь! разве это всё — ты надо мной смеялся,
И я повеселиться рад.
Недавно до меня случайно слух домчался,
Что счастлив ты, женился и богат,
И горько стало мне — и сердце зароптало,
И долго думал я: за что ж
Он счастлив — и шептало
Мне чувство внятное: иди, иди, встревожь!
И стал я следовать, мешаяся с толпой
Без устали, всегда повсюду за тобой,
Всё узнавал — и наконец
Пришел трудам моим конец.
Послушай — я узнал — и — и открою
Тебе я истину одну...
(Протяжно.)
Послушай: ты... убил свою жену!..

Арбенин отскакивает. Князь подходит.

Арбенин

Убил? — я? — Князь! — О! что такое...

Неизвестный

(отступая)

Я всё сказал, он скажет остальное.

Арбенин
(приходя в бешенство)

А! заговор... прекрасно... я у вас
В руках... вам помешать кто смеет?
Никто... вы здесь цари... я смирен: я сейчас
У ваших ног... душа моя робеет
От взглядов ваших... я глупец, дитя
И против ваших слов ответа не имею.
Я мигом побежден, обманут я шутя
И под топор нагну спокойно шею;
А вы не разочли, что есть еще во мне
Присутствие ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что всё взяла ее могила?
Что я не заплачу вам всем по старине?
Так вот как я унижен в вашем мненье
Коварным лепетом молвы!
Да, сцена хорошо придумана — но вы
Не отгадали заключенье.
А этот мальчик — так и он со мной
Бороться вздумал. Мало было
Одной пощечины — нет, хочется другой,
Вы всё получите, мой милый.
Вам жизнь наскучила! не странно — жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь — вы будете убиты,
Умрете — с именем и смертью подлеца.

Князь

Увидим — но скорей.

Арбенин

Идем, идем.

Князь

Теперь я счастлив.

Неизвестный
(останавливая)

Да — а главное забыли.

Князь

(останавливая Арбенина)

Постойте — вы должны узнать — что обвинили
Меня напрасно... что ни в чем
Не виновата ваша жертва — оскорбили
Меня вы вовремя... я только обо всем
Хотел сказать вам — но пойдем.

Арбенин

Что? что?

Неизвестный

Твоя жена невинна — слишком строго
Ты обошелся.

Арбенин

(хохочет)

Да у вас в запасе шуток много!

Князь

Нет, нет — я не шучу, клянусь творцом.
Браслет случайною судьбою
Попался баронессе и потом
Был отдан мне ее рукою.
Я ошибался сам — но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда б я знал, что от одной ошибки
Произойдет так много зла,
То, верно б, не искал ни взора, ни улыбки,
И баронесса — этим вот письмом
Вам открывается во всем.
Читайте же скорей — мне дороги мгновенья...

Арбенин взглядывает на письмо и читает.

Неизвестный

(подняв глаза к небу, лицемерно)

Казнит злодея провиденье!
Невинная погибла — жаль!
Но здесь ждала ее печаль,
А в небесах спасенье!
Ах, я ее видал — ее глаза
Всю чистоту души изображали ясно,

Кто б думать мог, что этот цвет прекрасный
Сомнет минутная гроза.
Что ты замолк, несчастный?
Рви волосы — терзайся — и кричи —
Ужасно! — о, ужасно!

Арбенин

(бросается на них)

Я задушу вас, палачи!

(Вдруг слабеет и падает на кресла.)

Князь

(толкая грубо)

Раскаянье вам не поможет.
Ждут пистолеты — спор наш не решен.
Молчит, не слушает, ужели он
Рассудок потерял...

Неизвестный

Быть может...

Князь

Вы помешали мне.

Неизвестный

Мы целим розно.
Я отомстил, для вас, я думаю, уж поздно!

Арбенин

(встает с диким взглядом)

О, что сказали вы?.. Нет сил, нет сил,
Я так был оскорблен, я так уверен был...
Прости, прости меня, о боже — мне прощенье.

(Хохочет.)

А слезы, жалобы, моленья?
А ты простил?

(Становится на колена.)

Ну, вот и я упал пред вами на колена:
Скажите же — не правда ли — измена,
Коварство очевидны... я хочу, велю,
Чтоб вы ее сейчас же обвинили.

Она невинна? разве вы тут были?
Смотрели в душу вы мою?
Как я теперь прошу, так и она молила.
Ошибка — я ошибся — что ж!
Она мне то же говорила,
Но я сказал, что это *ложь*.

(Встает.)

Я это ей сказал.

Молчанье.

Вот что я вам открою:
Не я ее убийца.

(Взглядывает пристально на Неизвестного.)

Ты, скорей
Признайся, говори смелей,
Будь откровенен хоть со мною.
О милый друг, зачем ты был жесток?
Ведь я ее любил, я б небесам и раю
Одной слезы ее, — когда бы мог,
Не уступил — но я тебе прощаю!

(Упадает на грудь ему и плачет.)

Неизвестный
(отталкивая его грубо)

Приди в себя — опомнись...

(Князю.)

Уведем
Его отсюда... он опомнится, конечно,
На воздухе...

(Берет его за руку.)

Арбенин!

Арбенин

Вечно
Мы не увидимся... прощай... Идем... идем...
Сюда... сюда...

(Вырываясь, бросается в дверь, где гроб ее.)

Князь

Остановите!..

Неизвестный

И этот гордый ум сегодня изнемог!

Арбенин

(возвращаясь с диким стоном)

Здесь посмотрите! посмотрите!..

(Прибегая на середину сцены.)

Я говорил тебе, что ты жесток!

(Падает на землю и сидит полулежа с неподвижными глазами.)

Князь и Неизвестный стоят над ним.

Неизвестный

Давно хотел я полной мести,
И вот вполне я отомщен!

Князь

Он без ума... счастлив... а я? навек лишен
Спокойствия и чести!

1835

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

<ЭПИГРАММА НА Н. КУКОЛЬНИКА>

(стр. 7)

Автограф ГИМ, первая редакция

Сидел в театре я один
И молча Скопину дивился.
Когда же занавес упал,
Сосед мой жалобно сказал:
Как жаль, что умер наш Скопин:
Но право, лучше б не родился.

СМЕРТЬ ПОЭТА

(стр. 14)

Черновой автограф ЦГАЛИ, после ст. 33.

Его душа в заботах света
Ни разу не была согрета
Восторгом русского поэта
Глубоким пламенным стихом.
Но час настал — и нет певца Кавказа!

ПОЭТ

(стр. 31)

Автограф, ст. 1—8

В серебряных ножнах блистает мой кинжал
Геурга старого изделье
Булат его хранит таинственный закал, —
Давно утраченное зелье!..
Наезднику в горах служил он много лет
Орудьем гибельного мщенья,
И слушал он один его полночный бред
И сердца гордого биенье.

ПАМЯТИ А. И. О<ДОЕВСКО>ГО

(стр. 41)

Автограф, после ст. 22

И не был он ни злом ожесточен.
Ни избалован нежностью излишней

После ст. 55

Ничем не очернит наследник благодарный

«ЕСТЬ РЕЧИ — ЗНАЧЕНЬЕ. . .»

(стр. 48)

Автограф, альбом М. А. Бартеневой, первая редакция

Есть речи — значенье
Порою ничтожно! —
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Тоскою желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья. . .

Надежды в них дышут.
И жизнь в них играет. . .
Их многие слышут,
Один понимает.

Лишь сердца родного
Коснутся в день муки
Волшебного слова
Целебные звуки:

Душа их с моленьем
Как ангела встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

Сборник «Вчера и сегодня», вторая редакция

«Волшебные звуки»

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Тоскою желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья. . .

Их кратким приветом,
Едва он домчится,
Как божиим светом,
Душа озарится.

Средь шума мирского
И где я ни буду,
Я сердцем то слово
Узнаю повсюду;

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.

Надежды в них дышат,
И жизнь в них играет, —
Их многие слышат,
Один понимает.

Лишь сердца родного
Коснутся в дни муки
Волшебного слова
Целебные звуки,

Душа их с моленьем,
Как ангела, встретит,
И долгим биеньем
Им сердце ответит.

ЖУРНАЛИСТ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ

(стр. 49)

Копия В. Соллогуба, ст. 156—158	Чтоб яд пылающей страницы Нарушил сон отроковицы И сердце юноши увлек.

СОСЕДКА

(стр. 56)

Автограф, ст. 21—22	Я своей не позволил бы дочке У окна так садиться в сорочке.

А. О. СМИРНОВОЙ

(стр. 61)

Автограф, альбом А. О. Смирновой, перед ст. 1	В простосердечии невежды Короче знать вас я желал, Но эти сладкие надежды Теперь я вовсе потерял.
Вместо ст. 5—6	Что делать? — речью безыскусной Ваш ум занять мне не дано. . .
Автограф, альбом М. К. Полуденского, ст. 1—4 как в альбоме Смирновой, затем следует	Стесняем радостию детской, Нет, не впишу я ничего В альбоме жизни вашей светской, — Ни даже имя своего.

Вместо ст. 5—8 Мое вранье так неискусно,
Что им тревожить вас грешно...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно!..

«Я К ВАМ ПИШУ СЛУЧАЙНО; ПРАВО...»

(стр. 62)

Автограф, после ст. 92 Встают сверкая батальоны,
Цепь потянулась; казаки

Вместо ст. 126—161 Чечня восстала вся кругом;
У нас двух тысяч под ружьем
Не набралось бы. Слава богу
Выходит из кустов обоз,
В цепи стрельба; но началось
И в арьергарде понемногу;
Вот жарче, жарче... Крик! Глядим,
Уж тащут одного, — за ним
Других... и много... ружья носят!
И кличут громко лекарей!
Уж им невмочь — подмоги просят
«Сюда орудие — скорей
Картечи...» тихо развернулся
Меж тем в поляне весь отряд
Кругом зеленый лес замкнулся;
Дымится весь. Свистят, жужжат
Над нами пули. — Перед нами
Овраг, река, — по берегам
Валежник, бревна здесь и там —
Но ни души — кусты ветвями
Сплелись — мы ближе подошли,
Орудий восемь навели
На дерева, в овраг без цели
Гранаты глухо загудели
И лопнули... Ответа нет
Мы ближе... Что за притча, право!
Вот от ружья как будто свет,
Вот кто-то выбежал направо...
Мелькнул и скрылся враг лукавый.
Мы снова тронулись вперед
Послали выстрел им прощальный
И ружей вдруг из семисот
Осыпал нас огонь батальный
И затрещало... по бокам,
И впереди, и здесь, и там
Валятся целыми рядами...
Как птиц нас бьют со всех сторон...
Второй и третий батальон
В штыки, дружнее, молодцами;

После ст. 153 Нас всех сковало ожиданье:

Вместо ст. 176—201 А. Тогда на самом месте сечи
У батареи я прилег
Без сил и чувств; я изнемог
Но слышал, как просил картечи
Артиллерист. Он приберег
Один заряд на всякий случай
Уж раза три чеченцы тучей
Кидали шашки наголо;
Прикрытье всё почти легло
Я слушал очень равнодушно;
Хотелось спать и было душно
Б. Тогда довольно равнодушно
На батарее я прилег;
Признаться вам, я изнемог,
Хотелось спать и было душно.

Ст. 222—224 Как зверь он жаден, дик и злобен,
К любви и счастью неспособен;
Пускай же гибнет поделом.
И стало мне смешно. Потом

После ст. 240 Но я наскучил вам. Довольно,
Спокойна совесть у меня;

«НА СЕВЕРЕ ДИКОМ СТОИТ ОДИНОКО...»

(стр. 73)

Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf Kahler Höh.

Heine

Черновой автограф

На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаяся, дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

«ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ...»

(стр. 78)

Копия ПД

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих царей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

«ОНИ ЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА ТАК ДОЛГО И НЕЖНО...»

(стр. 84)

Автограф, первая черновая редакция

Они любили друг друга так нежно,
С такой глубокой и страстной тоскою,
Но как враги друг друга боялись,
И были речи их пусты и хладны.
Они расстались и только порою
Во сне друг друга видали, — но скоро
Им смерть настала — и встретились в небе,
И что ж? Друг друга они не узнали.

Вторая черновая редакция

Они любили друг друга так нежно,
С тоской глубокой и страстью мятежной!
Но как враги опасалися встречи,
И были пусты и хладны их речи.

Они расстались в безмолвном страданье
И милый образ во сне лишь видали.
Но смерть пришла, им настало свиданье...
И что ж? Друг друга они не узнали.

ПРОРОК

(стр. 91)

Черновой автограф, ст. 1

С тех пор как высший судия

Автограф, ст. 17—20

Когда же через шумный град
Я пробираюсь потаенно,
То, слышу, детям говорят
Отцы с улыбкою надменной:

«ОПЯТЬ, НАРОДНЫЕ ВИТИИ...»

(стр. 95)

Автограф, после ст. 29

Так нераздельны в деле славы!
Народ и царь его всегда
Веленьям власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И верим нашему царю!
И будем все стоять упорно
За честь его как за свою.

БОЯРИН ОРША

(стр. 111)

Автограф, после ст. 236

Свечи дрожащий красный луч,
Как будто молния из туч,
Прервав любви последний пыл,
Все чувства их оледенил.
Они при нем, без дум, без сил,
Едва успели отомкнуть
Уста от уст, от груди грудь.

После ст. 247

Небрежной сброшенный рукой
Произведя удар глухой.

Вместо ст. 628—631

Как мертвый образ божества
Внимает кликам торжества!
В толпе шумящей тих, один
Он всё — и раб, и властелин,
Без чувства сам, предмет страстей, —
И выше всех — и всех слабей!

После ст. 631

И жертва ненасытных вод
Он разрушается, гниет

После ст. 667

Досада, любопытство, страх
Виднелись в постных их чертах;
Прошла обедня в суетах; —

После ст. 695

Когда ж боярин всё узнал
Он побледнел, затрепетал,
Глаза его покрылись мглой,
Не зря, смотрел он пред собой;
Рука на небо поднялась...
От синих губ оторвалась
Не речь — но звук — ужасный звук
Отзыв еще сильнейших мук,
Невнятный как далекий гром...
Три дня, три ночи целый дом
Дрожал встречая мрачный взор, —
Они прошли — но с этих пор
Как будто от рожденья нем
Он слова не сказал ни с кем!..

После ст. 1008

Исчезнуть рад бы он с земли,
Но муки жизнь его спасли!..
Одежды длинный лоскуток,
Который сгнил, увял, поблек,

После ст. 1037

Жить и страдать теперь на что?
Она ничто — и всё ничто!..

Вместо ст. 1038—1041

«Перед людьми преступник я:
Меня казнит судьба моя,
Но о спасеньи не молюсь,
Небес и ада не боюсь!
Пусть вечно мучусь: не беда
Ведь с ней не встречусь никогда!

Черновой автограф (набросок III главы). Вместо ст. 805—807

Напрасно он взывал к своим,
Его всё войско было с ним.
Здесь, сквозь толпу, издалека
Я видел кудри старика,
Я видел, как его рука
С мечом три раза поднялась.

Вместо ст. 816—819

Так точно! перед ним лежит
Меж трупами полузарыт
В снегу, с изрубленным челом,
С руками, сжатыми крестом,
Боярин Орша... Кровь ручьем
Бежала по его лицу...
Он, приближаяся к концу,
Читал молитву про себя,
Устами тихо шевеля.
И взор пронзительный тогда
Глубокий взор, где месть, вражда,
И всё, чем ядовит упрек
Всё то, что в людях проклял бог,
Сливалось хладною струей
В какой-то луч полуземной,
Взор, не встречающий преград,
Для жизни гибельный как яд,
Безвестный всадник устремил
На жертву тленья и могил!..

И этот взор в него проник.
Очнулся, вздрогнувши, старик
Главу с усильем приподнял
И слабым голосом сказал:
«Да, я узнал тебя, узнал...»
. . . .

САШКА

(стр. 140)

1

«Библиогр. записки», начало

Свои записки ныне пишут все,
И тот, кто славно жил и умер славно,
И тот, кто кончил жизнь на колесе;
И каждый лжет, хоть часто слишком явно,
Чтоб выставить себя во всей красе.

Увы! — Дела их, чувства, мненья
Погибнут без следа в волнах забвенья.
Ни модный слог, ни модный фронтиспис —
Их не спасет от плесени и крыс;
Но хоть пути предшественников склизки,
И я хочу издать мои записки!

2

Наш век ужасно странен! Всё пиши
Ему про добровольные изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышно — муки да страданья.
Такие вещи хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто жизнь свою в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам,
Но видя от нее лишь вред глазам,
Минувшее свое, без дальней справки,
Я схоронить решился в модной лавке.

3

Печальных много будет тут вещей,
И вас они заставят рассмеяться.
Когда, устав от дел, от ласк друзей,
От ласк жены, случится вам остаться
Одним, то книжкою моей
Займитесь чинно. Кликните Петрушку;
Он даст вам трубку; мягкую подушку
Вам за спину положит; — и потом
Раскрыв на середине первый том,
Любезный мой, вы можете свободно
Уснуть или читать, как вам угодно.

4

Виденья сна заменят мой рассказ,
Запутанный и, как они, неясный.
И, если б мог я спать, то в этот час,
С пером в руках, я б наяву напрасно
Не бредил... Правда, мне не в первый раз
Просиживать в мечтах о том, что было,
Мучительные ночи... Тайной силой
Я был лишен от первых детских лет
Забвенья жизни и забвенья бед...

. . . .

И даже сны упорно повторяли
Моей души протекшие печали.
Сон — благо, дар небес, когда он тих
Безропотно, как смерть, как отдых рая, —

Но, признаюсь я, часто для иных
Карикатура жизни — жизнь вторая,
Не лучше первой, полная немых
И беспокойных образов другого
Таинственного мира, не земного;
Смущенная душа разделена
Между ...... и призраками сна.

Черновой автограф ГПБ, строфы 62—63

Какая сладость в мысли: я отец!
Так говорят (иль думают) иные,
Когда с невестой идут под венец,
Когда на ложе с трепетом впервые
Они кладут невинности конец!
Но горе им! в любви беда излишек;
Толпа слюнявых, скверных ребятишек
Их окружит, как шумных пчел семья,
И свяжет их — не женимтесь, друзья;
Но без женитьбы как людское семя
Нам продолжать — о том в другое время.

Таинственная цель есть у людей.
Различными, неверными путями
К ней идут все под ношею страстей,
К ней идут все со смехом и слезами,
Но отстают отцы от сыновей;
Любовь отца не встретит той же в сыне,
Живые мысли юноши в чужбине,
На поле битвы или под окном,
Где видел он головку вечерком,
И шаль и локоть ручки белоснежной,
На край окна склонившейся небрежно.

Черновой автограф ГПБ, после ст. 874

И что ж? трехцветные знамена величаво
Из стана в стан неслись на пир кровавый,
Но по конец, Вандея, ты одна
Изгнанникам осталася верна.
Твой первый крик с твоим последним стоном
Всегда был: верность и любовь к Бурбонам!

ПСС1 Варианты, ст. 18—20

Он прострелил мне руку на дуэле
И ровно месяц от моей постели
Не отходил

ПСС1 Варианты, ст. 646—649

Натянутый. Сырою мглой объят
Виднелся дальний берег и белели
Вкруг острова края песчаной мели.

Копия Н. Н. Буковского, ст. 669

Благое семя двух иль трех ночей

МЦЫРИ
(стр. 246)

Авторизованная копия. Заглавие и эпиграф

Бэри[1]

On n'a qu'une seule patrie.[2]

После ст. 12

Кто умер, кто к земным страстям
Вернулся вновь. И ныне там

2

Вместо ст. 13—41 и следующих 42—44

Тогда уж Грузия была
Под властью русских, и цвела
Не опасаяся врагов
За гранью дружеских штыков.
Однажды старый генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог. Без слов, без слез
Он умирал. Один монах
И взял его. С тех пор в стенах
Хранительных остался он
Вернулся вновь. И ныне там

После ст. 69

И вот предсмертною тоской
Уже томиться стал больной;
Тогда решился он сорвать
Молчанья гордого печать.

После ст. 70

Тогда один святой чернец
Уговорил его сорвать
Молчанья гордую печать —
И сердце полное тоской
Пред смертью высказал больной.

Старик, качая головой,
Ему внимал: понять не мог
Он этих жалоб и тревог,
И речью хладною не раз
Он прерывал его рассказ

После ст. 87

Когда б я был хоть вольный зверь
Я не томился б, как теперь,
Души болезнию немой,
Я б отыскал врага и бой,
Я б разом умер, не грустя,
Судьбе покорный как дитя.

---

[1] Бэри, по-грузински: монах.
[2] У каждого бывает только одно отечество (франц.). — *Ред.*

После ст. 542 Тот край казался мне знаком...
И страшно, страшно стало мне!..
Вот снова мерный в тишине
Раздался звук: и в этот раз
Я понял смысл его тотчас:
То был предвестник похорон,
Большого колокола звон.
И слушал я, без дум, без сил,
Казалось, звон тот выходил
Из сердца, будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь,
О боже, думал я, зачем
Ты дал мне то, что дал ты всем,
И крепость сил, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть?
Зачем ты ум наполнил мой
Неутолимою тоской
По дикой воле? почему
Ты на земле мне одному
Дал вместо родины тюрьму?
Ты не хотел меня спасти!
Ты мне желанного пути
Не указал во тьме ночной,
И ныне я как волк ручной.
Так я роптал. То был, старик,
Отчаянья безумный крик,
Страданьем вынужденный стон.
Скажи? ведь буду я прощен?
Я был обманут в первый раз!
До сей минуты каждый час
Надежду темную дарил,
Молился я, и ждал, и жил.
И вдруг унылой чередой
Дни детства встали предо мной
И вспомнил я ваш темный храм
И вдоль по треснувшим стенам
Изображения святых
Твоей земли. Как взоры их
Следили медленно за мной
С угрозой мрачной и немой!
А на решетчатом окне
Играло солнце в вышине...
О, как туда хотелось мне,
От мрака кельи и молитв,
В тот чудный мир страстей и битв...
Я слезы горькие глотал,
И детский голос мой дрожал,
Когда я пел хвалу тому,
Кто на земле мне одному
Дал вместо родины — тюрьму...
О! Я узнал тот вещий звон,
К нему был с детства приучен

Мой слух. — И понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.
И быстро духом я упал.
Мне стало холодно. Кинжал,
Вонзаясь в сердце, говорят,
Так в жилы разливает хлад.
Я презирал себя. Я был
Для слез и бешенства без сил.
Я с темным ужасом в тот миг
Свое ничтожество постиг
И задушил в груди моей
Следы надежды и страстей,
Как душит оскорбленный змей
Своих трепещущих детей...
Скажи, я слабою душой
Не заслужил ли жребий свой?

Вместо ст. 564—567

В туманный сладкий утра час
Меня тревожил он не раз
И уносил живые сны
Про горы милой стороны,
Про ласки ближних и родных,
Про вольность дикую степей

После ст. 688 зачеркнуто

Но скоро вихорь новых грез
Далече мысль мою унес,
И пред собой увидел я
Большую степь... Ее края
Тонули в пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой бурною толпой
С невыразимой быстротой:
В пустыне мчится не быстрей
Табун испуганных коней,
И вот я слышу: степь гудит,
Как будто тысячу копыт
О землю ударялись вдруг.
Гляжу с боязнию вокруг
И вижу: кто-то на коне,
Взвивая прах, летит ко мне,
За ним другой, и целый ряд...
Их бранный чуден был наряд!
На каждом был стальной шелом
Обернут белым башлыком,
И под кольчугою надет
На каждом красный был бешмет.
Сверкали гордо их глаза;
И с диким свистом, как гроза,
Они промчались близ меня.
И кажды<й>, наклонясь с коня,
Кидал презренья полный взгляд

На мой монашеский наряд
И с громким смехом исчезал...
Томим стыдом, я чуть дышал,
На сердце был тоски свинец...
Последний ехал мой отец.
И вот кипучего коня
Он осадил против меня
И, тихо приподняв башлык,
Открыл знакомый бледный лик:
Осенней ночи был грустней
Недвижный взор его очей,
Он улыбался — но жесток
В его улыбке был упрек!
И стал он звать меня с собой,
Маня могучею рукой,
Но я как будто бы прирос
К сырой земле: без дум, без слез,
Без чувств, без воли я стоял
И ничего не отвечал.

СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

(стр. 267)

Черновой автограф. Вместо ст. 5—7

Но публика всё просит новых тем;
Кто ж виноват? — сложить бы на покойных,
Да совестно — меж ними есть достойных
Немало.

После ст. 11

Мы женщин презираем, потому
Что некогда нам волноваться страстью;
Науки были б нашему уму
Доступны... но они вредили б счастью;
Служить, конечно, должно — да к чему?
Без нас найдутся ревностные слуги,
К тому же рано тайные недуги
Тревожат нас, и мы таки должны
Себя беречь для будущей жены...
Оброк не худо также нам собрать бы,
Чтоб на воды уехать после свадьбы.

Меж тем о благе мира чуждых стран
Заботимся, хлопочем мы не в меру,
С Египтом новый сладил ли султан?
Что Тьер сказал — и что сказали Тьеру?
На всех набрел политики туман,
Зевают все — а можно б нас исправить,
Лишь только бы стихи читать заставить;
А потому решился я писать
(Хоть для всего, что надо мне сказать,
Размер ее немножко будет тесен)
Короткую поэмку в сорок песен.

I

⟨ДЕМОН⟩

⟨1829 год⟩

⟨1⟩ ПОСВЯЩЕНИЕ

Я буду петь, пока поется,
Пока волненья позабыл,
Пока высоким сердце бьется,
Пока я жизнь не пережил,
В душе горят, хотя безвестней,
Лучи небесного огня,
Но нежных и веселых песней,
Мой друг, не требуй от меня...
Я умер. Светлых вдохновений
Забыта мною сторона
Давно. Как скучен день осенний,
Так жизнь моя была скучна;
Так впечатлений неприятных
Душа всегда была полна;
Поныне о годах развратных
Не престает скорбеть она.

⟨2⟩ ПОСВЯЩЕНИЕ

Я буду петь, пока поется,
Пока, друзья, в груди моей
Еще высоким сердце бьется
И жалость не погибла в ней.

Но той веселости прекрасной
Не требуй от меня напрасно,
И юных гордых дней, поэт,
Ты не вернешь: их нет как нет;
Как солнце осени суровой,
Так пасмурна и жизнь моя;
Среди людей скучаю я:
Мне впечатление не ново...
И вот печальные мечты,
Плоды душевной пустоты!..

Печальный демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым.
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним,
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда сердечная тревога
Чуждалася души его,
Как дня боится мрак могилы.
И много, много... и всего
Представить не имел он силы...

(Демон узнает, что ангел любит одну смертную, демон узнает и обольщает ее, так что она покидает ангела, но скоро умирает и делается духом ада. Демон обольстил ее, рассказывая, что бог несправедлив и проч. свою ист<орию>[1]).

Любовь забыл он навсегда.
Коварство, ненависть, вражда
Над ним владычествуют ныне...
В нем пусто, пусто, как в пустыне.
Смертельный след напечатлен
На том, к чему он прикоснется,
И говорят, что даже он
Своим злодействам не смеется,
Что груды гибнущих людей
Не веселят его очей...
Зачем же демон отверженья

Роняет посреди мученья
Свинцовы слезы иногда,
И им забыты на мгновенье
Коварство, зависть и вражда?..

Демон влюбляется в смертную *(монахиню),* и она его наконец любит, но демон видит ее ангела-хранителя и от зависти и ненависти решается погубить ее. Она умирает, душа ее улетает в ад, и демон, встречая ангела, который плачет с высот неба, упрекает его язвительной улыбкой.

Угрюмо жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла,
Он хладнокровно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды,
Он жег печатью роковой
Того, к кому он прикасался,
Но часто демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Таков осеннею порой
Среди долины опустелой
Один чернеет пень горелый.
Сражен стрелою громовой,
Он прямо высится главой
И презирает бурь порывы,
Пустыни сторож молчаливый.

Боясь лучей, бежал он тьму,
Душой измученною болен.
Ничем не мог он быть доволен:
Всё горько сделалось ему,
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не принимая.

В полночь, между высоких скал,
Однажды над волнами моря

Один, без радости, без горя,
Беглец эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины.
И зрит, чернеет над горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж низких келий тишина,
Садится поздняя луна,
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вот тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет...
И чей-то голос... Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... он хочет прочь тотчас.
Его крыло не шевелится,
И странно — из потухших глаз
Слеза свинцовая катится...
Как много значил этот звук:
Мечты забытых упоений,
Века страдания и мук,
Века бесплодных размышлений —
Всё оживилось в нем, и вновь
Погибший ведает любовь.

М <онахиня>

О чем ты близ меня вздыхаешь,
Чего ты хочешь получить?
Я поклялась давно, ты знаешь,
Земные страсти позабыть.
Кто ты? Мольба моя напрасна.
Чего ты хочешь?..

Д <емон>

Ты прекрасна.

М <онахиня>

Кто ты?

Д <емон>

Я демон. Не страшись...
Святыни здешней не нарушу...

И о спасеньи не молись,
Не искусить пришел я душу;
Сгорая жаждою любви,
Несу к ногам твоим моленья,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.

II

ДЕМОН

<Начало 1830 года>

1

Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним.
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него;
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Как дня боится мрак могилы...
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.

В изгнаньи жизнь его текла,
Как жизнь развалин. Бесконечность
Его тревожить не могла.
<Он равнодушно видел вечность,>
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему он прикасался;
И часто Демон молодой
Своим злодействам не смеялся.

Боясь лучей, бежал он тьму.
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен.
Всё горько сделалось ему,
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

2

В полночь, между холодных скал,
Однажды над волнами моря
Один, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеют под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина.
Садится поздняя луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
<Вдруг> тихий и прекрасный звук,
<Подобн>ый звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело... Он хочет прочь тотчас —
Его крыло не шевелится.
И — чудо! — из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.

3

Как много значит этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем, но вновь
Ужель узнает он любовь?
Тому не быть: так, если мчится

Сын ливня в поле мутный ключ,
И солнца полумертвый луч
На нем случайно отразится,
Он лишь мгновенно озарит,
А мутных вод не просветит.

Влетает в келью дух смущенный.
Украдкою, как некий вор,
Минует образ позлащенный,
Со страхом отвращает взор,
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги.
Но где же звуки? где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?..
Облокотившись,
С испанской лютнею *она*
Сидела молча у окна,
И кудри черные, скатившись
На веки нежные очей,
Служили покрывалом ей.
Исполнена какой-то думой,
Младая волновалась грудь.
Вот поднялась. На свод угрюмый
Она задумала взглянуть.
Как звезды омраченной дали,
Глаза монахини сияли,
Как неба утра облака,
Ее лилейная рука
Была пленительна; и струны
Согласно вздрогнули под ней.

Угрюм, как ночи мрак безлунный,
Потупя взгляд своих очей,
Окованный ее игрою,
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить.
Он связан клятвой роковою.
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною.)
. . . .

. . . .

Он искусить хотел — не мог,
Не находил в себе искусства;
Забыть — забвенья не дал бог,
Любить — недоставало чувства;
Хотя он для любви готов
Оставить полк своих духов
И без могущества, без силы
Скитаться посреди миров,
Как труп вампира, из могилы
Исторгшись, бродит меж людей
Страшилищем немых ночей...

Легок, как падающий снег
По ветру средь зимы холодной,
Мой Демон, волею свободный,
Летучий направляет бег —
Прочь-прочь от места, где впервые
Земные слезы уронил,
Нарушил клятвы роковые
И князя бездны раздражил,
Но прелесть звуков и виденья
Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не загладит ничего.

4

Но кто ж *она?* Зачем сокрыта
В пустыне, меж высоких стен?
Иль это добровольный плен,
И ею радость позабыта?
Иль краска черная одежд
С ее душой была согласна?
Ее история ужасна,
Как вспоминанье без надежд.
Она отца и мать не знала,
И люльку детскую ее
Старушка чуждая качала...
Но это ль бедное житье,
Любовь ли сердце испугала,

Опасность ли — о том узнать
Никто не думал испытать.

. . . .

Как часто дева у окошка
Взирала на берег морской.
Печаль ее хотя немножко
В то время делалась живой.
На море вихри бушевали
И волны синие вставали;
В расселинах стены крутой
Протяжный раздавался вой;
А дева — взор ясней лазури —
При шуме капель дождевых
Согласовала с воем бури
Игру печальных струн своих.
Но с той минуты, как нечистый
К ней приходил в ночи тенистой,
Она молиться уж нейдет
И не играет, не поет,
Ей колокола звон противен,
В ней кроется холодный яд,
Ни моря шум, ни ветр, ни ливень
Мечты как было не родят.

5

И бедный Демон удалился
От силы адской с этих пор,
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали
Корой огнистою легли,
Природы дивные творенья.
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Заглохший, неезжаный путь.
Когда метель гудет и свищет,

Он охраняет прошлеца,
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет...
И часто прежней пустоты
Он слышит муки. Красоты
Волшебной стан пред ним летает;
И пламя новое мечты
Его крылами обнимает.
Изгнанник помнит свет небес,
Огни потерянного рая;
Тоской неистовой сгорая,
Он зажигает темный лес,
Любуясь на пожар трескучий.
Скалы́ на корне вековом
Срывая, как нежданный гром,
Свергает вниз рукой могучей —
И гул подъемлется кругом.
Но уж не то его тревожит,
Что прежде; тот железный сон
Прошел — любить он может — может —
И в самом деле любит он.
И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно улететь...

6

Едва блестящее светило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как Демон видел пред собой
Стену обители святой,
Где полразрушенная келья
Так много милого хранит.
Полетом он туда спешит.
Но нет в душе его веселья.
Какой-то непонятный страх
В ледя́ных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,

Он долго медлил; он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит,
Что на минуту отдал рок...

. . . .

Теперь лишь видно, что он любит!
Теперь лишь признаки любви:
Волнение надежд несмелых
И пламень неземной крови́
Видны в чертах окаменелых!..

7

Он в келье. Но зачем же он
Не привлечет ее вниманья?
Зачем не пьет ее дыханья?
Не вздох любви — могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец.
И сердце, кровию облито,
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверзт:
В нем ничего не отразилось,
Кроме презренья — но к чему?
Что показалося ему?

8

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
И — мщенье, ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел. Сколько чувств различных,

С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся! Сколько дум
Меняет беспокойный ум!
Красавице погибнуть надо.
Ее не пощадит он вновь,
Погибнет — прежняя любовь
Не будет для нее оградой!..

9

Как жалко! Он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу недобрых дел,
Позволить сердцу оживиться.
Творцу природы, может быть,
Внушил бы Демон сожаленье,
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! Сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум.
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И яд преступных, черных дум.
И вот, облекшись в образ томный,
Обманчивый он принял вид,
Он юноша печальный, скромный,
Какой-то тенью взор облит.
Его опущенные крылья
Объяты участью бессилья.
На голове венец златой
Померкнул и покрылся мглой.

Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая;
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночною мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений.

Он к ней прокрадется туда,
Среди обители уснувшей;
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!

10

Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит.
И дрожь и страх ее объемлет,
Она, как смерть бледнея, внемлет.

Она

Земные страсти позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь.
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О! кто ты? — речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?..

Дух

Ты прекрасна!

Она

Кто ты?

Дух

Я демон, не страшись:
Святыни здешней не нарушу.
И о спасеньи не молись,
Не искусить пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моленья,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов:
Брожу один среди миров
Несметное число столетий.
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:

Несправедливым приговором
Я на изгнанье осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Оставлен всеми, бесприютный...
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья.
Я полюбил мои мученья ,
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!..

II

В часы суровой непогоды
В осенний день, когда меж скал,
Пенясь, крутясь, шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И тучи серыми рядами
Перебегали небесами;
Зловещий колокола звон,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему манит отшельниц он?..
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В средине церкви мех звучал,
И катафалк блестел прекрасный,
На нем богатый гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безгласный;
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют мертвые черты.
Уста закрытые бесцветны.

И в сердце томной страсти яд
Ее глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Они владели над душой,
Неугомонной, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.

За час до горестной кончины
Духовника на миг единый
Младая дева призвала:
Желанья, добрые дела
И запрещенные деянья
Открыть с слезами покаянья.
Пришел исповедник. Но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Он на лице ее заметил
Борение последних мук,
Припадки судорог ужасных.
Он разобрал в речах неясных:
«Ты! .. Демон! .. о! .. коварный друг! ..
Своими сладкими речами...
Ты... бедную... заворожил...
Ты был любим и не любил,
Ты б мог спастись, а погубил...
Проклятье сверху, мрак под нами!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

12

С тех пор промчалось много лет.
Пустела тихая обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен. И храм священный
Добычей бури и дождей
Соделался. Между дверей
Вздыхая ходит ветр непленный.
Внутри на ликах расписных,

На утвари позолоченной
И средь расселин стен седых
Большой паук, пустынник новый,
Кладет нитей своих основы.
Сбегаючи со скал крутых,
Ища приют от непогоды,
Случалось, лань, дитя свободы,
Входила в кельи; — и — порой
Стола нескромное паденье
Среди развалины глухой
Вдруг приводило в удивленье
Ее — но нынче ничему
Нельзя встревожить тишину.
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно;
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно...

И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит;
Он вдался в море одиноко;
На нем чернеет крест высокой;
Всегда скалой отражены,
Струи белятся пеной вольной,
Волна теснится у волны,
И слышен ропот своевольный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

13

Над тем крестом, над той скалою
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный;
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкие, как лен,
С главы венчанной упадали,

И крылья легкие, как сон,
За белыми плечьми сияли;
Стан тонкий свеж и прям: таков
Зеленый кипарис садов.

. . . .
. . . .

Вот тихо над крестом склонился.
Казалось, будто он молился
За душу девы молодой.
Увы! Напрасные моленья,
Ее страстям уж нет прощенья...

Тогда над синей глубиной
Дух гордости и отверженья
Летел с вершины диких гор,
Как будто прелести творенья
Непозволительный укор.
Как свод безлучный в день осенний,
Был мрачен искуситель-гений.
Он близ могилы промелькнул
И, тусклый, мертвый взор кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

(Конец)

III

ДЕМОН

Поэма

1831 год

ПОСВЯЩЕНИЕ

Прими мой дар, моя мадонна!
С тех пор как мне явилась ты,
Моя любовь мне оборона
От порицаний клеветы.

Такой любви нельзя не верить,
А взор не скроет ничего:
Ты не способна лицемерить,
Ты слишком ангел для того!

Скажу ли? — предан самовластью
Страстей печальных и судьбе,
Я счастьем не обязан счастью,
Но всем обязан я — тебе.

Как демон, хладный и суровый,
Я в мире веселился злом,
Обманы были мне не новы,
И яд был нá сердце моем;

Теперь, как мрачный этот Гений,
Я близ тебя опять воскрес
Для непорочных наслаждений,
И для надежд, и для небес.

———

Cain

Who art thou?

Lucifer

Master of spirits.

Cain

And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?

Lucifer

I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and
with you.

L. Byron. Cain[1]

Печальный демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Как дня боится мрак могилы;
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы.

Уныло жизнь его текла
В пустыне Мира. Бесконечность
Жилище для него была.
Он равнодушно видел вечность,
Не зная ни добра, ни зла,
Губя людей без всякой нужды.
Ему желанья были чужды.

---

[1] Каин

Кто ты?

Люцифер

Властелин духов.

Каин

Но если так, можешь ли ты
Покидать их и пребывать с смертными?

Люцифер

Я знаю мысли
Смертных и сочувствую им, и заодно с вами.

Л<орд> Байрон
Каин (англ.). — *Ред.*

Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался!..
И часто демон молодой
Своим злодействам не смеялся.
Страшась лучей, бежал он тьму;
Душой измученною болен,
Ничем не мог он быть доволен,
Всё горько сделалось ему;
И, всё на свете презирая,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

. . . .

Однажды, вечером, меж скал
И над седой равниной моря,
Без дум, без радости, без горя,
Беглец Эдема пролетал
И грешным взором созерцал
Земли пустынные равнины,
И зрит: белеет под горой
Стена обители святой
И башен странные вершины.
Меж бедных келий тишина;
Встает багровая луна;
И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобный звуку лютни, внемлет,
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает: хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится;
И —чудо! — из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,

Века бесплодных размышлений,
Всё оживилось в нем опять.
Но что ж? Ему не воскресать
Для нежных чувств. Так, если мчится
По небу летнему порой
Отрывок тучи громовой,
И луч случайно отразится
На сумрачных краях, она
Тот блеск мгновенный презирает
И путь неверный продолжает
Хладна, как прежде, и темна.

Проникнул в келью дух смущенный.
Со страхом отвращает взор,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор.
Он зрит божественные книги,
Лампаду, четки и вериги;
Но где же звуки? где же та,
К которой сильная мечта
Его влечет?
Она сидела
На ложе, с лютнею в руках,
И песню гор играя пела.
И, мнилось, всё в ее чертах
Земной беспечностью дышало;
И кольцы русые кудрей
Сбегали, будто покрывало,
На веки нежные очей.
Исполнена какой-то думой,
Младая волновалась грудь...
Вот поднялась; на свод угрюмый
Она задумала взглянуть:
Как звезды омраченной да́ли,
Глаза монахини сияли;
Ее лилейная рука,
Бела, как утром облака,
На черном платье отделялась,
И струны отвечали ей
Что дальше, то сильней, сильней.
Тоской раскаянья, казалось,
Была та песня сложена!

Меж тем, как путник любопытный,
В окно, участием полна,
На деву, жертву грусти скрытной,
Смотрела ясная луна!..

Окован сладостной игрою
Стоял злой дух. Ему любить
Не должно сердца допустить:
Он связан клятвой роковою;
(И эту клятву молвил он,
Когда блистающий Сион
Оставил с гордым сатаною).
Он искушать хотел, — не мог,
Не находил в себе искусства;
Забыть? — забвенья не дал бог;
Любить? — недоставало чувства!
Что делать? — новые мечты
И чуждые поныне муки!
Так, демон, слыша эти звуки,
Чудесно изменился ты.
Ты плакал горькими слезами,
Глядя на милый свой предмет,
О том, что цепь лежит меж вами,
Что пламя в мертвом сердце нет;
Когда ты знал, что не принудит
Его минута полюбить,
Что даже скоро, может быть,
Она твоею жертвой будет.

И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые
Нарушил клятвы неземные
И князя бездны раздражил;
Но прелесть звуков и виденья
Осталась на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего.

. . . .

Спустя сто лет пергамент пыльный
Между развалин отыскал
Какой-то странник. Он узнал,

Что это памятник могильный;
И с любопытством прочитал
Он монастырские преданья
О жизни девы молодой,
И им поверил, и порой
Жалел об ней в часы мечтанья.
Он перевел на свой язык
Рассказ таинственный, но свету
Не передам я повесть эту:
Ценить он чувства не привык!

. . . .

Печальный демон удалился
От силы адской с этих пор.
Он на хребет далеких гор
В ледяный грот переселился,
Где под снегами хрустали
Корой огнистою легли —
Природы дивные творенья!
Ее причудливой игры
Он наблюдает измененья.
Составя светлые шары,
Он их по ветру посылает,
Велит им путнику блеснуть
И над болотом освещает
Опасный и заглохший путь.
Когда метель гудет и свищет,
Он охраняет прошлеца;
Сдувает снег с его лица
И для него защиту ищет.
И часто подымая прах
В борьбе с летучим ураганом
Одетый молньей и туманом
Он дико мчится в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное — забыть!
Но всё не то его тревожит,
Что прежде. Тот железный сон
Прошел. Любить он может, может,
И в самом деле любит он;

И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи посмотреть
И невозвратно улететь!

. . . .

. . . .

Едва блестящее светило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило,
Как демон видел пред собой
Стену обители святой,
И башни белые, и келью,
И под решетчатым окном
Цветущий садик. И кругом
Обходит демон; но веселью
Он недоступен. Тайный страх
В ледяных светится глазах.
Вот дверь простая перед ними.
Томяся муками живыми,
Он долго медлил, он не мог
Переступить через порог,
Как будто бы он там погубит
Всё, что еще не отнял рок.
О! как приметно, что он любит!
Всё тихо — вдруг услышал он
Давно знакомой лютни звон;
Слова певицы вдохновенной
Лились, как светлые струи;
Но не понравились они
Тому, кто с думой дерзновенной
Искал надежды и любви.

Песнь монахини

Как парус над бездной морской,
    Как под вечер златая звезда,
Явился мне ангел святой —
    Не забуду его никогда.

К другой он летел иль ко мне,
    Я напрасно б старалась узнать.
Быть может, то было во сне...
    О! зачем должен сон исчезать?

Тебя лишь любила, творец,
    Я поныне с младенческих дней,
Но видит душа наконец,
    Что другое готовилось ей.

Виновна я быть не должна:
    Я горю не любовью земной;
Чиста, как мой ангел, она,
    Мысль об нем неразлучна с тобой!

Он отблеск величий твоих,
    Ты украсил чело его сам.
Явился он мне лишь на миг, —
    Но за вечность тот миг не отдам!

Умолкла. Ветер моря хладный
Последний звук унес с собой.
Непобедимою судьбой
Гонимый, демон безотрадный
Проникнул в келью. Что же он
Не привлечет ее вниманье?
Зачем не пьет ее дыханье?
Не вздох любви — могильный стон,
Как эхо, из груди разбитой
Протяжно вышел наконец;
И сердце, яростью облито,
Отяжелело, как свинец.
Его рука остановилась
На воздухе. Сведенный перст
Оледенел. Хоть взор отверзт,
В нем ничего не отразилось,
Кроме презренья. Но к кому?
Что показалося ему?

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом

Вблизи монахини прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
И — зависть, мщение и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою ногой:
Он вышел — сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснится! сколько дум
Меняет беспокойный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!

Как жалко! он уже хотел
На путь спасенья возвратиться,
Забыть толпу преступных дел,
Позволить сердцу оживиться!
Творцу природы, может быть,
Внушил бы демон сожаленье
И благодатное прощенье
Ему б случилось получить.
Но поздно! сын безгрешный рая
Вдруг разбудил мятежный ум:
Кипит он, ревностью пылая,
Явилась снова воля злая
И яд коварных, черных дум.
Но впрочем, он перемениться
Не мог бы: это был лишь сон.
И рано ль, поздно ль, пробудиться
Навеки должен был бы он.
Успело зло укорениться
В его душе с давнишних дней:
Добро не ужилось бы в ней;
Его присвоить, им гордиться
Не мог бы демон никогда;
Оно в нем было бы чужое,
И стал бы он несчастней вдвое.
Взгляните на волну, когда
В ней отражается звезда;

Как рассыпаются чудесно
Вокруг сребристые струи!
Но что же? блеск тот — блеск небесный,
Не завладеют им они.
Их луч звезды той не согреет;
Он гаснет — и волна темнеет!

Злой дух недолго размышлял:
Он не впервые отомщал!
Он образ смертный принимает,
Венец чело его ласкает,
И очи черные горят,
И этот самый пламень — яд!

Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая,
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя;
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночною мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений.
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда
Предмет любви своей минувшей!
. . . .

Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит;
И чудный страх ее объемлет.
Она, как смерть бледнея, внемлет.

Она

Страстей волненья позабыть
Я поклялась давно, ты знаешь!
К чему ж теперь меня смущаешь?
Чего ты хочешь получить?
О, кто ты? — речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Незнакомец

Ты прекрасна!

Она

Кто ты?

Незнакомец

Я демон! — не страшись:
Святыни здешней не нарушу!
И о спасеньи не молись —
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моленья,
Земные первые мученья
И слезы первые мои!
Не расставлял я людям сети
С толпою грозной злых духов;
Брожу один среди миров
Несметное число столетий!
Не выжимай из груди стон,
Не отгоняй меня укором:
Несправедливым приговором
Я на изгнанье осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер бесприютный!
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной
Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!

Она

На что мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты виноват...

Незнакомец

Против тебя ли?

Она

Нас могут слышать...

Незнакомец

Мы одне!

Она

А бог?

Незнакомец

На нас не кинет взгляда!
Он небом занят, не землей.

Она

А наказанье, муки ада?

Незнакомец

Так что ж? — ты будешь там со мной!
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Мне рай — везде, где я с тобой!

Так говорил он; и рукою
Он трепетную руку жал
И поцелуями порою
Плечо девицы покрывал.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый снег от взоров дня!

. . . .

В часы суровой непогоды,
В осенний день, когда меж скал,
Пенясь, крутясь, шумели воды,
Восточный ветер бушевал,
И темно-серыми рядами
Неслися тучи небесами,
Зловещий колокола звон,

Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами.
К чему зовет отшельниц он?
Не на молитву поспешали
В обширный и высокий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В средине церкви гроб стоял,
В гробу мертвец лежал безгласный,
И ряд монахинь окружал
Тот гроб с недвижностью бесстрастной.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели бурною душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.

За час до горестной кончины,
Когда сырая ночи мгла
На усыпленные долины
Прозрачной дымкою легла,
Духовника на миг единый
Младая дева призвала,
Чтоб жизни грешные деянья
Открыть с слезами покаянья.
И он приходит к ней; но вдруг
Его безумный хохот встретил.
Старик в лице ее заметил
Борение последних мук.
На предстоящих не взирая,
Шептала дева молодая:
«О, демон! о, коварный друг!
Своими сладкими речами
Ты бедную заворожил. . .

Ты был любим, а не любил...
Ты мог спастись, а погубил,
Проклятье сверху, мрак под нами!»
Но кто безжалостный злодей,
Тогда не понял старец честный,
И жизнь монахини моей
Осталась людям неизвестной.

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, общий разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный
Стал жертва бури и дождей.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветр освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, пустынник новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбежав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искали в кельях. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в удивленье!
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало;
Но время вживе удержало
Воспоминание одно!

И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит:
Он вдался в море одиноко,
На нем чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,

Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той скалою
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный,
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной.
И кудри мягкие, как лен,
С главы венчанной упадали,
И крылья легкие, как сон,
За белыми плечьми сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И воды с пеной серебристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы младой
Творцу молился он. И, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.

Тогда над синей глубиной
Дух гордости и отверженья
Без цели мчался с быстротой;
Но ни раскаянья, ни мщенья
Не изъявлял суровый лик:
Он побеждать себя привык!
Не для других его мученья!
Он близ могилы промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул!..

Конец

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ НАБРОСКИ К III РЕДАКЦИИ «ДЕМОНА»

<Песня монахини>[1]

Незримый ангел пел мне раз
Про мир иной; с того мгновенья
Спокойствие бежит от глаз.
Усну ли — сна желанный час
Тревожат чудные виденья.

Как запах милого цветка
Весть подает об нем порою,
Так знаю я, когда тоска
Покинет грудь мою слегка,
Что ангел счастия со мною.

Я одного его люблю
Зато любовью бесконечной;
Услышит песню он мою,
В каком бы ни был он краю, —

Нежней меня его любить
Не станет женщина другая;
Но должен мне творец простить;
Любовь к нему не может быть
Преступна, как любовь земная.

IV

<ДЕМОН>

<1831 год>

По голубому небу пролетал
Однажды Демон. С злобою немой
Он в беспредельность грустный взор кидал,
И вспоминанья перед ним толпой
Теснились. Это небо, где творец
Внимал его хвалам и наконец
Проклятьям, эти звезды... всё кругом
Прекрасно в блеске вечно-молодом;

Как было в тот святой, великий час,
Когда от мрака отделился свет,
И, ангел радостный, он в первый раз
Взглянул на будущность. И сколько лет,
И сколько тысяч лет с тех пор прошло!
И он уже не тот. Его чело
Померкло... он один, один... один...
Враг счастья и порока властелин.

Изгнанник, для чего тоскуешь ты
О том, что невозвратно? — но пускай!
Не воскресив душевной чистоты,
Ты не найдешь потерянный свой рай!
Напрасно обращен преступный взор
На небеса: их свет — тебе укор.
Будь горд. Старайся мстить, живи, губя.
Но что ж? — и зло не радует тебя?

И часто, очень часто людям он
Завидовал. У них надежда есть
На искупленье, на могильный сон.
Все их несчастья легче перенесть
Одной палящей капли адских мук.
И вечность (это слово, этот звук,
Который значит всё) им не страшна.
Нет! вечность для рабов не создана!

Так мыслил Демон. Медленно крылом,
Спускаяся на землю, рассекал
Он воздух. Всё цвело в краю земном.
Весенний день краснея догорал.
Растения и волны, ветерком
Колеблемы, негреющим лучом
Казались зажжены. Туман сырой
Ревниво подымался над землей.

И только крест пустынный, наконец,
Стоящий на горе, едва в дали
Блестел. И гаснет! Звездный свой венец
Надела ночь. В молчании текли
Светила неба в этот мирный час,
Но в их молчаньи есть понятный глас,
О будущем пророчествует он.
Вот встала и луна. Повсюду сон.

Свети! свети, прекрасная луна!
Природа любит шар твой золотой,
В его сияньи нежится она,
Одетая полупрозрачной мглой.
Но человека любишь ты дразнить
Несбыточной мечтой. Как не грустить,
Когда на нас ты льешь свой бледный свет, —
Ты — памятник всего, чего уж нет!

Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. — В прозе лучше.

V

ДЕМОН

<1833—1834 годы>

1

Печальный Демон, дух изгнанья,
Блуждал под сводом голубым,
И лучших дней воспоминанья
Чредой теснились перед ним;
Тех дней, когда он не был злым,
Когда глядел на славу бога,
Не отвращаясь от него,
Когда заботы и тревога
Чуждалися ума его,
Как дня боится мрак могилы,
И много, много... и всего
Представить не имел он силы.

Уныло жизнь его текла
В пустыне мира — и на вечность
Он пригляделся — но была
Мучительна его беспечность.
Путем, назначенным судьбой,
Он равнодушно подвигался;
Он жег печатью роковой
Всё то, к чему ни прикасался.
Смеясь над злом и над добром,
Стыдясь надежд, стыдясь боязни,
Он с гордым встретил бы челом
Прощенья глас, как слово казни;

Он жил забыт и одинок,
Грозой оторванный листок,
Угрюм и волен, избегая
И свет небес, и ада тьму,
Он жил, не веря ничему
И ничего не признавая.

Как черный саван, на земле
Лежала ночь... вились туманы
По гребням гор; на их челе,
Сторожевые великаны,
Гнездились стаи облаков,
И вечно ропщущее море
Гуляло мирно на просторе,
Сверкая пеною валов.

Между прибрежных диких скал
Беглец Эдема пролетал.
Он взор, исполненный презренья,
Вперил на грешный мир земной
И зрит в тумане отдаленья
Верхи обители святой.
У стен ее, прохлады полны,
Однообразно шепчут волны.
Кругом ее густых дерев
Сплелись кудрявые вершины,
И кое-где из их средины,
Стремясь достать до облаков,
Встает, белея, остов длинный
Зубчатой башни, и над ней,
Символ спасения забвенный,
Чернеет ржавый крест, нагбенный
Усильем бури и дождей.
Меж бедных келий храм огромный.
Едва сквозь длинное окно
Глядит лампады луч нескромный.
Внутри всё спит давным-давно.
Всё вкруг таинственно и тёмно.

Вот одинока и красна
Встает двурогая луна,

И в усыпленную обитель
Вступает мрачный искуситель.
Вдруг тихий и прекрасный звук,
Подобно звуку лютни, внемлет;
И чей-то голос. Жадный слух
Он напрягает. Хлад объемлет
Чело. Он хочет прочь тотчас:
Его крыло не шевелится,
И — чудо! — из померкших глаз
Слеза свинцовая катится.
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

Как много значил этот звук!
Века минувших упоений,
Века изгнания и мук,
Века бесплодных размышлений
О настоящем и былом —
Всё разом отразилось в нем.

Проникнул в келью дух смущенный,
Минуя образ позлащенный,
Как будто видя в нем укор,
Со страхом отвращает взор;
В углу из мрамора мадонна,
Лампада медная над ней,
На голове ее корона
Из роз душистых и лилей.
У стенки девственное ложе,
Луна, смеясь, в окно глядит,
А у окна... всесильный боже!
Что с ним? — он млеет! он дрожит!
По струнам лютни ударяя,
Пред ним, озарена луной,
В одежде черной власяной
Была монахиня младая;
Она сидела перед ним
Объята жаром вдохновенья,
Мила как первый херувим,
Как первые звезды творенья.

В больших глазах ее порой
Невнятно говорило что-то
Невыразимою тоской,
Неизъяснимою заботой.
Полураскрытые уста
Живые изливали звуки;
В них было всё: моленья, муки,
Слова надежд, слова разлуки
И детских мыслей простота.
И грудь высоко воздымалась.
И обнаженная рука,
Белей, чем утром облака,
К струнам, как ветер, прикасалась.
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гаремов брызжущий фонтан
Ни разу летнею порою
Своей алмазною росою
Не омывал подобный стан...
Ни разу гордый сын порока
Не оскવернял руки такой...
Клянусь святыней гробовой,
Лучом заката и востока.

Дух отверженья и зла
Стоял недвижим у порога;
Не смел он приподнять чела,
Страшася в ней увидеть бога!
Увы, в душе его была
Давно забытая тревога!
Он искушать хотел — не мог,
Не находил в себе искусства;
Забыть? — забвенья не дал бог;
Любить? — недоставало чувства.
И удалиться он спешил
От этой кельи, где впервые
Нарушил клятвы роковые,
Земной святыне уступил.
Но прелесть звуков и виденья

Остались на душе его,
И в памяти сего мгновенья
Уж не изгладит ничего!

2

Скажу ль? сначала думал он,
Хотел во что бы то ни стало
Исторгнуть из груди, как жало,
Мгновенный светлый этот сон.
И, победив свое презренье,
Он замешался меж людей,
Чтоб ядом пагубных речей
Убить в них веру в провиденье...
Но до него, как и при нем,
Уж веры не было ни в ком;
И полон скуки непонятной,
Он скоро кинул мир развратный
И на хребет пустынных гор
Переселился с этих пор.
Там над жемчужным водопадом
Себе пещеру отыскал,
В природу вник глубоким взглядом,
Душою жизнь ее объял.
Как часто на вершине льдистой
Один меж небом и землей
Под кровом радуги огнистой
Сидел он мрачный и немой,
И белогривые метели,
Как львы, у ног его ревели.
Как часто, подымая прах
В борьбе с летучим ураганом,
Одетый молньей и туманом,
Он дико мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное — забыть!
Но уж не то его тревожит,
Что прежде, тот железный сон
Прошел. Любить он может — может,
И в самом деле любит он!

И хочет в путь опять пускаться,
Чтоб с милой девой повидаться,
Чтоб раз ей в очи поглядеть
И невозвратно улететь.

Востока ясное светило
На небо юное взошло
И моря синее стекло
Лучами утра озарило.
Вот милый берег! вот она,
Обетованная страна...
Вот испещренная цветами
Густой лимонной рощи сень,
Вот пред святыми воротами
Часовня... южный теплый день
Играет яркими лучами
По белым башням и стенам.
Безмолвны мраморные плиты,
От стен ведущие во храм.
Плющом душистым перевиты,
Вокруг него ряды крестов,
Немые сторожи гробов,
Как стадо летом пред грозою,
Пестрея жмутся меж собою...

Страшась надеждам волю дать,
К знакомой келье он подходит,
Кругом нее задумчив бродит.
Жива ль она? одна ль, как знать?
К дверям прильнул он жадным ухом.
Ни струн, ни песен не слыхать!
Невольно он смутился духом,
Невольно, как в пещеру змей,
Закралось в ум его сомненье,
И вещий луч грядущих дней
Сверкнул в его воображенье!
Он в келью светлую проник...
Взошел, взглянул... ужасный крик,
Как бури свист порой ночною,
Раздался в воздухе пустом,
И ярость адскою волною,
Как лава, разлилась по нем.

Простите, краткие надежды
Любви, блаженства и добра;
Открыл дремавшие он вежды:
И то сказать — давно пора!

Посланник рая, ангел нежный,
В одежде дымной, белоснежной,
Стоял с блистающим челом
Перед монахиней прекрасной
И от врага с улыбкой ясной
Приосенял ее крылом.
Они счастливы, святы оба!
Довольно — ненависть и злоба
Взыграли демонской душой.
Он вышел твердою стопой.
Он вышел — сколько чувств различных,
С давнишних лет ему привычных,
В душе теснятся — сколько дум
Меняет недовольный ум!
Красавице погибнуть надо,
Ее не пощадит он вновь.
Погибнет: прежняя любовь
Не будет для нее оградой!

Свершилось! он опять таков,
Каким явился меж рабов
Великому царю вселенной
В часы той битвы незабвенной,
Где на преступное чело
Проклятье вечное легло.
Он ждет, у стен святых блуждая,
Когда останется одна
Его монахиня младая,
Когда нескромная луна
Взойдет, пустыню озаряя.
Он ожидает час глухой,
Текущий под ночною мглой,
Час тайных встреч и наслаждений
И незаметных преступлений,
Он к ней прокрадется туда,
Под сень обители уснувшей,
И там погубит навсегда

Предмет любви своей минувшей...
Лампада в келье чуть горит.
Лукавый с девою сидит,
И чудный страх ее объемлет.
Она, как смерть, бледнея внемлет.

Монахиня

Забыть волнение страстей
Я поклялась давно, ты знаешь;
К чему ж теперь меня смущаешь
Мольбою странною своей?
О, кто ты? — речь твоя опасна!
Чего ты хочешь?

Незнакомец

Ты прекрасна!

Монахиня

Кто ты?

Незнакомец

Я демон! — не страшись:
Святыни здешней не нарушу;
И о спасеньи не молись.
Не искушать пришел я душу.
К твоим ногам, томясь в любви,
Несу покорные моленья,
Земные первые мученья
И слезы первые мои.
Не отгоняй меня укором,
Не выжимай из груди стон:
Несправедливым приговором
Я на изгнанье осужден.
Не зная радости минутной,
Живу над морем и меж гор,
Как перелетный метеор,
Как степи ветер бесприютный.
И слишком горд я, чтоб просить
У бога вашего прощенья:
Я полюбил мои мученья
И не могу их разлюбить.
Но ты, ты можешь оживить
Своей любовью непритворной

Мою томительную лень
И жизни скучной и позорной
Непролетающую тень!

Монахиня

К чему мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне!
Ты виноват...

Незнакомец

Против тебя ли?

Монахиня

Нас могут слышать.

Незнакомец

Мы одне.

Монахиня

А бог?

Незнакомец

На нас не кинет взгляда,
Он занят небом, не землей.

Монахиня

А наказанье, муки ада?

Незнакомец

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы станем жить любя, страдая,
И ад нам будет стоить рая;
Оставь сомнения свои;
И что такое жизнь святая
Перед минутою любви?
Моя бессменная подруга,
Ты будешь разделять со мной
Века бессмертного досуга
И власть над бедною землей,
Где носит всё печать презренья,
Где меж людей, с давнишних лет,
Ни настоящего мученья,
Ни счастья без обмана нет.

Благословишь ты нашу долю,
Не будешь на меня роптать
И не захочешь грусть и волю
За рабство тихое отдать.

Монахиня

Оставь меня, о дух лукавый,
Оставь... не верю я врагу.
Творец... увы, я не могу
Молиться... тайною отравой
Мой ум слабеющий объят...
Но слушай, ты меня погубишь,
Твои слова огонь и яд,
Скажи, зачем меня ты любишь...

Незнакомец

Зачем, красавица? — увы,
Не знаю... Полон жизнью новой,
С своей преступной головы
Я гордо снял венец терновый.
Я всё былое бросил в прах;
Мой рай, мой ад в твоих очах;
Я проклял прежнюю беспечность;
С тобою розно мир и вечность
Пустые звучные слова,
Прекрасный храм — без божества.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты,
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты;
Люблю блаженством и страданьем,
Надеждою, воспоминаньем,
Всей роскошью души моей...
О, не страшись... но пожалей!..
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц чудных и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сниму венец я золотой,
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой;

Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью
И яркий перстень из агата
Надену на руку твою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я.
Чертоги светлые построю
Из бирюзы и янтаря...
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака
И дам тебе всё, всё земное,
Люби меня!..
И он слегка
Прижался страстными устами
К ее пылающим устам;
Тоской, угрозами, слезами
Он отвечал ее мольбам.
Она противиться не смела,
Слабела, таяла, горела
От неизвестного огня,
Как белый воск от взоров дня.
В то время сторож полуночный
Один, вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугунною доской.
Но возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Невнятный крик и слабый стон...
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика.
«То не отшельницы моленье!»
Подумал он, и до замка
Уже коснулся... тихо снова!
Ни слов, ни шума не слыхать...
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать...
Крестит дрожащими перстами

Мечтой взволнованную грудь
И молча, скорыми шагами
Свой прежний продолжает путь.

За час до солнечного всхода,
Еще высокий берег спал,
Вдруг зашумела непогода,
И океан забушевал;
И вместе с бурей и громами,
Как умирающего стон,
Раздался глухо над волнами
Зловещий колокола звон.
Не для молитвы призывали
Святых монахинь в тихий храм,
Не двум счастливым женихам
Свечи дрожащие пылали:
В средине церкви гроб стоял,
Досками черными обитый,
И в том гробу мертвец лежал,
Холодным саваном увитый.
Зачем не слышен плач родных
И не видать во храме их?
И кто мертвец? Едва приметный
Остаток прежней красоты
Являют бледные черты;
Уста закрытые бесцветны,
И в сердце пылкой страсти яд
Сии глаза не поселят,
Хотя еще весьма недавно
Владели пылкою душой,
Неизъяснимой, своенравной,
В борьбе безумной и неравной
Не знавшей власти над собой.
И нет тебя, младая дева!..
Как злак потопленных полей,
Добыча ревности и гнева,
Ты вдруг увяла в цвете дней!..
Напрасно будет солнце юга
Играть приветно над тобой,
Напрасно будет дождь и вьюга
Реветь над плитой гробовой.
Лобзанье юноши живое

Твои уста не разомкнет;
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает.

3

С тех пор промчалось много лет,
Пустела древняя обитель,
И время, вечный разрушитель,
Смывало постепенно след
Высоких стен; и храм священный,
Добыча бури и дождей,
Стал молчалив, как мавзолей,
Умерших памятник надменный.
Из двери в дверь во мгле ночей
Блуждает ветр освобожденный.
Внутри, на ликах расписных
И на окладах золотых,
Большой паук, отшельник новый,
Кладет сетей своих основы.
Не раз, сбежав со скал крутых,
Сайгак иль серна, дочь свободы,
Приют от зимней непогоды
Искала в кельях. И порой
Забытой утвари паденье
Среди развалины глухой
Их приводило в изумленье.
Но в наше время ничему
Нельзя нарушить тишину:
Что может падать, то упало,
Что мрет, то умерло давно,
Что живо, то бессмертно стало,
Но время вживе удержало
Воспоминание одно.

И море пенится и злится,
И сильно плещет и шумит,
Когда волнами устремится
Обнять береговой гранит.
Он вдался в море одиноко,
Над ним чернеет крест высокой.
Всегда скалой отражена,

Покрыта пылью белоснежной,
Теснится у волны волна,
И слышен ропот их мятежный,
И удаляются толпой,
Другим предоставляя бой.

Над тем крестом, над той скалою,
Однажды утренней порою
С глубокой думою стоял
Дитя Эдема, ангел мирный,
И слезы молча утирал
Своей одеждою сапфирной,
И кудри мягкие, как лен,
С главы венчанной упадали,
И крылья легкие, как сон,
За белыми плечьми сияли.
И был небесный свод над ним
Украшен радугой цветистой,
И волны с пеною сребристой
С каким-то трепетом живым
К скалам теснились вековым.
Всё было тихо. Взор унылый
На небо поднял ангел милый,
И с непонятною тоской
За душу грешницы младой
Творцу молился он, и, мнилось,
Природа вместе с ним молилась.

Тогда над синей глубиной
Дух отверженья и порока
Без цели мчался с быстротой
Новорожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул.

ДВА ОТРЫВКА, ВЫЧЕРКНУТЫХ ЛЕРМОНТОВЫМ ИЗ V РЕДАКЦИИ «ДЕМОНА»

После стиха 38

О море, море! как прекрасны
В блестящий день и в день ненастный
Его и рев и тишина!
Покрыта белыми кудрями,
Как серебром и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слуг окружена;
И как царица молодая
Течет одна между рабов,
Их скромных просьб, их нежных слов
Не слушая, не понимая.
Как я люблю с давнишних пор
Следить их буйные движенья
И толковать их разговор,
Живой и полный выраженья.
Люблю упорный этот бой
С суровым небом и землей.
Люблю беспечность их свободы,
Цепей не знавшей никогда,
Их бесконечные походы
Бог весть откуда и куда.
И в час заката молчаливый
Их раззолоченные гривы,
И бесполезный этот шум,
И эту жизнь без дел и дум,
Без гроба и без колыбели,
Без мук, без счастия, без цели.

После стиха 82

К чему? — одной минутой рая
Не оживет душа пустая!..
Бессильно светлый луч зари
На темной туче не гори:
Тебе ведь с ней не подружиться,
Ей ждать нельзя, она умчится,
Она громовою стрелой
Затмит покров твой золотой!

ДЕМОН

1838 года, сентября 8 дня

ЧАСТЬ I

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим;
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним;
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни страха, ни сомненья,
И не грозил душе его
Веков бесплодных ряд унылый;
И много, много — и всего
Припомнить не имел он силы!

С тех пор отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта.
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.

Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему!

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял;
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял;
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел — и хищный зверь и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели;
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,

И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчанные плющом;
Ущелья, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений;
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженные ночи;
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил:
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил;
Трудов и слез он много стоил
Рабам, послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор
От стен его ложатся тени;
В скале нарублены ступени,
Они от башни угловой
Ведут к реке; по ним, мелькая,
Покрыта белою чадрой, [1]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом:
Но пир большой сегодня в нем,
Звучит зурна́, [2] и льются ви́ны!
Гудал сосватал дочь свою,

[1] Белое покрывало.
[2] Род флейты.

На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг.
Средь игр и песен их досуг
Проходит; дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг.

И вот Тамара молодая
Берет свой бубен расписной;
В ладони мерно ударяя,
Запели все, — одной рукой
Кружа его над головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла мир земной;
Ее узорною повязкой
Играет ветер; как волна,
Нескромной думою полна,
Грудь подымается высоко;
Уста бледнеют и дрожат,
И жадной страсти полон взгляд,
Как страсть палящий и глубокий!
Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока!
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей алмазною росою
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишен был рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела!..

В последний раз она плясала.
Увы! заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,

Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто грустное сомненье
Темнило светлые черты;
Но были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны чудной простоты,
Что если б враг небес и рая
В то время на нее взглянул,
То, прежних братий вспоминая,
Он отвернулся б и вздохнул.

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг;
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук;
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!
И долго сладостной картиной
Он любовался; и мечты
О прошлом счастье цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой думой стал знаком,
В нем чувство вдруг заговорило
Родным, понятным языком.
То был ли признак возрожденья?..
Он подойти хотел — не мог!
Забыть? Забвенья не дал бог —
Да он и не взял бы забвенья!

На брачный пир к закату дня,
Измучив доброго коня,
Спешил жених нетерпеливый;
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжкой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:

Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван;
Ремнем затянут стройный стан,
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи, [1] — кругом она
Вся галуном обведена.
Цветными вышито шелками
Его седло, узда с кистями.
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти золотой;
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя, косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный:
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман;
Прибавил шагу караван.

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в боге
Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил,
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала;
Но презрел молодой жених
Обычай прадедов своих;
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмущал;
Он, в мыслях, под ночною тьмою

---

[1] Верхняя грузинская одежда.

Уста невесты целовал!
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! Что такое?
Привстав на звонких стременах,
Надвинув на́ брови папах,[1]
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк! и как орел
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчался в тишине долины!
Недолго продолжался бой,
Бежали робкие грузины.

И стихло всё. Теснясь толпой,
Верблюды с ужасом смотрели
На трупы всадников: порой
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван,
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица.
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт.
Не придут сестры с матерями,
Покрыты белыми чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест,
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Порой усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет.

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется будто к брани,

[1] Баранья шапка, персидская.

То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая,
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчаливый:
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремена,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун надежный господина
Из боя вынес как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала.

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный?
Кто бледный всадник у ворот?
Недолго жениха младого,
Невеста, взор твой ожидал.
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал;
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого.

На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:

«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный

Живой росой не упадет;
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет.
Он далеко; он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны
И стон и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой.

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада;
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участья
И беспечна, как они.

Лишь только ночь своим покровом
Долины ваши осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит,
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травою,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей,

И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распустится ночной,
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать!
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

Слова умолкли. В отдаленье
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг;
Невыразимое смятенье
В ее груди: печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравненье!
Все чувства в ней кипели вдруг,
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил,
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный —
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!

ЧАСТЬ II

«Отец, отец! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу, — видишь эти слезы, —
Уже не первые они!
Не буду я ничьей женою,
Скажи моим ты женихам;
Супруг мой взят сырой землею,
Другому сердца не отдам.
С тех пор как труп его кровавый
Мы схоронили под горой,
Меня тревожит дух лукавый
Неотразимою мечтой.
В тиши ночной меня тревожит
Толпа печальных, странных снов;
Молиться днем душа не может:
Мысль далеко от звука слов!
Огонь по жилам пробегает,
Я сохну, вяну день от дня.
Отец! душа моя страдает,
Отец мой, пощади меня!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою,
Там защитит меня спаситель,
Пред ним тоску мою пролью;
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня».

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё беззаконною мечтой
В ней сердце билося, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы божественного пенья,
Знакомая среди моленья
Ей часто слышалася речь;

Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама:
Он так смотрел! *он* так манил!
Он, мнилось, так несчастлив был!

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой:
Чинар и тополей рядами
Он окружен был, и порой,
Когда ложилась ночь в ущелье,
Сквозь них мерцала в окнах кельи
Лампада грешницы младой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И, под нависшею скалой
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дале меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэцины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались;
А в час заката одевались
Они румяной пеленой.

И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

Но Демон огненным дыханьем
Тамары душу запятнал,
И божий мир своим блистаньем
Восторга в ней не пробуждал.
Страсть безотчетная как тенью
Жизнь осенила перед ней;
И стало всё предлог мученью,
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумьи упадет
И плачет, и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье,
Сквозь шум далекого ручья
И трель живую соловья.
Бывало, разбросав на плечи
Волну кудрей своих, она
Стоит без мысли, холодна, —
И странные лепечут речи
Ее дрожащие уста;
И грудь желание волнует,
И чудный призрак всё рисует
Пред нею в сумраке мечта.
Утомлена борьбой всегдашной,
Склонится ли на ложе сна —
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она.

. . . .
. . . .

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел;
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел;

Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив у стены высокой
Он бродит. От его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет:
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингуры [1] стройное бряцанье
И звуки песни раздались.
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена.
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз.
Он хочет в страхе удалиться —
Его крыло не шевелится!
И чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень
Слезою жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой.

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра;
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.

[1] Род гитары.

Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом.
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор.

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет.
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»

Ему в ответ
Злой дух коварно усмехнулся,
Зарделся ревностию взгляд,
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.
«Она моя, — сказал он грозно, —
Оставь ее, она моя;
Отныне жить нельзя нам розно,
И ей, как мне, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложил печать мою;
Здесь больше нет твоей святыни,
Здесь я владею и люблю! . .»
И ангел грустными очами
На жертву бедную взглянул
И медленно, взмахнув крылами,
В эфире неба потонул.

. . . .

Тамара

О! кто ты? речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?

Демон

Ты прекрасна.

Тамара

Но молви! кто ж ты? Отвечай...

Демон

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит,
Едва надежда расцветет,
Я тот, кого никто не любит
И всё живущее клянет;
Ничто пространство мне и годы,
Я бич рабов моих земных,
Я враг небес, я зло природы, —
И, видишь, я у ног твоих.
Тебе принес я в умиленье
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои;
О, выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! только выслушай, молю;
Я раб твой, я тебя люблю!

Когда я в первый раз увидел
Твой чудный, твой волшебный взор,
Я тайно вдруг возненавидел
Мою свободу, как позор.

Своею властью недовольный,
Я позавидовал невольно
Неполным радостям людей;
В бескровном сердце луч нежданный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Вдруг шевельнулася, как змей.
Что без тебя теперь мне вечность,
Моих владений бесконечность?
Пустые, звучные слова;
Обширный храм — без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу!
Творец — увы! я не могу
Молиться; тайною отравой
Мой ум слабеющий объят.
Послушай, ты меня погубишь!
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь?

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я всё былое бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты!
В душе моей с начала мира
Твой образ был напечатлен;
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно, тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало —
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало!

О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века, без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья!
Жить для себя, скучать собой,
И этой долгою борьбой
Без торжества, без примиренья;
Всегда жалеть — и не желать;
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть;
Стараться всё возненавидеть —
И всё на свете презирать!

Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство,
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно:
Они текли в венцах из злата!
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,
Увы, я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? зачем?
Не знаю, — прежними друзьями
Я был отвергнут, как эдем,
Мир для меня стал глух и нем:
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,

Летит без цели и следа
Бог весть откуда и куда!
Как часто на вершине льдистой,
Один меж небом и землей,
Под кровом радуги огнистой
Сидел я мрачный и немой,
И белогривые метели,
Как львы, у ног моих ревели;
Как часто, подымая прах,
В борьбе с могучим ураганом,
Одетый молньей и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спастись от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской,
Грядущих, прошлых поколений,
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут —
Надежда есть, — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень, —
Мечтаний прежних и страстей
Несокрушимый мавзолей!

Тамара

Зачем мне знать твои печали?
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать! ..

Демон

Мы одне.

Тамара

А бог?

Демон

На нас не кинет взгляда;
Он занят небом — не землей!

Тамара

А наказанье — муки ада?

Демон

Так что ж? ты будешь там со мной.
Мы, дети вольные эфира,
Тебя возьмем в свои края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга вечная моя.
Без сожаленья, без участья
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты;
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить,
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.

Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут и стынет кровь.
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
И пусть другие б утешались
Ничтожным жребием своим:

Их думы неба не касались,
Мир лучший недоступен им.
Но ты, прекрасное созданье,
Не в жертву им обречена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина.
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе;
Пучину гордого познанья
Взамен открою я тебе.
О! верь мне! Я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг:
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик!
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам,
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой.
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою.
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря.
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня!

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам,

И лести сладкими речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи;
Он жег ее; во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал...
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно кровь ее проник;
Мучительный, но слабый крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой!..

В то время сторож полуночный
Один вокруг стены крутой,
Когда ударил час урочный,
Бродил с чугунною доской;
И под окошком девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугунной,
Смутясь душой, остановил;
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Чуть внятный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика;
Но пронеслось еще мгновенье,
И смолкло всё. Издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами

Мечтой взволнованную грудь
И молча скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

. . . .

Как пери спящая мила,
Она в гробу своем лежала.
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы —
Но кто б, взглянувши, не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали —
Нет, смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!
И всё, где пылкой жизни сила
Так внятно чувствам говорила,
Теперь один ничтожный прах;
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши на устах;
Но темен, как сама могила,
Печальный смысл улыбки той:
Что в ней? Насмешка ль над судьбой,
Непобедимое ль сомненье?
Иль к жизни хладное презренье?
Иль с небом гордая вражда?
Как знать? для света навсегда
Утрачено ее значенье!
Она невольно манит взор,
Как древней надписи узор,
Где, может быть, под буквой странной
Таится повесть прежних лет,
Символ премудрости туманной,
Глубоких дум забытый след.
И долго бедной жертвы тленья
Не трогал ангел разрушенья;

И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама!

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд:
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею...

Уж собрались в печальный путь
Друзья, соседи и родные.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня —
И поезд двинулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.

Один из праотцев Гудала,
Грабитель путников и сел,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоилися там.
И превратилася в кладбище
Скала, родная облакам,

Как будто ближе к небесам
Теплей последнее жилище!

Едва на жесткую постель
Тамару с пеньем опустили,
Вдруг тучи гору обложили,
И разыгралася метель;
И громче хищного шакала
Она завыла в небесах
И белым прахом заметала
Недавно вверенный ей прах.
И только за скалой соседней
Утих моленья звук последний,
Последний шум людских шагов,
Сквозь дымку серых облаков
Спустился ангел легкокрылый
И над покинутой могилой
Приник с усердною мольбой
За душу грешницы младой.
И в то же время царь порока
Туда примчался с быстротой
В снегах рожденного потока.
Страданий мрачная семья
В чертах недвижимых таилась;
По следу крыл его тащилась
Багровой молнии струя.
Когда ж он пред собой увидел
Всё, что любил и ненавидел,
То шумно мимо промелькнул
И, взор пронзительный кидая,
Посла потерянного рая
Улыбкой горькой упрекнул...

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,

Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет,
И голосов нестройный гул
Теряется; и караваны
Идут гремя издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река;
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботное дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы;
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы:
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет,
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,
То вдруг совьется в три кольца,
То ляжет длинной полосою
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле грозных сеч,
Ненужный падшему герою...
Всё дико. Нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала...
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!
И там, где кости их истлели,
На рубеже зубчатых льдов,

Гуляют ныне лишь метели
Да стаи вольных облаков;
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Я кончил — и в груди невольное сомненье!
Займет ли вновь тебя давно знакомый звук,
Стихов неведомых задумчивое пенье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный друг?

Пробудится ль в тебе о прошлом сожаленье?
Иль, быстро пробежав докучную тетрадь,
Ты только мертвого, пустого одобренья
Наложишь на нее холодную печать;

И не узнаешь здесь простого выраженья
Тоски, мой бедный ум томившей столько лет;
И примешь за игру иль сон воображенья
Больной души тяжелый бред...

ДЕМОН

Первоначальный вариант VI-й редакции.
Стихи, не вошедшие
ни в одну из других редакций поэмы.

Ереванский список. После ст. 163

В уме холодном и печальном
Воскресли мертвые мечты
О прежних днях, о рае дальном.

Перед ст. 177

Что пользы? рано или поздно
Она моя! — сказал он грозно.

После ст. 315

«Взгляни на свод небес широкий:
Там беззаботно как всегда
Блуждают в синеве высокой
Светил свободные стада;
О скалы хладные цепляясь
Всё так же бродят облака, —
На пир роскошно колебаясь.
То развиваясь, то свиваясь
Как будто перья шишака, —
И пляской заняты воздушной
На землю смотрят равнодушно: —
На пир, красавица, взгляни,
Будь равнодушна, как они».

После ст. 383

С тех пор — ты помнишь — труп кровавый
К нам верный конь его примчал,
С тех пор какой-то дух лукавый
Мой ум волшебною отравой
Незримой цепью оковал.

После ст. 491

Тогда рукою беспокойной
Вдоль по струнам чонгуры стройной
Нетерпеливо пробежит.

И звучной песнею старинной
Молчанье келии пустынной
Как бы волшебством оживит.
И перед ней былые годы,
Лета ребяческой свободы
Толпою ласковой встают,
И улыбаются, зовут...
И вновь кругом мелькают тени.
И замолчав, сидит она,
Как бы одно из тех видений
И неподвижна и бледна...

После ст. 533

Но кратко было заблужденье!
Глядит, Тамара перед ним
Мила, как первый херувим,
Как первая звезда творенья...
Но горе! юная княжна
В светлице тихой не одна:
Посланник рая — Ангел нежный,
В одежде длинной, белоснежной,
Стоит с блистающим челом
Перед Грузинкою прекрасной,

Вместо ст. 786—799

Стучало сердце в ней, как молот.
По слабым членам смерти холод
Промчался гибельной струей,
И стон последнего страданья
За звуком первого лобзанья
В груди раздался молодой...

После ст. 868

Спи непробудно, ангел милый;
Да воцарится тишина
Над девственной твоей могилой!
И мир душе твоей унылой,
Где б ни носилася она.
Земля недолго обладала
Твоей небесной красотой;
Но больше многих ты страдала.
Любила более иной.
Твой жребий было исключенье

МАСКАРАД

<Ранняя редакция>

‹*ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ*›[1]

<I СЦЕНА>

<ВЫХОД ТРЕТИЙ>

Арбенин

А думаешь: глупец?..
Он ждет себе, а я...

Нина

Ах, мой творец!
Да ты всегда не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет... я буду жить с тобой
И для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?

---

[1] Начало отсутствует. — *Ред.*

Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу...
Скажи лишь просто мне, как другу... но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь... но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!..

Арбенин

(улыбаясь)

Как быть? Я жить привык беспечно,
И ревновать смешно.

Нина

Конечно.

Арбенин

Ты сердишься?

Нина

Нет, я благодарю.

Арбенин

Ты опечалилась.

Нина

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

Арбенин

Нина!

Нина

Что вы?

Арбенин

Послушай... нас одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, может быть;
Не мне и не тебе судить.

(Привлекает к себе на колена и целует.)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой,
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь, верю я,
Но безотчетно, чувствами играя
И ре́звясь, как дитя.
Но я люблю иначе. Я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал.
Любил я часто, чаще ненавидел,
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно́ закрыл объятья
Для чувств и сча́стия земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный!
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.

Нина

Ты странный человек! Когда красноречиво
Ты про любовь свою рассказываешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет живо,
Тогда всему я верю без труда.
Но часто...

Арбенин

...Часто?

Нина

...Нет! но иногда!..

Арбенин

Я сердцем слишком стар, ты слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ровно,
И помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.

Нина

Опять ты недоволен... Боже мой!..

Арбенин

О нет!.. я счастлив, счастлив... я жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и злой
Я целовать могу твои уста и очи,
И сладострастье первой ночи
Теперь постигнуто лишь мной.
Оставим прежнее забвенью;
Вознагражден судьбою я вполне,
И если б мог творец завидовать творенью,
То позавидовал бы мне.

(Целует ее руки и вдруг на одной не видит браслета, останавливается и бледнеет.)

Нина

Ты побледнел, дрожишь... О боже!

Арбенин

(вскакивает)

Я? ничего! где твой другой браслет?

Нина

Потерян.

Арбенин

А! потерян.

Нина

Что же!
Беды великой в этом нет.
Он двадцати рублей, конечно, не дороже,

Арбенин

Потерян...

(про себя)

отчего я этим так смущен;
Какое странное мне шепчет подозренье!
Ужель то было только сон,
А это пробужденье!..

Нина

Тебя понять я, право, не могу.

Арбенин

(пронзительно на нее смотрит, сложив руки)

Браслет потерян?

Нина

(обидясь)

Нет! я лгу!..

Арбенин

(про себя)

Но сходство! сходство.

Нина

Верно, уронила
В карете я его, — велите обыскать;
Конечно б, я его не смела взять,
Когда б вообразила...

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние, **слуга**.

Арбенин

(звонит)

Слуга входит.

(Слуге.)

Карету обыщи ты вдоль и поперек.
Потерян там браслет... избави бог
Тебя вернуться без него!

(Ей.)

Тут дело
О счастии моем идет,
О жизни и о чести.

(После паузы.)

Слуга уходит.

(Ей.)

Но если ж он и там браслета не найдет?

Нина

Так, стало быть, в другом он месте!

Арбенин

В другом? и где — ты знаешь?

Нина

В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу такой же точно новый.

Слуга входит.

Арбенин

Ну что?.. скорее отвечай...

Слуга

Я перешарил всю карету-с.

Арбенин

И не нашел там.

Слуга

Нету-с.

Арбенин

Я это знал... ступай.

(Значит<ельно> взгляд<ывает> на нее.)

Слуга

Конечно, в маскераде он потерян.

Арбенин

А!.. в маскераде!.. так вы были там.

(Слуге.)

Иди...

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме слуги.

Арбенин

(ей)

Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уверен,
Что мне тогда иметь позволили бы честь
Вас проводить туда и вас домой отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей.
С кем были вы?

Нина

Спросите у людей;
Они вам скажут всё, и даже с прибавленьем.
Они по пунктам объяснят,
Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарила,
И вы узнаете всё лучше во сто крат,
Чем если б съездили вы сами в маскерад...

(Смеется.)

Смешно, смешно, ей-богу!
Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех!..

Нина

О, если ваши продолжатся бредни...
То это, верно, не последний.

Арбенин

Кто знает... может быть...
Послушай, Нина!.. Я смешон, конечно,
Тем, что люблю тебя так сильно, бесконечно,
Как только может человек любить.
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион.
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науки погружен,
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь...
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился.
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша был скукою томим.
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, это ты:
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь... улыбка... взор... дыханье...
Я человек: пока они мои,
Без них нет у меня ни бога, ни души,
Ни чувства, ни существованья,
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно...
Послушай, Нина!.. я рожден
С душой кипучею, как лава:

Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться... тогда,
Тогда не ожидай прощенья.
Закона я на месть свою не призову,
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!..

(Хочет взять ее за руку.)

Она отскакивает в сторону.

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!

Арбенин

Неужели?..
Я страшен?.. нет, ты шутишь... я смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... Зачем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать?.. скорее, где же он,
Любовник пламенный, игрушка маскерада?
Пускай потешится, придет;
Вы дали мне вкусить почти все муки ада,
И этой лишь недостает.

Нина

Так вот какое подозренье!
И этому всему виной один браслет.
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!

Арбенин

Да! смейтесь надо мной, вы, все глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья,
Которых некогда обманывал и я;
Которые меж тем живете, как святые
В раю... увы!.. но ты, мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю всё.

(Ей.)

Прочь от меня, гиена!
И думал я, глупец, что, тронута, с тоской,

С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется... и сам был на колена
Пред ней готов упасть, когда бы увидал
Одну слезу... одну... нет! смех был мне ответом.

Нина

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам: я не виновна в этом...
Жалею, хоть помочь вам не могу,
И чтоб утешить вас, конечно, не солгу.

Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... довольно.

Нина

Но слушай... я невинна.

Арбенин

Пусть.

Нина

Но слушай: я клянуся.

Арбенин

Наизусть
Я знаю всё, что скажешь ты.

Нина

Мне больно
Твои упреки слушать... я люблю
Тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю;
О боже, но чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести.

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И право, мне вы надивитесь.

Нина

Не мне ль... что ж медлишь ты?

Арбенин

Геройство к вам нейдет...

Нина

(с презрением)

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

(берет руки)

В последний раз, Евгений, в эту ночь
Клянуся: я невинна.

Арбенин

Прочь, прочь, прочь!..

Нина

О, перестань... ты ревностью своею
Меня убьешь... о, сжалься... ах! я не умею
Просить... и ты неумолим... но я и тут,
И тут тебе прощаю.

Арбенин

Лишний труд.

Нина

Однако есть и бог... он не простит.

Арбенин

Жалею!

Она в слезах уходит.

(Один.)

Вот женщина! о, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познанье мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить,
За то ль, что у меня и вид и голос грозный!..

(Подходит к двери жены и слушает.)

Что делает она? смеется, может быть!..
Нет, плачет.

(Уходя.)

Жаль, что поздно!..

2 СЦЕНА 2 АКТА

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Комната у баронессы.
Пехотный полковник и барон<есса>, потом князь Звездич.

Баронесса

(привставая)

Давно ль решились вы мне сделать эту честь.
Где пропадали вы? — два месяца предлинных.
С тех пор...

Полков<ник>

Я болен был дней шесть.
А после служба всё.

Баронесса

О!.. служба враг гостиных.

Князь Звездич входит.

(Очень холодно.)

Ах, князь!..

Князь

Я был вчера у вас
С печальной новостью, что наш пикник расстроен.

Баронесса

Прошу садиться, князь!

Князь

Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы... но вид ваш так спокоен.

Баронесса

Мне, право, жаль.

Князь

А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за маскерад.

Полковник

Вчерась вы были в маскераде?

Князь

Был.

Баронесса

(укрощая улыбку)

А в каком наряде?
Там было много?

Князь

О, толпа! и там
Под маской я узнал иных из наших дам:
Конечно, всё охотницы рядиться.

(Смеется.)

Баронесса

(горячо)

Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смешна.
Как женщине порядочной решиться
Отправиться туда, где всякий сброд,
Где всякий ветреник обидит, осмеет,

Рискнуть быть узнанной... вам надобно стыдиться,
Отречься от таких нескромных слов.

Князь

Отречься не могу, стыдиться же готов.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Прежние и Нина входит в шляпе.

Нина

Каталась я в санях, и мне пришла идея
К тебе заехать, mon amour.[1]

Баронесса

C'est une idée charmante, vous en avez toujours![2]

(Садяся.)

Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мороз,
И красные глаза... конечно, не от слез!..

Нина

Я дурно ночь спала.

Полковник

Позвольте, баронесса,
Не удалося слышать вам
Конец пречудный моего процесса.

Баронесса

Нет.

Полковник

Да-с, беда, кто не привык к делам.

(Рассказывает.)

Князь подходит к Нине.

[1] моя любовь (франц.). — *Ред.*
[2] Мысль превосходная, как и всегда у вас! (франц.). — *Ред.*

Князь

(всматрив<аясь>)

Ошибка или нет, а странно в самом деле.

(Ей.)

Какой у вас премиленький браслет.
Но отчего другого нет?

Нина

Другой?.. потерян...

Князь

А!

(Ей.)

И не секрет
Когда?

Нина

Третьева дни, вчера... на той неделе.
Зачем вам знать, когда.

Князь

Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть может.

(В сторону.)

Смущается она — вопрос ее тревожит!..
Ох, эти скромницы!

(Ей.)

Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может отыскаться.

Нина

Пожалуйста... но где?

Князь

А где ж потерян он?

Нина

Не помню.

Князь

Как-нибудь на бале?

Нина

Может статься.

Князь

Или кому-нибудь на память подарен?

Нина

Откуда вывели такое заключенье?
И подарю его кому ж?
Не мужу ль?

Князь

Будто в свете только муж.
Приятельниц у вас толпа, в том нет сомненья.
Но пусть потерян он, — а тот,
Который вам его найдет, —
Получит ли от вас какое награжденье?

Нина

(улыбаясь)

Смотря...

Князь

Но если он
Вас любит, если в вас потерянный свой сон
Он отыскал, — и за улыбку вашу, слово
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если сами,
Не узнаны под маскою, его
Ласкали вы любви словами.
Но поймите же.

Нина

Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покорно вас.

Князь

О боже — я мечтал... ужель вы рассердились?

(Про себя.)

Ты отвертелася! добро... но будет час,
И я своей достигну цели.

Нина не отвечает, подходит к баронессе. Полковник раскланивается и уходит.

Нина

Adieu, ma chère,[1] — до завтра, мне пора.

Баронесса

Помилуй, милая, с тобой мы не успели
Сказать двух слов.

(Целуются.)

Нина

(уходя)

Я завтра жду тебя с утра.

(Уходит.)

Баронесса

Мне день покажется длинней недели.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Прежние, кроме Нины и полковника.

Князь

(в сторону)

Я отомщу тебе! Вот скромница нашлась.
Пожалуй, я дурак — пожалуй, отречется,
Но я узнал браслет.

Баронесса

Задумалися, князь?

---

[1] Прощай, дорогая (франц.). — *Ред.*

Князь

Да, многое раздумать мне придется.

Баронесса

Как кажется, ваш разговор
Был оживлен... о чем был спор?

Князь

Я утверждал, что встретил в маскараде.

Бар<онесса>

Кого?

Князь

Ее.

Баронесса

Как!.. Нину?

Князь

Да!..

Баронесса

Она созналась?..

Князь

Как же...

Баронесса

Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злословить ради.

Князь

Из странности решаюсь иногда.

Баронесса

Прекрасно, только друг нас не бранит заочно.
Но я не верю: доказательств нет?

Князь

Нет... только мне вчера был дан браслет,
И у нее такой же точно.

Баронесса

Вот доказательство... Логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!

Князь

Я нынче все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.

Баронесса

(после молчания)

Я завтра ж дам совет полезный Нине
Не доверяться болтунам.

Князь

А мне совет какой?

Баронесса

А вам? —
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью дам.

Князь

За два совета благодарен вдвое!

(Уходит.)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Баронесса

(одна в задумчивости)

Ага! Madame Арбенин, вы
Всё взяли на себя по дружбе, добровольно,
Так пусть падет на вас и мщение молвы,
И мщение мое... подумать больно,
Как честью женщины так ветрено шутить?
Откройся я ему — со мной бы было то же!
Итак, прощайте, князь... не мне вас выводить
Из заблуждения, о нет, избави боже.
Одно лишь странно мне, как я найти могла
Ее браслет... а Нина там была,
И вот разгадка всей шарады...
Не знаю отчего, а я его люблю;

Быть может так, от скуки, от досады,
От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!
Она меня узнает — расскажу
Везде, унижу, пристыжу
Охотницу до нежных предприятий!

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Баронесса и Шприх.
Шприх входит и раскланивается.

<Баронесса>

Ах, Шприх, ты вечно кстати!

Шприх

Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен.
Покойный ваш супруг...

Баронесса

Всегда ль ты так любезен!

Шприх

Блаженной памяти барон...

Баронесса

...тому назад
Лет пять, я помню.

Шприх

Занял тысяч...

Баронесса

Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.

Шприх

Мне-с нужды в деньгах нет,
Помилуйте-с, я так, случайно, вспоминаю.

Баронесса

Скажи, что нового?

Шприх

У графа одного
Наслушался... сейчас лишь вышел,
Историй в свете тьма.

Баронесса

А ничего
Про князя Звездича с Арбениной не слышал?

Шприх

(в недоумении)

Нет — слышал — как же — нет.
Про это знает целый свет!..

(В сторону.)

А что, бишь, я не помню, вот ужасно!

Баронесса

О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.

Шприх

Но я б желал узнать, как вы об этом
Изволите судить.

Баронесса

Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить советом —
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,
Когда они сквозь тысячу преград
К своей стремятся героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболе.
Прощайте, мосье Шприх; обедать ждет меня
Сестра, а то б осталась с вами доле.

(Уходя, в сторону.)

Я ей полезный дам урок.

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Шприх
(один)

Не беспокойтеся: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота, ума соображенья!
Тут есть интрига, да, устрою эту связь;
Мне благодарен будет князь,
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж авось тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

1 СЦЕНА

<ВЫХОД ПЕРВЫЙ>

В доме Арбенина, его кабинет.
Арбенин и Нина.

Нина

Евгений, ты со мной не едешь?

Арбенин

Нет.

Нина

Ты виноват передо мною
И должен извиниться.

Арбенин

Всей душою
Прощенья рад просить.

Нина

Потерянный браслет
Тебя уж больше не тревожит?

Арбенин

Меня?

Нина

Ну да, тебя.

Арбенин

Быть может.

Нина

Быть может! Это не ответ,
И для меня укор обидный.
Ты должен подойти меня поцеловать
И весело сказать:
«Я виноват, мой друг, мне стыдно,
Мое ребячество смешно;
Но за любовь мою в глазах твоих оно
Найдет прощение».

Он ее целует.

Вот так бы уж давно.

Арбенин

(подходит и целует два раза)

Я виноват, мне стыдно.
Мое ребячество смешно.

Нина

Ты это говоришь как будто поневоле.

Арбенин

Я повинуюся, чего ж ты хочешь боле?

Нина

Нет, вижу я, намеднишний твой бред
Не вовсе кончился — тебе не жалко было
Довесть меня до слез... за что же, за браслет.
И дуться целый день потом — как это мило.

Арбенин

Не правда ль мило?..

Нина

Нынче же куплю
Такой же точно непременно.

Арбенин

Весьма обязан.

Нина

Только б совершенно
Тебя утешить.

(Уходит.)

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин один. Потом лакей.

Арбенин

Я ее люблю,
И в этом звуке все мученья.
Что делать... брошу подозренья,
Забуду всё, скажу себе:
Она чиста, как голубь, — как судьбе
Ей вверюся с закрытыми глазами
И буду счастлив... Пусть пред нами
Клокочут клеветы, я буду спать в грозу.
О жизнь завидная!

Лакей

(входит)

Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от княгини.

Арбенин

Да от какой?

Слуга

Не разобрал-с.

Арбенин

Записка? к Нине!

(Идет.)

Слуга остается.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Афанасий Павлов<ич> Казарин и слуга.

Слуга

Сейчас лишь барин вышел-с, подождите
Немного-с.

Казарин

Хорошо.

Слуга

Я тотчас доложу-с.

(Уходит.)

Казарин

Ждать я готов хоть год, когда хотите,
Мосье Арбенин, и дождусь!..
Вы опытны; но ведь и мы не дети.
Не ускользнет от нашей сети
Неукротимый этот зверь.
Иль никогда — или теперь!
Один уж я не лажу с ними;
Товарищ ловкий нужен мне.
Арбенин смел, с талантами большими,
Богат приятель мой вполне
И будет верен старине!..

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Казарин и Шприх.
Входит Шприх.

Казарин

Шприх!

Шприх

Афанасий Павлович, — вот чудо.
Ах, как я рад — не думал встретить вас.

Казарин

Я также — ты с визитом?

Шприх

Да-с,

А вы?

Казарин

Я также!

Шприх

Право, — а не худо,
Что мы сошлись, — о деле об одном
Поговорить мне нужно б с вами.

Казарин

Бывало, ты всё занят был делами.
А делом в первый раз.

Шприх

Bon mot[1] вам нипочем,
А, право, нужное.

Казарин

Мне также очень нужно
С тобой поговорить.

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

Казарин

Не знаю... говори!..

Шприх

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...

(Делает пальцами изображение рогов.)

Казарин

Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь...

---

[1] Острое слово (франц.). — *Ред.*

Шприх

Мой создатель!
Я сам улаживал — тому лишь пять минут;
Кому же знать?

Казарин

Бес вечно тут как тут.

Шприх

Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскераде встретилась с одним
Князьком. Ему она довольно показалась,
И очень скоро князь стал счастлив и любим.
Но вдруг красотка перед ним
От прежнего чуть-чуть не отклепалась.
Взбесился князь — и полетел везде
Рассказывать — того смотри, что быть беде!
Меня просили сладить это дело...
Я принялся — и разом всё поспело;
Князь обещал молчать... записку навалял,
Покорный ваш слуга слегка ее поправил
И к месту тотчас же доставил.

Казарин

Смотри, чтоб муж тебе ушей не оборвал.

Шприх

В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...

Казарин

И даже не был бит?

Шприх

У вас всё шутка, смех...
А я всегда скажу, что жизнию без цели
Не должно рисковать.

Казарин

И в самом деле
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий грех.

Шприх

Но это в сторону. — Ведь я об важном с вами
Хотел поговорить.

Казарин

Что ж это?

Шприх

Анекдот.
А дело вот в чем.

Казарин

Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.

Шприх

Нет никого — мне привезли недавно
От графа Врути пять борзых собак.

Казарин

Твой анекдот, ей-богу, презабавный.

Шприх

Ваш брат охотник, вам купить бы славно.

Казарин

Итак, Арбенин как дурак...

Шприх

Послушайте.

Казарин

Попал впросак,
Обманут и осмеян явно.
Женитесь после этого.

Шприх

Ваш брат
Находке этой был бы рад.

Казарин

В женитьбе верность, счастие — всё враки.
Эй, не женися, Шприх.

Шприх

Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно — вот клад.

Казарин

Жена?

Шприх

Собака.

Казарин

Вот дались собаки!
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю, как жену — что бог даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.

Арбенин входит с письмом, они стояли налево у бюро, а он их не видал.

Задумчив и с письмом, узнать бы интересно.

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние и Арбенин.

Арбенин
(не замечая их)

О благодарность! и давно ли я
Спас честь его и будущность? не зная
Почти, кто он таков, — и что же, — о! змея!
Неслыханная низость! он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого преступленья;
Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как странный сон,
Забудет он свое ночное приключенье!
Он не забыл, он стал искать и отыскал,
И тут — не мог остановиться...
Вот благодарность!.. много я видал

На свете, а пришлось еще дивиться.

(Перечитывает письмо.)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». — Скромность кстати чрезвычайно;
«Вы правы... что страшней молвы?
Подслушать нас могли б случайно.
Так, не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных глазах.
Вы тайны любите... и это будет тайной!..
Но я скорей умру, чем откажусь от вас».

Шприх

Письмо! так, так, оно... пропало всё как раз!..

Арбенин

Ого! — искусный соблазнитель — право,
Мне хочется послать ему ответ кровавый.

(Казар<ину>.)

А! ты был здесь.

Казарин

Я жду уж целый час.

Шприх

(в сторону)

Отправлюсь к баронессе, пусть хлопочет
И рассыпается как хочет.

(Уходит незамечен.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Прежние, кроме Шприха.

Казарин

Мы с Шприхом... где же Шприх?
Пропал.

(В сторону.)

Письмо! так вот что! понимаю!

(Ему.)

Ты в размышленье.

Арбенин

Да, я размышляю.

Казарин

О бренности надежд и благ земных?

Арбенин

Почти! о благодарности.

Казарин

Есть мненья
Различные на этот счет.
Но что б ни думал этот или тот,
А всё предмет достоин размышленья.

Арбенин

Твое же мнение?..

Казарин

Я думаю, мой друг,
Что благодарность вещь, которая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в нашей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что тысяч пять,
И я, ей-богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Всё думаю об нем.

Арбенин

Ты шутишь всё, Казарин.

Казарин

Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно.
Но сделай милость, брат, оставь ты вид свой грозный!
Мое ты хочешь слышать мненье
О благодарности... изволь: возьми терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Декарт,
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк: рок мечет — я играю,
И правила игры я к людям применяю.
И вот теперь пример

Для поясненья этих правил:
Пусть разом тысячу я на туза поставил:
Так, по предчувствию, — я в картах суевер,
Католик,
Вот с трепетом кладу свой туз на страшный столик,
Он выиграл — я очень рад.
Но всё никак туза благодарить не стану
И молча загребу свой клад.
И буду гнуть да гнуть, покуда не устану:
А там, барыш с потерею расчел...
И карту смятую — под стол.
Теперь... но ты не слушаешь, мой милый?

Арбенин

(в размышлении)

Повсюду зло — везде обман,
И я намедни, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как всё это было!

Казарин

(в сторону)

Задумался.

(Ему.)

Теперь мы перейдем
К другому казусу — и дело разберем;
Положим, например, в игру или разврат
Ты б захотел опять пуститься,
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат»,
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, послушаешь его;
Ему поклон и многи леты;
И если он тебя от пьянства удержал,
То напои его сейчас без замедленья
И в карты обыграй в обмен за наставленье.
А от игры он спас... так ты ступай на бал.
Влюбись в его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтоб с мужем расплатиться.
В обоих случаях ты будешь прав, дружок,
И только что отдашь уроком за урок.

Арбенин

Ты славный моралист!

(В сторону.)

Так, это всем известно.
А, князь... за ваш урок я заплачу вам честно!

Казарин

(не обращая внимания)

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью, может быть.
Ты окружил ее забавами и лестью.
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это делал всё из страсти
И самолюбия, отчасти;
Чтоб ею обладать, ты отдал всё,
А не для счастия ее...
Да, — пораздумай-ка об этом хладнокровно
И скажешь сам, что в мире всё условно.

Арбенин

(расстроенно)

Да, да, ты прав, что женщине в любви?
Победы новые ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли,
Смешон ей вид и голос твой плачевный,
Ты прав; глупец, кто в женщине одной
Мечтал найти свой рай земной.

Казарин

Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.

Арбенин

Право?

Казарин

А разве нет?

Арбенин

О! счастлив... да...

Казарин

Я очень рад,
Однако ж всё мне жаль, что ты женат!

Арбенин

А что же?

Казарин

Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой...
Кутили мы, в чью голову — не знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... утром отдых, нега,
Воспоминания приятного ночлега...
Потом обед — вино, Парижа честь...
В граненых кубках пенится и блещет.
Беседа шумная, острот не перечесть,
Потом в театр... душа трепещет
При мысли, как с тобой вдвоем из-за кулис
Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Всё было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе;
На картах золото насыпано горой.
Тот весь горит — другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма!
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника уменьем,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим с смиреньем —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.

Арбенин упадает на стул.

Арбенин

О! кто мне возвратит вас... буйные надежды...
Вас, нестерпимые, но пламенные дни.
За вас отдам я счастие невежды;

Беспечность и покой — не для меня они! ..
Мне ль быть супругом и отцом семейства,
Мне ль — мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодейства
И перед их лицом ни разу не дрожал?
Прочь, добродетель, — я тебя не знаю...
Я был обманут и тобой
И краткий наш союз отныне разрываю,
Прощай — прощай.

(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой! ..

2 СЦЕНА

Комната у князя.
Дверь в другую растворена. Он в другой спит на диване.

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Иван, потом Арбенин.
Слуга смотрит на часы.

Иван

Седьмой уж час почти в исходе...
А в восемь приказал себя он разбудить.
Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее...
Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.

Арбенин входит.

Арбенин

Князь дома?

Слуга

Дома нет-с.

Арбенин

Неправда.

Слуга

Пять минут
Тому назад уехал.

Арбенин

(прислушивается)

Лжешь, он тут
(показывает на кабинет),
И, верно, сладко спит: прислушайся, как дышит.

(В сторону.)

Но скоро перестанет.

Слуга

(в сторону)

Он всё слышит...

(Ему.)

Себя будить мне князь не приказал.

Арбенин

Он любит спать... тем лучше: приведется
И вечно спать.

(Слуге.)

Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он проснется!..

Слуга уходит.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин

(один)

Удобный миг настал!.. теперь иль никогда.
Теперь я всё свершу, без страха и труда...
Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой оскорбленье,
Запав, приносит плод... О! я не их слуга,
Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, при них я вызвал бы врага,
Они б смеялися... теперь не засмеются!

О нет! я не таков... позора целый час
На голове своей не потерплю я даром.

(Растворяет дверь.)

Он спит!.. что видит он во сне в последний раз?..

(Страшно улыбаясь.)

Я думаю, что он умрет ударом.
Он свесил голову... я крови помогу...
И всё на счет благой природы!

(Входит в комнату. Минуты 2, и выходит бледен.)

Не могу.

Молчание.

Да! это свыше сил и воли!..
Я изменил себе — я задрожал,
Впервые во всю жизнь... давно ли
Я трус?.. трус!.. трус!.. я? кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно, стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле прижал наш век.
Ты пред собой лишь хвастался, как видно,
О, жалко... право жалко... изнемог
И ты под гнетом просвещенья.
Любить... ты не умел, — а мщенья...
Хотел... пришел и — и не мог!..

Молчание.

(Садится.)

Я слишком залетел высоко,
Иной избрать я должен путь...
И ненависть свою глубоко
Зарыть в измученную грудь.
Улыбкой радостной и безмятежным взглядом
Встречать врага... терпеть, молчать
И медленным, но верным ядом
Не жизнь его — но счастье истреблять.
Так, так, он будет жить... убийство уж не в моде...
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился народе.

Язык и золото... вот наш кинжал и яд!..

(Берет чернил и записку пишет. Берет шляпу.)

Прощай, красавчик ветреный; спи сладко
И долго спи... покуда можешь спать...
Хоть тяжко мучиться любовною загадкой,
Но часто хуже отгадать.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Арбенин и баронесса.
Идет в двери, сталкивается с дамой в вуале.

Дама в вуале

Ах!.. всё погибло...

Арб<енин>

Это что?

Дама

(вырываясь)

Пустите.

Арбенин

Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.

(Ей, строго.)

Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье! отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одне.

Дама

Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенин

Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.

Дама

Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.

Арбенин

Смущенье странно... вы должны открыться.
Он спит теперь... и может встать сейчас!..
Всё знаю я... но убедиться
Хочу...

Дама

Всё знаете!.. так нечего таиться.
Да, это я!

(Откидывает вуаль: баронесса.)

Арбенин отступает в удивлении, потом приходит в себя.

Арбенин

Благодарю, творец,
Что ты позволил мне хоть нынче ошибиться!

Баронесса

О, что я сделала? теперь всему конец.

Арб<енин>

Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласен, в час такой
Наместо пламенных объятий
С холодной встретиться рукой...
И то минутный страх... а нет беды большой.
Я скромен, рад молчать — благодарите бога,
Что это я, а не другой...
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса

Ах... он проснулся, говорит.

Арбенин

В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какою властью
Вот этот купидон вас вдруг околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен, как металл,
Все женщины к нему пылают страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С моленьем, клятвами, слезами?

А вы... вы здесь одни... вы, женщина с душой,
Забывши стыд, пришли ему предаться сами.
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Всё счастье, жизнь, любовь... за взгляд один, за слово.
Зачем... о, я глупец!

(В бешенстве.)

Зачем? зачем?

Баронесса

(решительно)

Я поняла, об чем вы говорите... знаю,
Что вы пришли...

Арб<енин>

Как! кто ж вам рассказал!..

(Опомнившись.)

А что вы знаете?..

Баронесса

О, я вас умоляю,
Простите мне...

Арб<енин>

Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельскому счастью.

Баронесса

Ослеплена была я страстью...
Во всем виновна я, но слушайте.

Арб<енин>

К чему?
Мне, право, всё равно. Я враг морали строгой.

Баронесса

Но если бы не я, то не бывать письму,
Ни...

Арб<енин>

А! уж это слишком много!..
Письмо! какое?.. а... так это вы, тогда,
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Что вас понудило?.. неурожай! сюда
Приводите вы ваших жертв невинных,
Иль молодежь приходит к вам?..
Да, признаюсь!.. вы клад в гостиных;
И я уж не дивлюсь разврату наших дам!..

Баронесса

О!.. боже мой...

Арбенин

Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти господа?

Баронесса

(упадает на креслы)

Но вы бесчеловечны.

Арбенин

Да,
Ошибся, виноват, вы служите из чести!..

(Хочет идти.)

Баронесса

О, я лишусь ума... постойте, он идет,
Не слушает... о, я умру...

Арбенин

Что ж! Продолжайте.
Вас это к славе поведет...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но боже сохрани нам встретиться вперед...
Вы взяли у меня всё, всё на свете.
Я стану вас преследовать... всегда,
Везде... на улице, в уединеньи, в свете;
И если мы столкнемся, то... беда!..
Я б вас убил... но смерть была б награда,

Которую сберечь я должен для другой,
Вы видите, я добр... взамен терзаний ада,
Вам оставляю рай земной.

(Уходит.)

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Баронесса, одна.

Баронесса

(вслед ему)

Послушайте — клянусь... то был обман... она
Невинна... и браслет! .. всё я... всё я одна.
Ушел, не слышит, что мне делать? .. всюду
Отчаянье... нет нужды... я хочу
Его спасти во что бы то ни стало. — Буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленье!
Он встал... идет... решуся... о мученье! ..

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Баронесса и князь.

Князь

(в другой комнате)

Иван! кто там... я слышал голоса!
Какой народ! нельзя уснуть и полчаса!

(Входит.)

Ба, это что за посещенье!
Красавица, я очень рад.

(Узнает и отскакивает.)

Ах, баронесса! нет... невероятно.

Баронесса

Что отскочили вы назад?

(Слабым голосом.)

Вы удивляетесь.

Князь

(смущенно)

Конечно... мне приятно...
Но счастия такого я не ждал...

Баронесса

И было б странно, если б ожидали.

Князь

О чем я думал? .. О, когда б я знал.

Баронесса

Вы всё бы знать могли и ничего не знали.

Князь

Свою вину загладить я готов,
С покорностью приму какое наказанье
Хотите... я был слеп и нем; мое незнанье
Проступок... и теперь не нахожу я слов...

(Берет ее за руку.)

Но ваши руки... лед! .. в лице у вас страданье.
Ужель сомнительны для вас слова мои?

Баронесса

Вы ошибаетесь! .. не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам.
Забыть и стыд и страх, всё свойственное нам...
Нет! .. то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь уж ждет меня иная;
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь всё прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого...

Князь

Что это значит?

Баронесса

Не мешайте мне,
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы одне,
Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на то,
Я... вас должна спасти... зачем? за что?
Не знаю... вы не заслужили
Всех этих жертв... вы не могли любить,
Понять меня... и даже, может быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. сегодня я узнала,
Как?.. это всё равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосторожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит — это ложно, ложно!
Не верьте... ради неба... эта мысль одна
Нас всех погубит... всех — она
Не знает ничего... но муж... читал... ужасен
В любви и ненависти он.
Он был уж здесь... он вас убьет... он приучен
К убийству... вы так молоды.

Князь

Ваш страх напрасен!
Арбенин в свете жил... и слишком он умен,
Чтобы решился на огласку,
И сделать, наконец... без цели и нужды,
В пустой комедии — кровавую развязку.
А рассердился он, и в этом нет беды;
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага.
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага!

Баронесса

Но если ваша жизнь кому-нибудь дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с жизнию другой,
Но если вас убьет, убьет! — о боже!..
И я всему виной!..

К н я з ь

Вы? . .

Б а р о н е с с а

Пощадите.

К н я з ь

(подумав)

Я обязан драться...
Я виноват пред ним... его я тронул честь,
Хотя не знал того, но оправдаться
Нет средства.

Б а р о н е с с а

Средство есть.

К н я з ь

Солгать? не это ли? другое мне найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчас же пойду.

Б а р о н е с с а

Минуту! . . не ходите,

И слушайте меня.

(Берет его за руку.)

Вы все обмануты! . . та маска

(облокачивается, почти упадая)

это я!

К н я з ь

Как? вы? . . о провиденье!

Молчание.

Но Шприх! . . он говорил... какой содом!

Б а р о н е с с а

(опомнясь и отходя)

Минутное то было заблужденье,
Безумство странное — теперь я каюсь в нем.

Оно прошло. — Забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет — он был найден случайно
Какой-то чудною судьбой,
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет бог судьей.
Вас он простит... меня ж простить уж в вашей воле.
Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.

(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)

Не следуйте за мной.

(Уходит.)

ВЫХОД ШЕСТОЙ

Князь, один.

Князь

(после долгого размышления)

Я, право, думать что, не знаю,
И только мог понять из этого всего,
Что случай счастливый под носом пропускаю,
Не сделав ничего.

(Подходит к столу.)

Ну вот еще... записка... от кого?
Арбенин! — Прочитаю!..

«Любезный князь! приезжай сегодня к N. вечером: там будет вся наша компания, и мы весело проведем время... я не хотел разбудить тебя, а то ты бы спал целый вечер. Прощай, жду непременно; твой искренний

Евгений Арбенин».

Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидать картель.
Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на дуэль.

3 СЦЕНА

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Комната игроков. Казарин и прочие. Стол один. Собираются ужинать.

Казарин

Ну, господа, надежда есть!
Арбенин, верно, нынче будет,
А стоит лишь ему присесть,
Так встать сам черт уж не принудит.
Да, я почуял издали,
Что скоро нам он будет нужен.
Союз наш стал не слишком дружен,
И годы тяжкие пришли.
Когда всё общество готово
Вдруг разорваться навсегда,
Нужней нам боле, чем когда,
Товарищ умный, господа,
С огнем в груди и силой слова,
Недурно, если он к тому ж
Любитель смелых предприятий,
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Дарами этими вполне
Снабдил Арбенина создатель,
Он будет верен старине;
И сверх того он мой приятель.

Все

О, если так, то ради мы душой.

Казарин

О, вы увидите, как всё пойдет исправно!

(В сторону.)

Глядишь, а там другой, еще другой
Появится, ушедший на покой.
И заживу, как прежде, славно,
А мне же эта молодежь
Ну, просто нож!
Толкуй им как угодно,

Не знают ни завесть, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!

Является еще **н е с к о л ь к о и г р о к о в.**

Взгляните-ка, — из стариков
Как многие игрой достигли до чинов,
Из грязи
Вошли со знатью в связи,
И всё ведь от<ч>его, — умели сохранять
Приличие во всем, блюсти свои законы,
Держались правил... глядь!
При них и честь и миллионы!..

ВЫХОД ВТОРОЙ

А р б е н и н и прежние.
Арбенин входит.

<К а з а р и н>

Арбенин, милый друг, какой судьбой!..

Все обращаются.

А р б е н и н

Соскучился ... пришел рассеяться немного,
Хочу отстать от жизни строгой
И вспомнить ночи жизни холостой!

К а з а р и н

Похвально... ты по всем приметам гений.
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш...

А р б е н и н

Я ваш! былого нет и тени!..
Мечту я вдребезги разбил
И снова жить хочу, как жил.

Все подходят и жмут руки.

М н о г и е

Ах, как мы ради — вас недоставало
Одних...

Арбенин

Вы ради? я — нимало.
Но так велит судьба — и это не упрек.
Я сам таков же; был всегда игрок
И буду им опять... но я прошу вниманья,
Условия мои понравятся ли вам,
Исполните одно мое желанье,
А я взамен вам всё отдам,
Что выиграю в месяц...

(Смеется.)

Казарин

Что ж такое?

Арбенин

Забава — так! — пустое!
Князь Звездич вам знаком?..

Другой

Конечно... я с ним дружен.

Арбенин

Он будет нынче — прежде надо ужин,
Вино, веселость — а потом...

Третий

Потом...

Арбенин

Он проиграет.

Третий

Много?

Арбенин

Всё на свете.
Всё... всё...

Игрок

Но кто ж в ответе
За следствия?

Арбенин

Я отвечаю, я,
И в награжденье вам за то вся жизнь моя;
Мое искусство... всё... о, я разрушу
Твой сладкий мир, глупец, и яду подолью...
И если бы ты мог на карту бросить душу,
То я против твоей поставил бы свою.

Многие

(смеясь)

О, мы его зарежем без условий,
Пожалуй.

Арбенин

Ваши руки, господа...
Не бойтеся — на картах нет следа
Ни слез, ни крови.

Звонок.

Казарин

Вот, кажется, и князь! сомненья нет!..

Арбенин

Надеюся на вас...

Игрок

О, будьте без сомненья.

Казарин

Тебе уйти б не худо в кабинет.

Арбенин

Ты прав, он догадаться может...

(Уходит в дверь.)

Князь входит.

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Князь Звездич и прежние, кроме Арбенина.

Князь

Извиненья
Прошу, что опоздал.

Хозяин

Князь, без чинов у нас!
Мы рады вам во всякий час!
А вот вы прямо к ужину поспели,
И как старинный аматер,
Я вас попотчую, есть у меня Lausseur
И славный Шамбертень.

Садятся.

Князь

Второе ближе к цели.

Казарин

Вино несчастных друг — а вы счастливец, князь,

Князь

Напротив, эти дни мне всё не удавалось.

Казарин

Пожалуй, захотите не трудясь...
Вам, верно, не случалось
С самим собой пускаться на пари,
Чтоб наверняк узнать вражду или пристрастье
Судьбы и счастья.
Присядьте поиграть прилежно ночи три,
Смотрите, только уж не доле;
По кушам маленьким сначала, а когда
Пойдет... так и смелей, — но чтоб всегда
Остановиться было в вашей воле.

Подливают.

Князь

Я с некоторых пор поклялся не играть!..

Казарин

(в сторону)

Хороший знак.

Игрок

Мне вас легко понять!
Я нрава сам такого.
Однажды как-то банк всё у меня унес,
Я банки не метать тогда ж себе дал слово —
И вот уж десять лет играю только в штосс! ..

Хохочут. Приготовляют в стороне стол, некоторые встают из-за стола и мешают карты, и начинают играть.

Князь

(в сторону)

Однако, кажется, я быть могу спокоен,
Арбенин не пришел, не храбрый, видно, воин! ..

(Наливает себе.)

Но, впрочем, лучше и ловчей
С его женой мне объясниться,
Отдать браслет на бале завтра ей
И тем от зла спокойно удалиться.

Казарин

(игр<ает>)

На ваше счастье, князь, поставить карту нам
Позвольте...

Князь

(допивая)

Очень рад.

Казарин

...Взяла опять... вот диво...
Ну, счастье к вам несправедливо! ..

Князь

Да, счастие подобно всем рабам,
Услужливо к чужим лишь господам,

И если б голова моя не так кружилась,
То...

(Садится и ставит.)

Казарин

(отходя)

Сел — ну с плеч гора свалилась!
Арбенин угостил нас славно в день вступленья.

Игрок

Но он расстроен был, пришел сюда в волненье.

Казарин

Конечно с радости, что бросил модный свет
И снова поступил в ученый Комитет!

Князь

Ага, ну что?

Игрок

(в притворной досаде)

Беда!

Князь

Ведь прав Казарин,
Иль гость незваный хуже, чем татарин?
Но, впрочем, господа, меня Арбенин звал.
Арбенин! — друг мой и приятель,
Я всюду с ним — на бал
И в маскерад... я страстный обожатель
Всех черных домино.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и Арбенин.
В это время Арбенин отворил половину двери и смотрит на него.
И остается так.

1-й игрок

Вы бьете наповал,
Нельзя играть...

2-й игрок

Что ж дальше?

Князь

О! конечно,
Я нынче счастлив... счастие не вечно!..

Арбенин

(сквозь зубы)

Да, счастлив потому, что в пору замолчал!

Князь играет.
Играют. Казарин подошел, посмотрел и воротился к Арбенину.

Казарин

Мой милый, поздравляю,
Теперь уж он не вырвется от нас.

Игрок

Что ж, вы играете?

Князь

Играю...
Рискую, мешкать скучно.

Игрок

В добрый час.
Вы проиграли.

Князь

Что ж, я не печалюсь.
Сегодня счастье пощадило вас,
А завтра надо мной на первый раз
Уж верно сжалится.

Арбенин

Да я не сжалюсь.
Отныне ты пойдешь моим путем.
Кровавых слез познаешь сладость.
Былое счастье будет в тягость
Твоей душе... И мыслить об одном

Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви, высокого погаснут и умрут.
И совесть замолчит при голосе искусства,
И жизнь твоя пройдет вся тут,
За карточным столом, без мысли, одноцветна,
Как ассигнация, — и если неприметно
Надежды прежние в тебе и оживут, —
То успокойся, друг, — я буду тут...
Теперь мы квиты.

Князь рассчитывался и облокотился на стул. Арбенин сзади подходит.

Князь

(игроку)

Как? я откажусь! пустое!
Я тверд и уж свое возьму назад.

Арбенин

(на ухо ему громко)

Князь, я советую вам съездить в маскерад
Рассеяться...

(Уходит быстро.)

Игроки смеются.

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Прежние, кроме Арбенина.

Князь

А!

(вскакивает)

что такое?
Кто говорил? Кто говорил?

1-й игрок

Не я!

2-й игрок

Не я!

Князь

Да что такое? шутка?

Многие смеются сзади.

Арбенин здесь иль я лишен рассудка.

Казарин

Арбенин? Что вы?

Князь

Он мне говорил,
Я слышал.

Казарин

Полноте тревожиться мечтою.

Князь

(почти про себя)

Нет, слишком я испуган был,
И этот голос мне не даст покою.

Казарин

Эх, полно, князь, — садитесь-ка сюда,
И разом думы все сбегут с вас, как вода!..

Князь, махнув рукой, садится.

<IV> АКТ

1 СЦЕНА

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Хозяйка, Нина, Арбенин. Князь Звездич. Гости. Бал. Сидят — рояль налево.

Хозяйка

Я баронессу жду... не знаю,
Приедет ли. Мне, право, было б жаль
За вас, мосье Петров.

Петров

Я вас не понимаю...
(Принуж<денно> улыб<ается>.)

1-й гость

(чиновник)

Вы ждете баронессу Траль?..
Так вы не знаете? какими же судьбами?
Она уехала.

Многие

Неужели! — как жаль!
Вы, верно, шутите над нами?

2-й

Давно ли? как?

3-й

Когда?

Хозяйка

Вы сами видели?

1-й гость

Увы, к несчастью, да.
Сегодня поутру в двенадцатом в начале;
Нет, в первом, я заехал к ней;
Вхожу. Столы, диваны в зале,
Комоды, сундуки. В передней нет людей,
Ни тени жизни светской!
Смущен иду назад. Навстречу мне дворецкой
В тулупе, в теплых сапогах.
Лицо в аршин, печаль в глазах.
Что это значит, братец? — Мы-с съезжаем;
— На дачу? — Нет-с. — Куда ж?
— То знает барыня — мы-с ничего не знаем. —
В раздумьи выхожу. Дорожный экипаж
Уж подвезен к крыльцу шестеркою разгонной,
Вздохнув, я пожелал счастливых много лет
Прекрасной страннице и к графу на обед
Помчался по Мильонной!..

Хозяйка

Загадка несколько темна!
В деревню ль, в монастырь сокроется она?

2-й гость

Она жила довольно пышно
И многим здесь была должна.

3-й гость

Нет, я не думаю, ведь это было б слышно.

Нина

Но, может быть, любовь, измены весть,
Отчаянье.

Пожилой человек

Отчаянье? да, есть
И это слово в дамском лексиконе,
Благодаря романам и творцу
Оно довольно звучно даже в тоне
И многим женщинам к лицу:
Ведь носят же супиры, сувениры
И репантиры?
Дивлюся, как давно не превратят
Отчаянье в какой-нибудь наряд.
Но успокойтеся, в числе других товаров
На днях Париж сюда пришлет
Несметное число премилых дезесепоаров.

Нина

(улыбаясь)

Вы вечно против женщин или мод.

Гость садится за фортепьяно и играет вальс.

Хозяйка

Прошу вас, начинайте.

Один гость

Мы дамам не дадим присесть.
Но вы собой пример подайте.

(Идет с ней.)

Нина

(одной даме)

Вальс — божество мое.

Князь

(ей)

Угодно сделать честь?

(Делает с ней тур и останавлив<ается> в стороне. В сторону.)

Не будет случая другого,
Теперь от всех мы с ней удалены.

(Ей.)

Я должен вам сказать два слова,
И вы их выслушать должны.

Нина

Должна?

Князь

Должны для вашего же счастья.

Нина

Какое странное участье!

Князь

Я вас молю!

Нина

И просьба как приказ.
Вы нынче дерзки, как в тот раз.

Князь

Тогда я мог таким казаться.
Но нынче должен оправдаться!

Нина

Такой же дерзостью, от лишнего труда
Я, князь, охотно вас избавлю.

Князь

Но вы не знаете! — но вам грозит беда.
Я сделал глупость и ее поправлю,
Я не шучу... Послушайте — назад
Тому дней шесть я ездил в маскерад.
Там в знак любви браслет мне дали.

Конечно, где-нибудь его вы потеряли,
Но я вообразил, что это были вы.
Обманутый безумным подозреньем,
Я вас преследовал и принят был с презреньем,
И вздумал отомстить орудием молвы! ..
Теперь я всё узнал — теперь я перед вами
Готовый казнь принять — и посудите сами,
Как мог я вдруг расстаться сам собой
С моей божественной мечтой?

Нина

Я всё простила б вам, когда бы вы молчали.

Князь

Я знаю сам, мне извиненья нет,

Она хочет идти.

Еще минута, вот браслет.
О, если б вы его судьбы вовек не знали,

Она берет.

О, если б прошлое я уничтожить мог!
Ваш муж.

Нина

(вздраг<ивает>)

Мой муж.

Князь

Ему всё рассказали.

Нина

(гордо)

Мой муж не знает ничего.

Князь

Дай бог.

Она уходит.

(Один.)

Холодный едкий взгляд — то был упрек в боязни.

Арбенин

(в сторону)

Дай бог, чтоб ничего вовеки он не знал!

Князь

Но я достоин этой казни.

Арбенин

Всё кончено — я слишком много ждал.

Хозяйка

(иным)

Как много съехалось — здесь, право, будет тесно.
Прошу вас в залу, господа,
Mesdames, пожалуйте туда.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Все уходят.

Арбенин

(один; про себя)

Я сомневался? я? — а это всем известно!
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... Я жалок им, смешон!..
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остротой?
— Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обманут...
Нет, людям я ее не уступлю...
И нас судить они не станут...
Я сам свершу свой страшный суд...
Я казнь ей отыщу — моя ж пусть будет тут

(на грудь).

Она умрет, жить вместе с нею доле
Я не могу... жить розно?

(Как бы испугавшись себя.)

Решено.

Она умрет. Я прежней твердой воле
Не изменю! ей, видно, суждено
Во цвете лет погибнуть, быть любимой
Таким, как я, злодеем, и любить
Другого... это ясно! как же можно жить
Ей после этого! .. Ты, бог незримый,
Но бог всевидящий... возьми ее, возьми.
Как свой залог тебе ее вручаю.
Прости ее, благослови.
Но я не бог и не прощаю!

Слышны звуки музыки.

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)

Тому назад лет десять, я вступал
Еще на поприще разврата.
Раз, в ночь одну, я всё до капли проиграл, —
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал!
Я был в отчаяньи — ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик.
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком... риск, право, был велик:
Но счастье вынесло — и в час я отыгрался.
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и день тот недалек.

(Уходит быстро.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Хозяйка, Нина и несколько дам и кавалеров.
Во время последних строк входит хозяйка и несколько гостей.

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.

Дама

(другой)

Так жарко здесь, что я растаю.

Петров

Настасья Павловна споет нам что-нибудь.

Нина

Романсов новых, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.

Дама

Ах, в самом деле, спой же, Нина, спой.

Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не заставишь
Себя просить напрасно целый час.

Нина

(садясь за пиано)

Но слушать со вниманьем — мой приказ, —
Хоть этим наказаньем вас
Авось исправишь!

(Поет.)

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, что он не может
Тебя любить, как я люблю.

Но если счастие случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И целый ад в груди моей.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние, Арбенин.
В конце 3<го> куплета муж входит и облокач<ивается> на фортепьяно.
Она, увидев, останавливается.

Арбенин

Что ж, продолжайте.

Нина

Я конец совсем
Забыла.

Арбенин

Если вам угодно,
То я напомню.

Нина

(в смущении)

Нет, зачем.

(В сторону, хозяйке.)

Мне нездоровится.

Петров

(другому)

Во всякой песне модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может произнесть.

1-й гость

К тому же слишком прям и наш язык природный
И к женским прихотям доселе не привык.

2-й гость

Вы правы, как дикарь, свободе лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добродушно.

Подают мороженое. Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем.

Нина

(хозяйке)

Там жарко, отдохнуть я сяду в стороне!

(Мужу.)

Мой ангел, принеси мороженого мне.

Арбенин вздраг<ивает> и идет за мороженым. Возвращается и всыпает яд.

Арбенин

(в сторону)

Смерть, помоги!

Нина

(ему)

Мне что-то грустно, скучно.
Конечно, ждет меня беда.

Арбенин

(в сторону)

Предчувствиям я верю иногда.

(Подавая.)

Возьми, от скуки вот лекарство.

Нина

Да, это прохладит.

(Ест.)

Арбенин

О, как не прохладить.

Нина

Послушай, надо мне с тобой поговорить.

Арбенин

Успеем и потом.

Нина

Обманы, ложь, коварство,
Вот всё, на чем вертится свет.
Ужасно.

Арбенин

Да, ужасно!

Нина

Душ непорочных нету.

Арбенин

Нет!

Я думал, что нашел одну — и то напрасно.

Нина

Что говоришь ты?

Арбенин

Я сказал,

Что в свете лишь одну такую отыскал.

Тебя.

Нина

Ты бледен.

Арб<енин>

Много танцевал.

Нина

Опомнись, mon ami, [1] ты с места не вставал.

Арб<енин>

Так, верно, потому, что мало танцевал!

Нина

(отдает пустое блюдечко)

Возьми, поставь на стол.

Арбенин

(берет)

Всё, всё!

Ни капли не оставить мне! жестоко!

(В размышлении.)

Шаг сделан роковой, назад идти далеко,

Но пусть никто не гибнет за нее.

(Бросает блюдечко об землю и разбивает.)

---

[1] мой друг (франц.). — *Ред.*

Нина

Как ты неловок.

Арбенин

Ничего, я болен.
Поедем поскорей домой.

Нина

Поедем, но скажи мне, милый мой:
Ты нынче пасмурен! Ты мною недоволен?

Арбенин

Кто? я? нет, нынче я доволен был тобой.

Уходят.

2 СЦЕНА

ВЫХОД ПЕРВЫЙ

Спальня Арбенина.
Входит Нина, за ней служанка.

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.

Нина

(снимая серьги)

Я нездорова.

Служанка

Вы устали.

Нина

(в сторону)

Мой муж меня пугает, — отчего,
Не знаю! — он молчит, и странен взгляд его.

(Служанке.)

Мне что-то душно — верно, от корсета.
Скажи, к лицу была сегодня я одета?

(Идет к зеркалу.)

Ты права, я бледна, как смерть бледна,

Но в Петербурге кто не бледен, право!
Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! свет лукавый!

(Снимает пукли и заверт<ывает> косу.)

Брось где-нибудь и дай мне шаль.

(Садится в креслы.)

Как новый вальс хорош! в каком-то упоенье
Кружилась я быстрей — и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль.
И сердце сжалося — не то чтобы печаль,
Не то чтоб радость. Саша, дай мне книжку!
Как этот князь мне надоел опять.
Я проучу надменного мальчишку!..
И что он думает?

Служанка

Прикажете убрать?

(Показывая на наряды.)

Нина

Оставь.

(Погружается в задумчивость.)

Арбенин показывается в дверях.

Служанка

Прикажете идти?

Арбенин

(служанке глухо)

Ступай.

Служанка не уходит.

Иди же.

Уходит, он запирает дверь.

ВЫХОД ВТОРОЙ

Арбенин и Нина.

Арбенин

Она тебе уж больше не нужна.

Нина

Ты здесь?

Арб<енин>

Я здесь!

Нина

Я, кажется, больна!
И голова в огне — поди сюда поближе.
Дай руку... чувствуешь, как вся горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилася тогда;
Не правда ли?

Арбенин

(в рассеянности)

Мороженое? да!

Нина

Мой милый, я с тобой поговорить хотела!
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не вижу,
Отрывист голос твой, и холоден твой взор,
И всё за маскерад — о, я их ненавижу;
Я заклялася в них не ездить никогда.

Арб<енин>

(в сторону)

Немудрено, теперь без них уж можно!

Нина

Что значит поступить хоть раз неосторожно.

Арб<енин>

Неосторожно! о!

Нина

И в этом вся беда.

Арб<енин>

Обдумать всё заране надо было.

Нина

О, если бы я нрав заране знала твой,
То, верно, не была б твоей женой;
Терзать тебя, страдать самой,
Как это весело и мило!

Арб<енин>

И то: к чему тебе моя любовь!

Нина

Какая тут любовь? на что мне жизнь такая!

Арбенин

(садится возле нее)

Ты права! что такое жизнь? жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада.
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней! темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей;
Где первое — рожденье, где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайной ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Нина

(показывая на грудь)

Здесь что-то жжет.

Арбенин

(продолжая)

Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль! Жизнь, как бал:
Кружиться весело, — кругом всё светло, ясно...

Вернулся лишь домой, наряд измятый снял...
И всё забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь другой,
Покуда ум былым еще не тяготится,
Покуда с смертию легка еще борьба;
Но это счастие не всем дает судьба.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбенин

К чему?

Нина

Евгений,
Я мучусь, я больна.

Арб<енин>

А мало ли мучений,
Которые сильней, ужаснее твоих.

Нина

Пошли за доктором.

Арб<енин>

Жизнь — вечность! — смерть лишь миг.

Нина

Но я — я жить хочу.

Арб<енин>

И сколько утешений
Там мучеников ждет.

Нина

(в отчаянии)

Но я молю:
Пошли за доктором скорее.

Арб<енин>

(встает, холодно)

Не пошлю.

Нина

(после молчания)

Конечно шутишь ты — но так шутить безбожно.
Я умереть могу — пошли скорей.

Арб<енин>

Что ж, разве умереть вам невозможно
Без доктора?

Нина

Но ты злодей,
Ты изверг... это слишком... ты погубишь
Меня... Евгений. Я жена
Твоя.

Арб<енин>

Да! знаю — знаю!

Нина

О, сжалься! пламень разлился
В моей груди, я умираю.

Арбенин

Так скоро? Нет, еще

(смотрит на часы)

осталось полчаса.

Нина

О, ты меня не любишь.

Арбенин

А за что же
Тебя любить — за то ль, что целый ад
Мне в грудь ты бросила... о нет, я рад — я рад
Твоим страданьям. Боже, боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!
А мало я любил тебя, скажи?

А этой нежности ты знала ль цену?
А много ли хотел я от любви твоей?
Улыбку нежную, приветный взгляд очей.
И что ж нашел? — Коварство и измену.
Возможно ли? меня продать!
Меня за поцелуй глупца... меня, который
По слову первому был душу рад отдать.
Мне изменить, — мне? и так скоро!..

Нина

Но ты не выслушал... Я нынче лишь сама
Узнала всё.

Арб<енин>

Прочь, прочь! о, я сойду с ума,
Не верю — прочь! — Когда же перестанут
Меня терзать.

Нина

Всё это клевета молвы,
Ошибка, оба были вы
Обмануты.

Арбенин

Так, так — я был обманут.
Довольно... я ошибся! возмечтал,
Что я могу быть счастлив... Думал снова
Любить и веровать... Но час судьбы настал,
И всё прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные мечты
Осуществить, предавшися надежде,
И в сердце б оживил всё, что цвело в нем прежде.
Ты не хотела — ты!
Плачь!.. Плачь. — Но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!..
Я ж плакал — я, мужчина!..
От злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи,
Смерть у него в руках — и ад в его груди!

Нина

(в слезах упада<ет> на колени и поднимает руки к небу)

Творец небесный, пощади!
Не слышит он — но ты всё слышишь — ты всё знаешь.
Невинность пред тобой, не очерняй врага,
И ты меня, всесильный, оправдаешь!

Арб<енин>

Остановись — хоть перед ним не лги!

Нина

Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святыни ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую душу;
Он твой судья, защитник будет мой.

Арбенин

(который во время этого ходил по комнате, сложив руки)

Теперь молиться время, Нина,
Ты умереть должна чрез несколько минут,
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.

Нина

Как, умереть — теперь, сейчас — нет, быть не может!

Арбенин

Я знал заранее, что это вас встревожит.

Нина

Смерть, смерть! он прав. — В груди огонь — весь ад.

Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.

Молчание.

Нина

Не верю, невозможно — нет, ты надо мною

(бросается к нему)

Смеешься... ты не изверг... нет! в душе твоей
Есть искра доброты... с холодностью такою,
Меня ты не погубишь в цвете дней.

Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассей мой страх.
Взгляни сюда...

(Смотрит ему прямо в глаза и отскакивает.)

О! смерть в твоих глазах.

(Упадает на стул и закр<ывает> глаза.)

Он подходит и целует ее.

Арбенин

Да, ты умрешь, и я останусь тут
Один, один, один... Года пройдут,
Умру — и буду всё один! Ужасно!
Но ты не бойся! мир прекрасный
Тебе откроется — и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.

(Плачет.)

Да, я тебя люблю, люблю... я всё забвенью,
Что было, предал, есть граница мщенью,
И вот она — смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над тобой.

Нина

(вырывается и вскакивает)

Сюда... сюда... на помощь! умираю.
Яд — яд — не слышат — понимаю,
Ты осторожен... никого! — нейдут.
Но помни! есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклинаю.

(Не добежав до двери, упадает без чувств.)

Арбенин

(горько смеясь)

Проклятие! что пользы проклинать?
Я проклят богом.

(Подходит.)

Бедное созданье!
Ей не по силам наказанье...

(Стоит сложа руки.)

Бледна,

(содрогается)

но все черты спокойны. Не видать
В них ни раскаянья, ни угрызений.
Ужель?

Нина

(слабо)

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты злодей...

Арбенин

Ложь!
Нет, нет — не говори, тебе уж не поможет
Ни ложь, ни хитрость — говори скорей:
Я был обманут... так шутить не может
Сам ад любовию моей.
Молчишь? а, месть тебя достойна...
Но я не верю... будь спокойна!

Нина

Теперь мне всё равно... я всё ж
Невинна.

Арб<енин>

Ложь! Ложь! Ложь!

(С хитрой лаской.)

Послушай, средство есть тебя спасти...

Нина

Скорей,
Скорей — на всё готова.

Арб<енин>

Скажи, что ты виновна. Лишь два слова...
Есть время.

Нина

...Жизнь! Спасение.

Арбенин

Страшна
Открытая могила.

Нина

(умирающим голосом)

Всё правда, я преступна, изменила.

Арбенин

(грозно)

Прощай, мой друг, — ты умереть должна.

Нина

Ах! обманул...

<Арбенин> садится в креслы.
Молчание. Слышен тяжелый стон Нины.
Арб<енин> встает и подходит — вздрагивает.

Арб<енин>

Теперь пора!

(Бросается в дверь.)

ВЫХОД ТРЕТИЙ

Прежние и несколько служанок и слуг.

<Арбенин>

Сюда...
Сюда... ей дурно... умирает...
Что ж — не проснетесь никогда...
За доктором — за доктором.

Голоса

Люди прибегают.

Беда.
Что с барыней?

Арб<енин>

Иль здесь никто из вас не знает
Меня!.. Вы видите, она
Без чувств и как мертвец бледна.

Суета — он стоит в дверях, сложа руки, не решается подойти.

1-я служанка

За доктором скорей.

2-я

Да где найдешь?

3-я

Над нами
Живет какой-то, побегу за ним.

4-я

(возле Нины)

Подайте капель.

5-я

С ней удар.

4-я

Спиртами
Ей потереть виски... где барин?

3-я

С ним
Теперь не говори.

4-я

Голубушка! чуть дышит.
И губы синие... сударыня.

2-я

Не слышит.

ВЫХОД ЧЕТВЕРТЫЙ

Прежние и доктор.
Входит доктор.

Доктор

Давно ли госпожа Арбенина больна?

Служанка

Сейчас схватило.

Доктор

Как, во время сна!

Служанка

Нет-с, только что вернулись с бала.

Подходит муж.

Доктор

А!..

Служанка

Верно, простудилась.

Доктор

А!
Она, конечно, много танцевала.

Арбенин

(взяв его за руку)

И тотчас, не простыв, как помню, три куска
Мороженого.

Доктор

А! и воспаленье...
Такой болезни два скачка.

Арб<енин>

(мрачно и с горькой улыбкой)

Вы поняли болезнь, я жду от вас спасенья.

Доктор

(пощупав пульс)

Готов употребить я всё свое уменье,
Но...

Арб<енин>

Но...

Докт<ор>

Власть бога велика.
Она скончалась.

Арб<енин>

(как будто отдохнув)

О!

Доктор

Я вижу, вас тревожит
Ужасно эта горестная весть,
Но успокойтеся, быть может,
Я поспешил, и средство есть!
Рецептик написать, послать в аптеку
В одну минуту я б успел.

Арб<енин>

Вы думаете? нет, не сделать человеку
Того, что сделать бог не захотел.

Доктор

Итак, я больше здесь не нужен... вам осталось
Беречь себя.

(Уходит.)

ВЫХОД ПЯТЫЙ

Арбенин, один.

Арб<енин>

Ого! я невредим...
Каким страданиям земным
На жертву грудь моя ни предавалась...
А я всё жив! Я счастия искал,
И в виде ангела мне бог его послал.
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество...
И вот оно, прекрасное созданье,
Смотрите... холодно... мертво!..
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честию, от гибели я спас,
А он, смеясь, шутя, не говоря ни слова,
Он отнял у меня всё, всё и через час.

КОНЕЦ

«МАСКАРАД»

(Ранняя редакция)

Черновые варианты[1]

Ст. 40—45

Но безотчетно, как дитя.
Но потому, что чувств иных не понимая,
Еще чиста, как воздух рая,
Душа свободная твоя.

Вместо ст. 436—440

Мы ловко сладим это дело,
И будет он доволен сам.
Нам нужен человек с душою сильной, смелой,
А если не его, кого же выбрать нам.

Вместо ст. 504—507

Как вор — бесстыдно вторгнулся в мой дом.
Похитил всё, любовь и счастье.
Покрыл меня позором и стыдом!..
И я, глупец, к нему почувствовал участье.
Я позабыл весь опыт многих дней.

После ст. 550

Ты в философию пускаешься со мной
И мне задать изволил тему;
Но прежде я перед тобой
Хочу открыть свою систему:
Она проста, без вычур и прикрас.
Нагая истина! Не в бровь, а прямо в глаз!

После ст. 556

Положим ставлю я на тройку пик
Свое имение — она изображает
Приятеля — убита — изменяет
Приятель... страшный миг!
Но чем мне проклинать приятеля иль тройку,
Я лучше, не сердясь, пойду и брошусь в Мойку.

После ст. 574

Какая разница между добром и злом
Положим, я обкраден, промотался;
Ты сжалился над горестью моей,
Есть трюфели на месяц отказался
И дал мне тысячу рублей.
До гроба будешь ты мой первый благодетель,
Мой лучший друг, отец моих детей,
Вот бог свидетель!

После ст. 625

На франтов нынешних смотрю я в сожаленьи,
Когда, насильственно забравшись в первый ряд,
Они с лорнетами и трубками сидят,
Вздыхая важно, ловят нежный взгляд
И разоряют в год именье,
Не получив иных наград!

[1] Отсчет стихов производится по ранней редакции «Маскарада».

После ст. 807

Но с этих пор я ваш, навеки ваш душою,
Нет женщин для меня на свете, кроме вас.

(Берет ее за руку.)

Я вдруг наполнился любовью неземною,
Как будто встретились мы нынче в первый раз.

Вместо ст. 820—821

Раскаяньем и униженьем;
Подвергнуться обидным подозреньям...
И гордость женщины вам в жертву принести,
То не упрек... о! я на всё готова...
Не знала я себя от гибели спасти...
Но бог поможет мне спасти другого...

Вместо ст. 864

Вы все обмануты!.. та маска, что недавно
Преследовала вас любовию своей,
Которая на вашу грудь так явно
Упала грудию своей,
За хладный поцелуй бесстыдно вам платила
Сто поцелуев пламенных: всё, всё,
Что может женщина забыть, для вас забыла,
Та маска... что же, вы нашли ее!
Уж не жена ль Арбенина... напрасно
Подозревали вы — она дитя,
Она еще не любит страстно
И будет век любить шутя.
Та женщина была бесстыднее, смелее,
Умела всё сказать, свой голос утая,
Та маска... о, подите прочь скорее!
Я знаю, вам досадно будет...

(облокотясь, почти упадая)

Это я!

После ст. 894

За то, что прежде, как нелепость
Сходило с рук не в счет бедам,
Теперь Сибирь грозится нам
И Петропавловская крепость.
В такие страшные года,

После ст. 903

Имеет милую жену,
Не склонную к такому игу,
С которой можно entre nous
Свесть благородную интригу.

Вместо ст. 946—947

1-й игрок

Да, объяснитесь.

Арбенин

О, для вас оно пустое!..
Забава, больше ничего,
И в каждом случае вас уверяю смело,
Не добродетельное дело!

Один игрок

(в сторону)

Прекрасный комплимент, что дальше, подождем.

Арбенин

Князь Звездич вам знаком...

После ст. 968

Казарин

Не из театра ль вы?

Князь

Да, прямо; там балет;
Я в третьем действии уехал от досады:
Вообразите — позабыл лорнет.

Вместо ст. 986—987

Хозяин

(в сторону)

Хороший знак.

(Ему.)

Кому ж?

Князь

Себе.

Казарин

Похвально,
А то не в силах будете отстать!..

Хозяин

И проиграетесь формально.

(Подливает.)

Князь

О, что до этого, то я ручаюсь вам,
Что повода не дам
Своим страстям.

Игрок

Я нрава сам такого.

Вместо ст. 1004

А. Игрок

(подходит к Казарину)

Скажите мне, зачем
Его преследует Арбенин — между тем
Как был с ним заодно недавно;
Тут штука.

Казарин

Ничего! он малый своенравный,
Сегодня любит, завтра — нет.

К тому ж он должен в день вступленья
Нас угостить.

Игрок

О! без сомненья! ..
Приятней в мире нет
Такого угощенья!

Б. Казарин

Арбенин славно в день вступленья
Нас угостил.

Игрок

О! без сомненья
Приятней в мире нет
Такого угощенья!

Вместо ст. 1014—1015 Всех черных домино.

В это время Арбенин отворил половину двери и смотрит на него. И остается так.

1-й игрок

Да против вас играть
Нельзя.

2-й игрок

Угодно продолжать?

Князь

Конечно, мой почтеннейший, конечно.

После ст. 1017

Казарин
(Арбенину)

В нем склонность есть.

Князь
(по временам)

Бью — бью — всех наповал.
Довольно.

Игрок

Князь: так было бы бесчестно,
Вы отыграться нам
Должны дать время — это уж известно! ..

Князь
(насмешливо)

Пожалуй... я хоть так отдам.

Арбенин

И он великодушен!

Князь

Взяли! — что же?
Я очень рад.

Игрок

И я!

Князь

Опять!
Пожалуй, честь... мне золота дороже.

Игрок

О, я ведь вашу честь и не хочу отнять!

Вместо ст. 1055—1058 Так вы не знаете?

Многие

А что же с ней случилось?

1-й

Мигрень иль флюс.

2-й

Приехал верно к ней
Богатый родственник.

3-й

Конечно, из саней
Упала и убилась!

4-й

Да, если так, то жаль.

1-й гость

Нет, успокойтесь! Баронесса Траль
Теперь в возке, между пуховиками,
Летит на почтовых.

Петров

Уехала?

Многие

Когда?
Давно ли?.. как?.. вы шутите над нами.

Вместо ст. 1062—1064

Вхожу — в передней всё вверх дном... людей
Нет ни души... столы, диваны в зале,
Комоды, сундуки, все в кучу снесены...
Как старые игрушки в детской,
И сняты зеркала и лампы со стены.

После ст. 1072

Служанка, суетясь, таскает сундуки,
Картонки, сумочки, ларцы, пуховики,
На козлах прикорнул извозчик полусонный!..

После ст. 1075

Догадками себя я целый день терзал,
Ел мало и успел два раза подавиться,
Разбил две рюмки и бокал...
Сел в карты, проиграл...

Хозяйка

Что за резон ей удалиться

После ст. 1080

Человек пожилой

Помилуйте, здесь Питер, не Москва.
На этот счет здесь смирно; здесь молва
Домашних тайн по рынкам не разносит.
Вы знатны, деньги сыплете — зовут.
Лишь было б здесь

(показывает ладонь);

об том, что тут

(карман)

и тут

(показывает сердце),

Никто не спросит.

Вместо 1141

Преследуют меня... с улыбкой состраданья
Все эти глупые ничтожные созданья
Взирают на меня... я жалок им!.. смешон!

Вместо ст. 1321—1322

Меня... но ты забыл!.. но я больна.
Но я молю... Евгений! Я жена
Твоя..

Арбенин

Да! знаю — знаю!

После ст. 1322

Нина

Разве ты не любишь?
Меня совсем... совсем забыл,
Как некогда любил?

Арбенин

Ха, ха, ха, ха...

После ст. 1397

Слезу отчаянья скрывать нет силы,
К тебе на грудь пускай сбежит она.

Нина

(вырывается и вскакивает)

А ты не можешь сжалиться... но силы
Подаст мне бог — я буду спасена.

Вместо ст. 1403—1405

Проклятие! что сделает оно,
Когда сам бог меня давно
Уж проклял.

(Подходит.)

Слабое созданье,
К чему тебе служила красота,
Без чувств... едва приметное дыханье
Скользит сквозь бледные уста.

Вместо ст. 1407—1408

В них ни раскаянья, ни тайных упрызений,
Ужель? О, умирай, скорей, скорей, что ждать.
Всё кончено.

Нина

(слабо)

Прощай, Евгений!

Вместо ст. 1418—1426

Арбенин

Ложь! ложь! ложь!
А ты змея... но я тебя принужу
Пред миром твой проступок обнаружу

(поправляет ее руку)

Бледна, молчишь, сомкнула взор
Творец! что если я до этих пор
Сам ошибался

(бросается к дверям и останавливается)

ей уж нет спасенья
Себя я погублю!

(Садится в кресла.)

Терпенье!

После ст. 1472,

КОНЕЦ

обороте копии рукою писца

Да! вижу, что добро и счастье неприступно
Тому, кто с юных лет от них отрекся сам,
И что души моей преступной
Не нужно больше небесам!

АРБЕНИН

Драма в 5-ти действиях, в стихах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Евгений Александрович Арбенин.
Нина, жена его.
Оленька, компаньонка.
Афанасий Павлович Казарин.
Князь Звездич.
Адам Петрович Шприх.
Игроки.
Гости.
Служанки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ 1

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх.
За столом мечут банк и понтируют... кругом стоят.

1-й понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

1-й понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2-й понтер

Ну, добрый путь.

3-й понтер

Вам надо счастие поправить...
И не мешало бы загнуть.

2-й понтер

На всё?.. Нет, жжется!

4-й понтер

Послушай, милый друг, кто нынече не гнется,
Ни до чего тот не добьется.

3-й понтер

(тихо первому)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2-й понтер

Эй, князь,
Гнев только портит кровь, — играйте не сердясь.

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

Черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить...

2-й понтер

(насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы всё спустить.
Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал,— и вам их не купить.

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Арбенин.
Арбенин входит, кланяется, подходит к столу, потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну что, уж ты не мечешь? .. а, Казарин?

Казарин

Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший, — женат, богат, — стал барин.
И позабыл товарищей своих!

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами.

Казарин

Делами занят всё?

Арбенин

Любовью... не делами.

Казарин

С женой, по балам.

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

Нет... Утих!
Но здесь есть новые, кто этот франтик?

Казарин

Шприх!
Адам Петрович! .. я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и кланяется.

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,
Арбенин.

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

Помнится, что нам
Встречаться не случалось.

Шприх

По рассказам,
И столько я о вас слыхал того, сего,
Что познакомиться давным-давно желаю.

Арбенин

Про вас я не слыхал, к несчастью, ничего,
Но многое от вас, конечно, я узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скорчив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно;
Улыбка злобная, глаза... стеклярус точно,
Взглянуть — не человек — а с чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой, — что вид наружный?
Пусть будет хоть сам черт!.. да человек он нужный,
Лишь адресуйся — одолжит.
Какой он нации, сказать не знаю смело:
На всех языках говорит, —
Верней всего, что жид.
Со всеми он знаком, везде ему есть дело,
Всё помнит, знает всё, в заботе целый век.
Был бит не раз — с безбожником безбожник,
С святошей — иезуит, меж нами — злой картежник,
А с честными людьми — пречестный человек,
Короче, ты его полюбишь, я уверен.

Арбенин

Портрет хорош — оригинал-то скверен!
Ну, а вон тот, высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чужих краях,
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.

Арбенин

А этот маленький каков?
С крестом, растрепанный...

Казарин

Трущов?
О, малый необыкновенный!
Не знаю, в штатской иль военной,
Но в Грузии когда-то он служил
Иль послан был туда с каким-то генералом,
Кого-то там из-за угла хватил;
Пять лет за то был под началом
И крест на шею получил.

Игроки

(кричат Казарину)

Пожалуйте сюда.

Казарин

Иду.

1-й понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокоиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Арбенин

Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

Князь

(недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,

Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь!

Князь

(с чувством берет его за руку)

Я проигрался.

Арбенин

Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаяньи.

Арбенин

Два средства только есть,
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтоб у них выигрывать решиться,
Вам надо кинуть всё: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах, чуть знакомых вам,
Все побужденья, мысли; годы
Употребить на упражненье рук,
Всё презирать: закон людей, закон природы,
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,
Удачи каждый миг постыдный ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут явно:
Подлец!

Молчание. Князь едва его слушал и был в волнении.

Князь

Не знаю, как мне быть, что делать?

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастие...

Арбенин

О, счастия здесь нет!

Князь

Я всё ведь проиграл!.. Ах, дайте мне совет.

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин

(вдруг берет его за руку)

Погодите,
Я сяду вместо вас. Вы молоды, — я был
Неопытен когда-то и моложе,
Как вы заносчив, опрометчив тоже,
И если б...

(останавливается)

кто-нибудь меня остановил,
То...

(Смотрит на него пристально. Переменив тон.)

Дайте мне на счастье руку смело,
...А остальное уж не ваше дело!

(Подходит к столу, ему дают место.)

Не откажите инвалиду,
Хочу я испытать, что скажет мне судьба
И даст ли нынешним поклонникам в обиду
Она старинного раба.

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.

(Тихо.)

Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.

Игроки

Извольте, вам и книги в руки, — вы хозяин,
Мы гости.

1-й понтер

(на ухо второму)

Берегись, имей теперь глаза!..
Не по нутру мне этот Ванька Каин,
И притузит он моего туза.

Игра начинается, все толпятся вокруг стола, иногда разные возгласы, в продолжение следующего разговора многие мрачно отходят от стола. Шприх отводит на авансцену Казарина.

Шприх

(лукаво)

Столпились в кучку все, кажись, нашла гроза.

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

Видно,
Что мастер.

Казарин

Был.

Шприх

Был, а теперь?..

Казарин

Теперь?
Женился и богат, стал человек солидный,
Глядит ягненочком, — а, право, тот же зверь.
Мне скажут, можно отучиться,
Натуру победить. Дурак, кто говорит;

Пусть ангелом и притворится,
Да черт-то всё в душе сидит.
И ты, мой друг,

(ударив по плечу)

хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.

Подходят игроки.

Что, господа, иль не под силу? а?..

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3-й понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер

(в сторону)

Обрежется.

5-й понтер

Посмотрим.

Арбенин

(встает)

Баста!

Берет золото и отходит, другие остаются у стола. Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руки князя и отдает ему деньги. Арбенин бледен.

Князь

Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...

Арбенин

И деньги ваши тоже.

(Горько.)

А, право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь привесть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы на сраженье.

Князь

Но проиграться вы могли.

Арбенин

Я... нет! .. те дни блаженные прошли —
Я вижу всё насквозь... все тонкости их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.

Князь

Вы избегаете признательность мою.

Арбенин

По чести вам сказать, ее я не терплю.
Ни в чем и никому я не был в жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То всё не потому, что был к нему привязан,
А просто видел пользу в том.

Арбенин уходит.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, кроме Арбенина.

Князь

Мне кажется, он говорил с презреньем.
Досадно! — деньги я не должен был принять.

Казарин

Задумались — об чем, нельзя ль узнать?

Князь

Смущен я странным приключеньем.
Великодушием...

Казарин

Арбенин не таков —
Он никого без видов не обяжет!
Зато вы можете сегодня ж без чинов
В пух обыграть его — он ничего не скажет.

Князь

Но согласитесь вы со мной,
Что одолжаться неприятно
Тому, кто по сердцу для нас совсем чужой.

Казарин

Особенно когда он знатный
И требует покорности немой!
Или когда хотим мы волочиться
За дочерью его иль за его женой.
Всё это может же случиться?
Жена Арбенина собою недурна
И, кажется, в него не очень влюблена,
И я заметил вот недавно,
Как у Печориных движеньем томных глаз
Она кругом искала вас... да, вас,
Э! — князь! да вы себя ведете славно.
По нашим вы ступаете следам!
Мое благословенье вам!
Что нынче молодежь! Трудятся, изнуряют
Себя для службы и наград,
О добродетели кричат
И возле женщины порядочной зевают!
Жить не умеют, мой отец,
Стыдятся неудач, боятся приключений;
И чем кончают наконец...
Лет в двадцать пять все женятся — от лени!

Князь

Да кто же вам сказал? Как догадаться вам?

Казарин

Когда Арбенин был в деревне,
Вы ездили к Настасье Алексевне
По вечерам и по утрам.

Князь

Вот мило! — что же тут дурного?

Казарин

Напротив...

Князь

Я боюсь молвы.
И потому надеюсь, что вы
Об этом никому ни слова...

Казарин

Мне изменить вам! Вас предать?

Князь

Но вы Арбенину приятель.

Казарин

Ха! ха! ха! ха! о мой создатель!
Да, он мой друг — вам не угодно ль знать
Начало дружбы нашей, — я был молод,
Двенадцать лет тому назад,
Неопытен и пылок и богат,
Но он — в его груди уж крылся этот холод,
То адское презренье ко всему,
Которым он гордится всюду!
Не знаю, приписать его к уму
Иль к обстоятельствам — я разбирать не буду.
Раз он меня завел под вечерок
К себе — я верил счастью! кошелек
Мой полон был... я сел играть (признаться,
Страстишка эта уж владела мной)
И проиграл. Отец мой был скупой
И строгий человек: я вздумал отыграться!
Но он меня в когтях своих держал.
И я всё снова проиграл.
Я предался отчаянью: тут были,
Я стану правду говорить,
И слезы и мольбы... они в нем возбудили
Один холодный смех — о! лучше бы пронзить
Меня кинжалом!
И с того мгновенья

Покинул я забавы юных лет,
Мечтанья нежные и сладкие волненья,
И в свете мне открылся новый свет.
Мир безобразных, странных ощущений,
Мир обществом отвергнутых людей,
Самолюбивых дум и ледяных страстей
И увлекательных мучений!
Я увидал, что деньги — царь земли,
И поклонился им — года прошли,
Всё снова унеслось — богатство и здоровье;
Навек передо мной закрылась счастья дверь,
Я заключил с судьбой последнее условье
И вот стал тем, что я теперь,
Умеренный игрок и наблюдатель строгий,
Не действую нигде, зато уж вижу много.

Князь

Послушать вас: Арбенин ваш злодей.

Казарин

Однако ж явно мы поныне
Не ссорились, хотя в душе, ей-ей,
Я не терплю его.

Князь

(про себя)

Поеду завтра к Нине!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Бал у Арбенина. Музыка в другой комнате.

ЯВЛЕНИЕ 1

1-й гость

Угодно ли?

Нина

Я эту не танцую,
А вас сейчас рекомендую
Премилой даме.

1-й гость

Жертвую собой
Для вашей прихоти.

Нина

Вы истинный герой!

Князь

Охота вам так много суетиться!

Нина

Всем надо угодить.

Князь

Нельзя ли, хоть на смех,
Меня в число поставить всех?..

Нина

Неблагодарный! есть за что сердиться.
Подумайте, мы не одне...

Князь

Для света всё — а мне
Ни взора кинуть не хотите,
Ни слова нежного промолвить...

Нина

Погодите.

Уходят.

Арбенин

(Оленьке)

Где Нина? — отчего ты не танцуешь?

Оленька

С кем?..

Арбенин

А! не охотница до пляски!..
Послушай, Оленька, когда приедут маски,

Вели отказывать не всем.

Оленька уходит.

(Гостю.)

Вот истинная компаньонка!..
Как не скучает с ней жена!
Всегда молчит: бледна, грустна,
Зато послушнее ребенка!

Гость

Давно ль у вас она живет?

Арбенин

Уж скоро третий год:
Я взял ее, когда женился.
У матери жены моей
Она росла, сироткой, с ранних дней.

Гость

Да, если так, а то я б подивился.

Арбенин, пожав плечами, уходит. Гость выходит из залы к даме

Дама

Вы с некоторых пор на мир как на Содом
Глядите, строгим мудрецом!..

2-й гость

Премудрость нынешнего света
Не смотрит за предел балета!
Балет на сцене — в обществе балет;
Страдают ноги и паркет,
Куда как весело, ей-богу.
Захочется ль у нас кому
В beau monde [1] открыть себе дорогу,
Работы нет его уму,
Умей он поднимать лишь ногу
И всё, чтобы сказать: сегодня я туда,
А завтра буду там... есть из чего стараться.
Тоска!

---

[1] большой свет (франц.). — *Ред.*

Дама

Зачем же вы сюда
Приехали?

2-й гость

Куда же мне деваться?

Дама

Вам не понравится, боюся, мой совет.

2-й гость

Здесь от передней до гостиной
Всё так высоко, холодно и чинно,
Так приторно и так невинно,
Что мочи нет!

Дама

Тем лучше.

3-й гость

Об заклад побиться не хотите ль,
Что он московский житель?
Но, впрочем, не дивлюсь, что здесь скучает он;
Блестящий бал, да что за тон,
La société est si mêlée
De ces figures qu'on voit passer
Au boulevard, à l'assemblée.[1]

Музыка.

Madame, voudrez vous bien valser?[2]

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ 2

Оленька

(одна)

Им весело, для них судьбою
Жизнь так роскошно убрана,
А я одна, всегда одна...

---

[1] Общество столь смешанное, состоящее из лиц, которых видишь на бульваре, на сборищах (франц.). — *Ред.*
[2] Мадам, не хотели бы вы повальсировать? (франц.). — *Ред.*

Всем быть обязанной, всем жертвовать собою
И никого не сметь любить, —
О! разве это значит жить? . .
Счастливые царицы моды!
Им не изменит свет, их не изменят годы. . .
За что же? красота моя
Их красоте поддельной не уступит,
Жемчуг, алмазы, кисея
Морщин и глупости собою не искупит!
Но счастье их! восторга своего
Несут им дань мужчины ежечасно;
Я лучше, я умней — напрасно!
Никто не видит ничего.

Сзади проходит несколько гостей и между ними маска.

И он, он так же, как другие,
Бежит за ветреной толпой
И мимоходом лишь порой
Мне кинет взгляд — мечты пустые. . .
И как его винить? — и как ему узнать,
Что грудь моя полна желанья неземного,
Что я ему готова жизнь отдать
За миг один, за слово? . .
Всё ждать да ждать, о боже! . . это он,
Расстроен кажется, смущен. . .

ЯВЛЕНИЕ 3

Князь

(быстро подходя)

Ах, извините! я вас принял за другую.

Оленька

И потому лишь подошли. . .

Князь

Вы размышляли, — от земли
Мечты вас, верно, унесли
В мир лучший, жизнь другую?
Я не прощу себе! так дерзко помешать.

Оленька

Чему?

Князь

Мечтам.

Оленька

Дай бог вам не мечтать,
Вдаваться вредно в заблужденье.

Князь

Вы правы, чувства, страсти, всё обман...

Оленька

О! для чего ж от них такое нам мученье!

Князь

Вас взволновал какой-нибудь роман!

Оленька

(в сторону)

Нет! истинное приключенье!

Князь

Не верьте сердцу, ни уму,
Когда они бывают в споре.

Оленька

Чему же верить?

Князь

Ничему.

(Отходя в сторону.)

Не в духе я болтать о вздоре,
А компаньонка мне нужна.

ЯВЛЕНИЕ 4

Нина

(входит)

Измучилась...

Князь

Но к вам идет усталость

Нина

Я думала найти в вас жалость...

Князь

Где есть любовь — там жалость уж смешна!

Нина

О! вы не знаете, как тягостно, как скучно
Жить для толпы, всегда в ее глазах,
Не сметь ни перед кем открыться простодушно,
Везде с улыбкою являться на губах,
Для выгод мужа быть с одним любезной,
Холодностию мстить другому за него
И слышать: «Нина, это мне полезно,
Благодарю тебя!» — и больше ничего.

Князь

Восторг толпы и света удивленье
Заменят счастие легко!

Нина

К толпе я чувствую презренье.

Князь

Чего ж вам надобно?

Нина

Любви — хоть на мгновенье!

Князь

О, вам искать недалеко!..
Любви вы ищете глубокой, сильной, страстной.
Она пред вами здесь в груди моей,
Вы это знаете, — и сколько, сколько дней
Я мучился и думал: всё напрасно!..
Но я любим, я был любим всегда,
О, я молю: скажите да!..
Когда, вы помните, на бале
Мы увидались в первый раз,
Лежало облако печали
На светлом небе ваших глаз.
Они усталые, без цели

Бродили медленно вокруг,
И не искал их встречи ваш супруг,
И на него поднять вы их не смели,
И он стоял близ вас, бесчувственный как сталь,
С лицом, исполненным бесстрастья,
Как неизбежная печаль
Близ неожиданного счастья.
Тогда во мне проснулся чудный звук,
Я поклялся любить и клятву не нарушу.
Я чувствовал: вам нужен друг,
И в жертву я принес вам душу.

Нина

Нас могут слышать, умоляю вас,
Уйдите.

Князь

Нет, скажите мне хоть раз,
Что я любим, скажите, обещайте!

Нина

Да... я люблю вас! боже мой! ступайте.

Князь

(хватает ее руку)

Один лишь поцелуй на счастие, в залог,
Один, не больше, видит бог.

Нина

(не вырывая руки)

Неблагодарный, вот мужчины:
Похожи все на одного!
Теперь вам мало сердца Нины,
Теперь вам хочется всего!
Вам надо честь мою на поруганье!
Чтоб, встретившись на бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом рассказать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Промолвить: вот она — и пальцем указать.

Маска в дверях.

Князь

Обидно ваше подозренье,
И я вас должен наказать,

(срывая браслет)

Вот мне залог любви, доволен я, прощайте.

Нина

(в испуге)

Ах! что вы сделали, отдайте мне, отдайте,
Мой муж заметит, он меня убьет!
Да нет, вы шутите, о, это злая шутка,
Отдайте, я лишусь рассудка...
Вы так-то любите? — все обещанья вот?
Вот на доверенность как нынче отвечают!..

Оленька

(становится между ими)

Скорей, скорей, за вами примечают!

Нина

(убегая)

Хоть пощадите честь мою.

Князь

(задумываясь)

Мне кажется... что я ее люблю...

Оленька

(в сторону)

Хотя б сказал — благодарю!
Ни взгляда, ни привета,
Он, верно, думает, что плотят мне за это!
Нет, вижу, что всегда останусь я рабой
Привычки жертвовать собой.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ 5

Князь

Что делаешь ты здесь, таинственная маска?

Маска

(в полукитайском костюме)

Смотрю на ваш роман,
Завязка дельная, да будет ли развязка?

Князь

Узнать нельзя ль, кто вы?

Маска

Из дальних стран
Приезжий — вам знакома Уналаска?

Князь

Пусть так, на этот раз,
Там, верно, принято у вас
Подсматривать, подслушивать стараться
И не в свои дела мешаться!
Но это здесь, мой милый друг,
Не так свободно сходит с рук.

Маска

Угрозы? .. и еще какие?
Гостеприимства нет в России!

Князь

(увидав Арбенина)

Теперь не время... но...

(Уходит скоро.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Арбенин подходит. Казарин снимает маску и хохочет.

Арбенин

Что Звездич так взбешен? ..
Уж, верно, зацепил его ты эпиграммой.

Казарин

Нет, сердится за то, что видел я, как он
Любезничал с одною дамой!

Арбенин

С кем, с Оленькой?

Казарин

Быть может... не совсем.

Арбенин

Ты для друзей и слеп и нем,
А помнится, глаза-то были зорки...
Бывало, тотчас различат
Хоть за версту пятерку от шестерки,
Подобный глаз для мужа клад!
Вот я так ничего не вижу и не знаю,
Жене свободу полную даю,
Мечтаю, что любим, о верности мечтаю
Лишь потому, что верен и люблю.

Казарин

Мечтай, мечтай, судьба твоя завидна,
Беспечность редкая в таких, как ты, мужьях.

Арбенин

Ты прав, я не молод.

Казарин

И опытен; обидно
С таким умом...

Арбенин

Ну что же?

Казарин

Ах!
Не спрашивай.

Арбенин

Уж, верно, подозренье...

Казарин

Нет, я тебя оставлю в заблужденье,
Тебя, мой старый, первый друг,
Вступил ты в новый, лучший круг.
И знанье сердца, знанье света
Ты презрел для любви — законной и святой,
И лаской женщины душа твоя согрета!
Я не дивлюся, бог с тобой,
Ведь это иногда бывает,
Кто в детстве рассуждал, тот в старости мечтает,
Но я всё тот, каков и был...

Арбенин

Чужого счастия отчаянный зоил!
Ну! что же, продолжай! ведь целый час хлопочешь,
Обманут я женой моей,
Прищурься, ха! ха! ха, поохай, пожалей.

Казарин

Так... если сам ты этого уж хочешь.

Арбенин

Уж эти мне разносчики вестей!

Казарин

Я рад, что ты, как прежде, хладнокровен,
И стану говорить смелей.
Союз ваш несколько неровен,
И начинаю думать я,
Что ты не вовсе без расчета.
Пожалуй, есть мужья!
Им подражать кому охота;
Ревнуют, бесятся, шумят.
Провел меня ты славно, брат.
И надо б отомстить, да штука мастерская,
И я мирюсь, искусство уважая!
Великодушием прямым
Князька ты одурачил славно,
Началом пользуясь таким,
Ты оберешь его исправно.
Пускай жене в отсутствии твоем

Он плотит нежные визиты,
Тебе же плотится за карточным столом,
И дело слажено, вы квиты!

Арбенин

(в негодованьи)

Казарин!

Казарин

Видел я сейчас,
Как нежничал, шептался здесь он с нею;
Я издали смотрел и, утверждать не смею
(Трельяж их закрывал от любопытных глаз),
Два вздоха слышал я да звуки поцелуя,
И больше ничего, поклясться в том могу я.

Арбенин

Ты видел, слышал? помни, что сказал.
Я доберусь до истины, — терпенья
Достанет у меня, но если ты солгал,
Казарин. О! тогда не жди спасенья,
Ты в десять лет успел меня узнать;
Я в жизни раз лишь был обманут, раз — не боле,
И отомстил — и отомщу опять,
И страшно отомстить — в моей, ты знаешь, воле.

Казарин

Мой бедный друг, всё тот же он,
Всё тот же черт, когда взбешен;
Дни, об которых я тоскую,
Невольно мне напомнил ты теперь,
Жизнь беспокойную, кипучую, лихую.
Тогда ты был не человек, а зверь. . .

(Смеясь, уходит.)

Арбенин

(один)

О, кто мне возвратит вас, буйные надежды,
Вас, нестерпимые, но сладостные дни.
За вас отдам я счастие невежды,
Беспечность и покой — не для меня они!
Мне ль быть супругом и отцом семейства,

Мне ль, мне ль! который испытал
Все ужасы и сладости злодейства
И с ним лицо к лицу ни разу не дрожал?..

(Погружается в задумчивость, музыка играет в другой комнате, и он садится.)

В кругу обманщиц милых я напрасно
И глупо юность погубил,
Любим был часто, нежно, страстно,
И ни одной из них я не любил;
Романа не начав, я знал уже развязку
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И скучно стало мне, и тяжко жить,
И кто-то подал мне тогда совет лукавый
Жениться... чтоб иметь святое право
Уж ровно никого на свете не любить.
И я нашел жену — покорное созданье;
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена.
И вдруг во мне забытый звук проснулся,
Я в душу мертвую свою
Взглянул — и увидал, что я ее люблю,
И стыдно молвить... ужаснулся...
И снова ревность, бешенство, любовь
В пустой груди бушуют на просторе,
Изломленный челнок, я снова брошен в море,
Вернусь ли к пристани я вновь?

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет Арбенина.

ЯВЛЕНИЕ 1

Арбенин

(один)

Ночь, проведенная без сна,
Страх видеть истину — и миллион сомнений!..
С утра по улицам бродил, подобно тени,
И не устал — и в сердце мысль одна...

Один лишь злой намек, обманчивый, быть может,
Разбил в куски спокойствие мое!
И всё воскресло вновь... и всё меня тревожит,
Былое, будущность, обман и правда... всё!..
Но я решился, буду тверд... узнаю прежде,
Уверюсь... доказательства... да! да...
Мне доказательств надо... и тогда...
Тогда... конец любви, конец надежде!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Входит Нина.

Арбенин

(холодно)

А! здравствуй, Нина... наконец...

Нина

Недавно я проснулась...

Арбенин

Поздно,
Я жду тебя уж целый час...

Нина

Серьезно?
Ах, как ты мил!

Арбенин

А думаешь, глупец...

Нина

Вот ты опять не в духе, смотришь грозно,
И на тебя ничем не угодишь...

Арбенин

Скучаю я с тобою розно.

Нина

А встретимся, ворчишь

(Ласкаясь.)

Скажи мне просто: Нина,

Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя... зачем другой мужчина,
Какой-нибудь бездушный и пустой
Бульварный франт, затянутый в корсете,
С утра до вечера тебя встречает в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова.
Скажи мне это, я готова,
В деревне молодость свою я схороню;
Но что, меня умчало
Воображенье... и к чему?..
Положим, ты меня и любишь, но так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому.

Арбенин

Как быть, я жить привык беспечно,
А ревновать смешно.

Нина

Конечно.
Ты столько видел, испытал,
И ревность и любовь тебе не новы...
Ты отдыхаешь...

Арбенин

(В продолжение этого монолога он по временам останавливается и наблюдает Нину. В сторону.)

О! недолго отдыхал!

(Ей.)

Послушай, нас одной судьбы оковы
Связали навсегда, ошибкой может быть, —
Не мне и не тебе судить!
Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла
Один заглавный лист, и пред тобою
Открыто море счастия и зла.
Иди любой дорогой:
Надейся и мечтай — вдали надежды много,
А в прошлом жизнь твоя бела.
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мне — и любишь — верю я,

Но безотчетно, чувствами играя
И резвясь, как дитя.
Но я люблю иначе, я всё видел,
Всё перечувствовал, всё понял, всё узнал,
Любил я часто, чаще ненавидел
И более всего страдал!
Сначала всё хотел, потом всё презирал я;
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать проклятья
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастия земли;
Так годы многие прошли!
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал, несчастный,
Но ныне черствая кора
С моей души слетела, мир прекрасный
Моим глазам открылся не напрасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух враждебный
Меня уносит в бурю прежних дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой волшебный;
В борьбе с собой, под грузом тяжких дум,
Я молчалив, суров, угрюм:
Боюся осквернить тебя прикосновеньем,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем,
Тогда ты говоришь: меня не любит он!

Она ласково смотрит на него и проводит рукой по волосам.

Нина

Тебя понять, ей-богу, трудно,
Чего ты требуешь, могу ль я отгадать?

Арбенин

Да, требовать любви, конечно, безрассудно,
Я и не требую — мне поздно покупать
Лукавый поцелуй признаньями и лестью.

Моя душа с твоей душой
Не встретились... что делать — бог с тобой...
Позволь мне дорожить по крайней мере честью!..
Честь, имя — вот чего я требую от вас.
Вы их толпе на поруганье дали,
Я внятно говорю... вы всё не понимали.
Поймите же меня, хотя на этот раз.

Нина

Мне отвечать вам было б стыдно.

Арбенин

Стыд? так — пора — его давно не видно...
Зачем явился он теперь!
Гоните прочь его скорей, в окно иль в дверь,
Откуда входит к вам любезный,
Чувствительный, услужливый князек.

Нина

Так вот что? это мне урок...

Арбенин

И, верно, бесполезный.

Нина

Не знаю, кто оклеветал меня,
Я это заслужила,
Смеялась, ре́звилась, шутила,
Нет, с нынешнего дня
Не будет сметь ко мне приблизиться мужчина
На расстоянье в три аршина!

(С иронией.)

Решусь не говорить, решуся не смотреть,
Не танцевать, за картами сидеть,
Как кукла, как стату́я,
Тогда на вас, конечно, угожу я!
Тогда вы скажете — вот верная жена!
Как зло на всех глядит она.

(Смеясь.)

Смешно, смешно, ей-богу.

Не стыдно ли, не грех
Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

Дай бог, чтоб это был не твой последний смех.

Нина

О! если ваши продолжатся бредни,
То это, верно, не последний.

Арбенин

Увидим.

Нина

Я тебя люблю,
Мне жаль тебя, Евгений.

Арбенин

Ну, по чести,
Признанье в пору...

Нина

Выслушай, молю,
Я оправдаюсь.

Арбенин

Нет.

Нина

Чего ж ты хочешь?

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

О, час придет,
И, право, мне вы надивитесь!

Нина

Не мне ль?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

О, это нестерпимо!.. что ж он сам
Не явится сюда, мой тайный обвинитель,
Пусть повторит при мне — пускай покажет вам
Все доказательства... вы этого хотите.
А если он не явится? Какой
Найдете вы предлог, чтоб оправдаться?

(Плача.)

Но, право, вы слезы не стоите одной.
И мне приличнее смеяться!

Арбенин

Так суждено мне, может быть,
Весельем оскорблять, страданием смешить!
И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в предмете,
Другой в науке погружен;
Тот добивается чинов, крестов иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра волнует кровь.
Я странствовал, играл, был ветрен и трудился;
Постиг друзей, коварную любовь;
Чинов я не хотел, а славы не добился.
Богат и без гроша был скукою томим,
Везде я видел зло и, гордый, перед ним
Нигде не преклонился.
Всё, что осталось мне от жизни, — это ты,
Созданье слабое, но ангел красоты:
Твоя любовь, улыбка, взор, дыханье,
Я человек — пока они мои;
Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!

Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей змея
Так много дней была согрета, — если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно?
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава;
Покуда не растопится, тверда
Она как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья, —
Закона я на месть свою не призову!
Но сам без слез и сожаленья
Две наши жизни разорву!

(Хочет взять ее за руку.)

Она отскакивает в сторону.

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!

Арбенин

Неужели!
Я страшен! Нет! — ты шутишь, я смешон...
Да, ты своей достигла цели;
Зачем же не пришел полюбоваться он
Моим отчаяньем!.. Теперь бы очень кстати
Вчерашний разговор вам повторить живой;
Чай, в промежутках ласк, объятий
Смеялись вы жестоко надо мной.

Нина

Вчера?..

Арбенин

Вчера, на бале.

Нина

(в сторону)

Он всё знает.

(Ему.)

Так вот причина! А ты видел сам?..

Ты видел? .. нет! кто ж обвиняет
Меня! Никто... ты следуешь мечтам,
Тебе спокойствие и счастье надоело,
Прекрасно! Продолжай же смело! ..
Ты хочешь правды? Верь или не верь,
Тебе я всё скажу теперь.
Князь любит Оленьку... давно ли, я не знаю.
И без тебя он для нее одной
Езжал сюда... он не бывал со мной,
Он избегал меня... вчера, я понимаю! ..
Вчера он с ней, от бала удалясь,
Был здесь... и на меня подумать? .. Этот князь! ..
Хвастун, мальчишка... да я их застала...
Вчера вдруг Оленька, краснея, убежала...
И я за это, я терплю
Угрозы ревности, упреки подозренья.

Арбенин

Я верю... и сейчас за Оленькой пошлю.

Нина

Избавьте хоть ее от пыток и мученья,
Чего еще вам надо?

Арбенин

Убежденья!

Нина

Но не теперь! .. в другой хоть раз.

Арбенин

(звонит)

Лакей входит.

Поди и позови мне Оленьку — сейчас...

Нина

Евгений — я прошу: не говори с ней строго,
Она так молода... вина ее скорей
Простая ветреность.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Оленька.

Нина

(подбегая к Оленьке, тихо ей говорит)

Не бойся — будь смелей!

Оленька

Что вам угодно?

Арбенин

Много! Очень много!..

Оленька

Что сделалось?

Нина

(ей тихо)

Не погуби меня,

(упадая в кресла)

Молчи, молчи!

Оленька

Готова слушать я...

Арбенин

Скажи мне, Оленька... на сердце руку смело,
Всю правду, как пред богом — всё скажи.

Оленька

Я не охотница, вы знаете, до лжи.

Арбенин

О! да, я знаю, ты всегда умела
Открыто правду говорить,
Собою жертвовать и искренно любить,
Ты чувствовать умела одолженья,
Не замечать, не помнить зла.
Как ангел-примиритель ты жила
В семействе нашем... Но!.. ужасные мученья
Столпились к сердцу моему.

И я теперь не верю ничему.
Клянись... но, может быть, моленье
Отвергнешь ты мое,
И что мудреного! Кому моей судьбою
Заняться!.. я суров! я холоден душою...
Один лишь раз, один пожертвуй ты собою
Не для меня — нет — для нее...

Оленька

О, мне, конечно, ничего не стоит
Собой пожертвовать для вас.
Вы точно знаете: вас это успокоит?
Извольте... где? когда? сейчас?..

Арбенин

Вот видишь, это дело важно: в свете
Смеюсь над этим сам...
А в сердце целый ад... так знай: в твоем ответе
Жизнь или смерть обоим нам.
Я был в отлучке долго... слух промчался,
Что Звездич в Нину был влюблен.
Он каждый день сюда являлся,
Но для кого, свет часто ошибался.
Его сужденья не закон;
Вчера здесь слышали признанья, объясненья,
Вы обе были тут; с которой же из вас!
Я должен знать сейчас,
О, если не с тобой — то нет ему спасенья!..

Оленька

(в сторону)

Теперь я понимаю... он убьет,
Убьет его.

Арбенин

Ты видишь, речь идет
О жизни, счастии и чести.
Я истину хочу: она сказала мне,
Что с князем здесь вы оставались вместе.

Оленька

Она сказала? с ним? наедине?

Арбенин

Она! а ты молчишь?

Оленька

Что делать, боже!

Арбенин

Я вашу связь не осуждаю... что же,
Но если это так, то дом оставить мой
Должна ты завтра же, не ссорюсь я с тобой,
Но честь жены всего дороже мужу!
Ошибку света я пред светом обнаружу!..

Оленька

А я? куда я денусь?.. ни родных,
Ни друга на земле; чем жить... в презренье,
У всех... в мои лета... за что? — о! в этот миг

(Нине)

От вас я требую, да, требую спасенья!
Защиты — вы должны, вы можете одне...

Арбенин

(на ухо Нине)

Она не признается. Для терпенья
Граница есть...

Нина

Но что же делать мне?..

Арбенин

Подумай, Оленька: одно лишь средство
Окончить всё: скажи мне *да* иль *нет;*
Скорей, скорей, какой-нибудь ответ.
Но также вспомни время детства.
Заботы, ласки матери ее
Тебя не покидали ни мгновенья,
Чужая ей, ты с ней делила всё.
Есть сердце у тебя? смущенье,
Страх, обморок!.. Ну, право, я не зверь,
Прошу лишь слово правды... не хотите!..
Ошибся я — не надобно — идите.

Оленька

(чрез силу)

Минуту — погодите.
Да, я всему виной — довольны ль вы теперь?.

Арбенин

О! наконец!

(После молчания. Жене.)

Здесь на колена
Я упадаю пред тобой,
Прости, прости меня... глупец я злой
И недостойный! может ли измена
Такую душу омрачить?
Я чувствую: я недостоин жить.
Здесь, здесь клянусь не знать успокоенья,
Пока коварный клеветник,
Как я перед тобой теперь, у ног моих
Не будет умолять о жизни и прощенье,
На божий суд пойду я с ним...
Скажи мне: я прощен? я вновь тобой любим?

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Комната Казарина.

ЯВЛЕНИЕ 1

Казарин

Я утверждал всегда:
Чего судьба упрямая захочет,
Пусть целый мир хлопочет,
А сбудется наверно, — да!
Князь Звездич, например, была ему острастка —
А нынче сам ко мне на вечер назвался.
Играть не станет он, посмотрит только... сказка!
Уж быть тому, за что я раз взялся!
Вот, кажется, он сам, какое нетерпенье!
Явился прежде всех.

(Отворяет двери.)

А, князь! мое почтенье!

ЯВЛЕНИЕ 2

Казарин и Арбенин

Казарин

(оправившись)

Ну, брат, не ждал я, виноват.
Я, впрочем, очень рад.

Арбенин

Не торопись заране веселиться!

Казарин

Мой бедный друг! Как приуныл,
Да что ж могло с тобой случиться?
Ах, помню! видишь ли, я правду говорил!
Из благодарности, однако, умоляю,
Старинную припомня связь,
Умерь себя, ко мне сегодня будет князь,
Хоть нонче помолчи, его я обыграю,
А завтра делай с ним, чего душа
Попросит...

Арбенин

Мысль отменно хороша,
Я князю не скажу ни слова.

Казарин

Вот сердце доброе, — да в свете нет такого!

Арбенин

Тебе же я скажу всю правду, как привык,
Ты, милый мой, презренный клеветник.
Клеймом стыда я вас, сударь, отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с вами встречу.

Казарин

Ах боже мой!.. меня?.. за что ж меня?
Вот хлопочи, советуй другу!
Зло за добро — брань за услугу!..
Что? этак делают друзья...

Арбенин

Да, да, я помню, время было,
Когда с тобой одним путем
Стремление страстей нас уносило;
Я нужен был тебе, искусством и умом
Я защищал тебя в опасные мгновенья,
С тобой добычу я делил,
И только — вот твое о дружбе мненье!
Иначе в жизни ты ни разу не любил.
Когда всю ночь я в шумном круге
Сидел и хохотал с истерзанной душой,
Искал ли я в тебе, как в друге,
Надежды, жалости?.. бывал ли я с тобой
Таков, как иногда бываю
Один с моим творцом, когда под гнетом бед
За преступленья юных лет
Я, горько плача, умоляю?
Нет, нет!
Ты мне завидуешь, тебя ж я презираю!

Казарин

Пусть так! — возьми назад, возьми
Ты дружбу глупую — всё кончено меж нами,
Я никогда не дорожил людьми,
Тем боле гордецами!
А чем же лучше ты меня?
Тем, что беснуешься, кричишь ты без разбору.
А я, рассудок свой храня,
Немного говорю, да в пору!..
Чем виноват я, что жена
Тебе немного неверна...
С такою совестью измученной и грозной
Тебе бы в монастырь, — а уж влюбляться поздно.
А хочешь ты купить прощение грехов,
Молчи, терпи...

Арбенин

О нет! Я не таков!..
Я не стерплю стыда и оскорбленья
При первом подозренье.
Тебе я это уж сказал —
И всё ж ты на нее бесстыдно клеветал!

Но я открыл глаза... и будешь ты наказан,
Да, — совестью моей не так еще я связан,
Как ты, быть может, полагал.

Казарин

Твоих угроз я не пугаюсь, право!

Арбенин

Посмотрим! помнишь ли, советник мой лукавый,
Второе сентября семь лет тому назад...

Казарин

(смущаясь)

Что ж, помню.

Арбенин

Очень рад.
Я стану говорить короче.
Дольчини, ты и Штраль, товарищ твой,
Играли вы до поздней ночи,
Я рано убрался домой,
Когда я уходил, во взорах итальянца
Блистала радость; на его щеках
Безжизненных играл огонь румянца...
Колода карт тряслась в его руках,
И золото пред ним катилось — вы же оба
Казались тенями, восставшими из гроба.
Ты это помнишь ли?..

Казарин

Ну что ж.

Арбенин

Сейчас
Я кончу мой рассказ.
Пред вашим домом утром рано
Дольчини был найден на мостовой
В крови, с разбитой головой;
Вы всех уверили, что пьяный
Он выскочил в окно, —
Так это и осталось! но
Волшебной сказкою меня не обморочишь,
И кем он был убит, скажу я, если хочешь!

Казарин

Ты доказать не можешь ничего.

Арбенин

Конечно! вот письмо. Кто написал его?

Казарин

(упадая на стул)

Злодей, ведь я погиб...

Арбенин

Твой друг мне проигрался
И отдал свой бумажник — в нем
Нашел я этот клад... Кто в дураках остался?
Ты мне хотел вредить... за зло плачу я злом.

Казарин

Помилуй, сжалься, я твой раб отныне,
Конечно, что уж делать, согрешил,
Но я клянусь...

Арбенин

Какой святыней?

Казарин

(плача)

Я уж раскаялся.

Арбенин

А! Плачешь, крокодил!

Казарин

(вскакивая. В сторону.)

Одно осталось средство для спасенья.

(Громко.)

Постой, смотри... вот шкаф и от него ключи,
Там тысяч пятьдесят — с условием, молчи!
Тебе всё, всё мое именье!

Арбенин

Ха-ха-ха-ха, смешное предложенье!..

Казарин

Не хочешь?

Арбенин

Я богат.

Казарин

(в отчаяньи)

Он прав, но если так,
Я остаюсь при первом мненье.

Арбенин

Что? Что?

Казарин

Я просто был дурак,
Что испугался. Докажи сначала,
Что я солгал... да, — докажи сперва,
Что мне вредить имеешь ты права
И что жена тебе не изменяла,
Ты муж, каких на свете мало,
Всем верил! прежде мне,
Потом проказнице жене;
С тобой, я вижу, надо осторожно...

Арбенин

Изволь, тебя утешить можно.
Ты знаешь Оленьку — она,
Бедняжка, в князя влюблена.
Он для нее езжал ко мне, меж ними
Что было, я не знаю, только всё
Упало на жену, намеками своими
Ты очернил ее!
Но я хотел знать правду... и не много
Трудился — Оленька призналась: строго
Я поступил, — но требует нужда,
Она мой дом оставит навсегда.

Казарин

Сама призналась?

Арбенин

Да!

Казарин

Заставили признаться!

Арбенин

Сама!..

Казарин

Не может быть! уговорить легко!

Арбенин

Мне любопытно знать, как может далеко
Такая дерзость простираться.

Казарин

Я милости прошу — минут чрез пять
Князь будет здесь — дай слово не мешать.

Арбенин

В чем?

Казарин

Ради бога!

Арбенин

Про жену ни слова.

Казарин

Пусть ни гугу!

Арбенин

Посмотрим, это ново,
Последнее то будет шельмовство.
Песнь лебедя... а там к расчету.

Казарин

(в сторону)

Заплатишь, милый, за охоту
Знать верх искусства моего.

(Ходит по комнате.)

Он скоро будет... кажется, идет,
Нет — если он не будет — право,
Злой дух меня толкнет
С ним заключить расчет кровавый.

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и князь

Казарин

(тихо)

Насилу! кажется, еще на этот раз
Судьба меня спасти взялась.

(Князю.)

Князь, поздно, поздно что? Откуда?

Князь

Я был в театре.

Казарин

Что дают?

Князь

Балет.

Казарин

А я про вас здесь слышал чудо
И верить не хотел.

Князь

Конечно, не секрет?

Казарин

Сказать бы рад — да мудрено решиться,
Не вздумали бы рассердиться.

Князь

За правду не сержусь — а если ложь,
На вас сердиться мне за что ж?

Казарин

Люблю за это нашу молодежь,
Рассудит прежде, после скажет;
Бывало, нам ничто язык не свяжет.
Врут, хоть сердись, хоть не сердись,
Зато и доврались!

Князь

Да что ж вы про меня узнали?

Казарин

Да! вот что! бедная, ее вы наказали
За жертвы, за любовь... люби вас, шалунов,
Потом терпи, кто ж виноват, она ли?
Ан нет! Чай, сколько просьб и слов,
Угроз и ласк, и слез, и обещаний
Вы расточили перед ней,
И всё зачем? из сущей дряни
Повеселиться пять, шесть дней.
Прекрасно, князь, прекрасно.
Скажите-ка: она вас любит страстно?
Вы долго волочились! .. о, злодей! ..

Князь

Позвольте хоть узнать, о ком вы говорите?

Казарин

Не знает! О, невинность! Посмотрите,
Какой серьезный вид и недовольный взор.
Да я не знал, что вы такой актер;
А для кого, скажите-ка по чести,
Езжали вы к нему так часто в дом,
А кто с утра ждал под окном,
Как вы проедете... уж я на вашем месте
Теперь, когда открылося, когда
Она без крова, жертвою стыда,
Осуждена искать дневного пропитанья,
Уж я женился бы... хотя б из состраданья.

Князь

Да ради бога, кто ж она? И в чем
Я виноват?

Казарин

Нашли же вы на ком,
На компаньонке пробовать искусство,
И трудно ль обмануть простое чувство
И погубить невинное дитя,
За это я возьмусь шутя!

Князь

Послушайте, зашли вы дальше шутки.

Казарин

Да я и не шучу... я правду вам сказал —
Арбенин Оленьку прогнал...
Что ж делать, у него свои есть предрассудки.

Князь

Помилуйте, да вы сошли с ума.
Кто так наклеветал безбожно?

Казарин

Она сама призналась.

Князь

Как?

Казарин

Она сама.

Князь

Не может быть.

Казарин

Случилось — так возможно.

Князь

Не может быть. Ее признанье ложно.
Я не хочу, чтоб за меня она
Страдала; я помочь не в силах, право...
Я не люблю ее... жениться мысль смешна.

Арбенин

И то зачем, уж вы покрылись славой.

Князь

С чего вы вздумали, что я женюсь на ней?

Арбенин

Ну, князь, я думал, вы честней...

Князь

Вы это думали?.. А, это оскорбленье.
Останьтесь же при первом мненье.
И прежде чем решит свинец,

Я докажу, что я не трус и не подлец.
Хотите ль правду знать?

Арбенин

Посмотрим — что же?

Князь

Вы не раскаетесь?

Арбенин

У вас спрошу я то же.

Князь

Хотите?

Арбенин

Да!

Князь

Скажите лучше: нет.

Арбенин

Хочу.

Князь

(подавая браслет)

Смотрите, чей браслет!
Узнали ль?

Арбенин

Да — узнал!

Князь

Я думаю, узнали.
Теперь раскаялись.

Арбенин

(помолчав, с бешенством)

Нет! вы его украли!
А! вы подумали, что можете со мной
Шутить, как с мальчиком... глупцы, вы оба дети...
Вы видите, как ваши сети
Я разорвал одной рукой...
А! князь, — вы сами захотели
Себя достойно наказать,

Как вы решились, как вы смели
В глаза всё это мне сказать;
Скорее на колени, на колени,
Нет! очень рад! Тем меньше затруднений!
Вам жизнь наскучила — не странно! жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь, вы будете убиты;
Умрете с именем и смертью подлеца.

Князь

Скорее час и место!

Казарин

(в сторону)

Ну, насилу
Избавлюсь от него, не в крепость — так в могилу.

Арбенин

Я жду вас завтра к девяти часам,
И у себя.

(Подходит к Казарину.)

Казарин

(смеясь)

Не спорь со мною.

Арбенин

Не веселись по пустякам.
Твои дела сегодня ж я устрою.

(Уходит быстро.)

ЯВЛЕНИЕ 4

Казарин

(несколько времени поражен, потом вскакивает)

Князь — я ваш секундант... угодно?

Князь

Очень рад.

(В сторону.)

Я глупо поступил — да уж нельзя назад.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Комната Арбенина. Нина спит на канапе.

ЯВЛЕНИЕ 1

Арбенин

(входя, оборачивается к двери)

Князь Звездич скоро должен быть. Ко мне
Его проси, — ступай; как ты сюда попала?

Служанка

Тихонько-с! барыня сейчас започивала.
Ждала вас целу ночь и бредила во сне...
Потом чем свет оделась, встала,
Изволила прийти к вам в кабинет,
Да и уснула здесь на креслах.

Арбенин

Я исправить
Хочу вину свою... ты можешь нас оставить.

Уход служанки.

ЯВЛЕНИЕ 2

Арбенин, Нина.

Арбенин

(подходя к Нине)

Спит — точно спит, сомненья нет,
Улыбка по лицу струится,
И грудь колышется, и смутные слова
Меж губ скользят едва-едва...
Понять нетрудно, кто ей снится.
О! эта мысль запала в грудь мою,
Бежит за мной и шепчет: мщенье! мщенье!
А я, безумный, всё еще ловлю
Надежду сладкую и сладкое сомненье!
И кто подумал бы, кто смел бы ожидать?
Меня, — меня, — меня продать
За поцелуй глупца, — меня, который

Готов был жизнь за ласку ей отдать,
Мне изменить! мне — и так скоро.

(Задумывается.)

Да. Да — я этого хочу;
Я вырву у нее признанье
Угрозой, страхом, я ей отомщу.
Как прежде мстил — без состраданья.

Молчание.

Бывало, я искал могучею душой
Забот, трудов, глубоких ощущений,
В страданиях мой пробуждался гений,
И весело боролся я с судьбой;
И был я горд, и силен, и свободен,
На жизнь глядел как на игрушку я,
И в злобе был я благороден,
И жалость не смешна казалася моя,
Но час пришел — и я упал, — ничтожный,
Безумец, безоружен против мук и зла;
Добро, как счастие, мне стало невозможно.
И месть, как жизнь, мне тяжела...

ЯВЛЕНИЕ 3

Арбенин, Нина, Оленька.

Оленька

(входя, увидав)

Ах, боже мой!.. он здесь...

Арбенин

Не разбуди...

(Увидав узел.)

Что это значит?

Оленька

Я пришла проститься...

Арбенин

К кому же ты пойдешь?

Оленька

К кому случится.

Прощайте!

Арбенин

Погоди!

Мне жаль тебя... бедняжка, ни родного,
Ни друга на земле.

Оленька

Что ж? я на всё готова.

Арбенин

Легко сказать... Презренье, нищета...
Ужасно.

Оленька

Да, ужасно!..

Арбенин

Тебе упреком будет красота.
Пройдут и скажут: да, она прекрасна;
С подобным личиком невинность сохранить
Задача трудная — к тому ж ведь надо жить!..

Оленька

О, я умру.

Арбенин

Кто виноват? не ты ли?..
Подумай!..

Оленька

Я одна.

Арбенин

Признайся мне, вы в заговоре были.
Тебя солгать заставила она...
Ты гибнешь — если нет — признайся — спасена.
Есть время...

Оленька

О, не искушайте!

Арбенин

Я жду последний твой ответ.

Оленька

(уходя)

Прощайте!

Арбенин

Постой... войди сюда... и через час
Я кликну... может быть, и прежде.

Оленька

Для чего же?

Арбенин

Узнаешь.

Она уходит.

ЯВЛЕНИЕ 4

Арбенин, Нина.

Арбенин

Боже! боже!
Дай твердость мне в последний раз.

Арбенин подходит к Нине.

Проснись... пора...

Нина

Ах, это ты, Евгений!
Какой тяжелый сон... толпа видений
В уме моем еще теснится. Снилось мне,
Что ты ласкал меня так страстно!
А говорят, что всё во сне
Наоборот... и верить им опасно...
Боюсь, что ждет меня беда!

Арбенин

Предчувствиям я верю иногда.

Нина

Тебя я жду всю ночь — была готова
Послать искать.

Арбенин

О, редкая жена...

Нина

Послушай, милый друг, я что-то нездорова.

Арбенин

(в сторону)

Судьба мне помогает снова.

Нина

Я очень, кажется, больна.

Арбенин

Мне жаль.

Нина

Послушай, я сказать тебе должна.
Со мною ты ужасно изменился.
Стал холоден и принужден.
И отчего?

Арбенин

Как быть, мне также снился
Зловещий сон!..

Нина

Всё грустен, всё ворчишь — мне в тягость жизнь такая.

Арбенин

Ты пра́ва, что такое жизнь? — жизнь вещь пустая, —
Покуда в сердце быстро льется кровь,
Всё в мире нам и радость и отрада;
Пройдут года желаний и страстей,
И всё вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная шарада
Для упражнения детей,
Где первое — рожденье, где второе —

Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть последнее... а целое обман.

Нина

О нет, я жить хочу.

Арбенин

Пустое!

Нина

И умереть боюсь.

Арбенин

Жизнь — вечность, смерть — лишь миг.

Нина

Нельзя ль от шуток мне твоих
Избавиться, я слушать всё готова,
Но не теперь... Евгений, я молю,
Пошли за доктором... я очень нездорова,
И голова кружится!

Арбенин

Не пошлю.

Нина

О, ты меня не любишь...

Арбенин

А за что же
Тебя любить... за то ль, скажи,
Что был обманут я, ты требуешь любви,
Насмешка горькая...

Нина

О боже!..

Арбенин

Тому назад лет десять я вступал
Еще на поприще разврата,

Раз в ночь одну я всё до капли проиграл.
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал.
Я был в отчаяньи. Ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипела кровь,
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой четверку пик,
Последний рубль в кармане дожидался
С заветным порошком — риск, право, был велик,
Но счастье вынесло, и в час я отыгрался!
Заветный порошок я долго сберегал
Среди волнений жизни шумной,
Как талисман таинственный и чудный,
Хранил на черный день, и этот день настал.

Нина

Что хочешь ты сказать, не мучь меня, Евгений.
Но ты дрожишь, ты стал бледнее тени?

Арбенин

Тут был стакан — он пуст — кто выпил лимонад?

Нина

Я выпила — смеешься?

Арбенин

Да — я рад.

Нина

Что ж было в нем?

Арбенин

Что? Яд!

Нина

(вскочив)

Не верю! Невозможно! и с такою
Холодностью смеяться надо мною.
И в чем виновна я — ни в чем;

Что балы я люблю, вот вся беда в одном.
Яд — это было бы ужасно.
Нет, поскорей рассей мой страх,
Зачем терзать меня напрасно?
Взгляни сюда, о, смерть в твоих глазах.

Арбенин

(бросая браслет на стол)

Ты изменила мне — вот обвиненье.

Нина

Не верь — не верь... из сожаленья!

Арбенин

Признайся!

Нина

Не могу!..

Арбенин

Пожалуй, ты умрешь.

Нина

Но я невинна.

Арбенин

Ложь!

Нина

Так нет спасенья!..

Арбенин

Нет спасенья!..

Нина плачет.

Да, горько я ошибся — возмечтал
О счастье — думал снова
Любить и веровать, — но час судьбы настал
И всё прошло, как бред больного.
Я мог бы воскресить погибшие мечты.

Я мог бы, веруя надежде,
Быть снова тем, чем был я прежде.
Ты не хотела, ты!
Плачь, плачь — но что такое, Нина,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал! я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и стыда.
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое значит,
Когда мужчина плачет!
В тот миг к нему не подходи,
Смерть у него в руках — и ад в его груди.

Нина

(упадая на колени)

О, ты ужасен! о, помилуй! пощади.
Я всё исполню, я признаюсь, — поскорее,
Еще есть время, говори, чего
Ты хочешь... смерть всего страшнее,
Смерть, смерть — да, я люблю его,
Нет, нет, — то было заблужденье,
Ребячество, обман, воображенье,
Я не любила никого...
Позволь обнять твои колени...
Ты видишь, я у ног твоих, Евгений.
Скажи, скажи, какой ценой
Купить мне жизнь... ценой мучений?
Чем хочешь буду я — твоей рабой...
Я молода — жизнь так прекрасна;
О, ты меня спасешь — ты не злодей.
Я знаю, жалость есть в душе твоей.
Помучишь и простишь; напрасно, всё напрасно,
Мне кажется, я чувствую в груди
Огонь, — огонь — о, сжалься, пощади!

(Бросается к дверям.)

Сюда, сюда... на помощь — умираю.
Яд, яд, не слышат, понимаю,
Ты осторожен... никого, нейдут,
Но помни, я тебя, жестокий, проклинаю,
И ты придешь на божий суд!

ЯВЛЕНИЕ 5

Арбенин, Нина, Оленька.

Оленька

Я здесь! что с вами?

Нина

Ах, скорее, ради бога,
Покуда время есть! я жить хочу, жить, жить,
Ужели и тебя мне надо так молить?

(Становится перед нею на колени.)

Оленька

О, что вы сделали...

Арбенин
(помолчав)

Перепугал немного!
Хотел знать правду и узнал...
Опомнитесь и встаньте, я солгал,
Я не ношу с собою яда...
В вас сердце низкого разряда,
И ваша казнь не смерть, а стыд.
Что вы дрожите? будьте вновь спокойны,
Вам долго жить на свете суждено,
И счастье вам еще возможно. Но
Ничьей любви, ничьей вы мести недостойны.
Да, ныне чувствую, я стар,
Измучен долгою борьбою,
Последний на меня упал судьбы удар,
И я поник покорной головою.
Желаний нет, надежды нет,
Я выброшен из круга жизни шумной
С несносной памятью невозвратимых лет,
Страдалец мрачный и безумный.

(Садится.)

Нина почти без чувств на креслах; входит князь с пистолетами.

ЯВЛЕНИЕ 6

Арбенин, Нина, Оленька, князь и Казарин.

Князь

Что это значит, смею вас спросить,
Дуэль в кругу семейства — очень ново.
Тем лучше, случая такого
Мне, верно, больше не нажить.

Казарин

По чести, странный выбор секундантов.
Где о дуэли речь, там я в числе педантов.

Князь

Мне всё равно, без дальних слов.
Вот пистолеты, я готов...

Арбенин

(встает и подходит к нему)

День, час тому назад, хотел я крови, мести;
Защитник прав своих и чести,
С надеждой трепетной в груди
Я думал отразить позор и обвиненье,
И я ошибся; с глаз слетело заблужденье —
Вы правы, торжествуйте — впереди
Вас ждут победы славные, как эта,
Отчаянье мужей, рукоплесканье света,
И мало ль женщин есть, во всем подобных ей?
Они того, кто посмелей!!!
Смотрите, как бледна, почти без чувства,
А отчего, не отгадаешь вдруг;
Что это — стыд, раскаянье, искусство?
Ничуть! Испуг — один испуг!
Ни вы, ни я, мы не имели власти
В ней поселить хоть искру страсти.
Ее душа бессильна и черства.
Мольбой не тронется — боится лишь угрозы,
Взамен любви у ней слова,
Взамен печали слезы,
За что ж мы будем драться — пусть убьет
Один из нас другого — так. Что ж дале?

Мы ж в дураках: на первом бале
Она любовника иль мужа вновь найдет.
Теперь стреляться вы хотите,
Вот грудь моя обнажена.
Возьмите жизнь мою, возьмите,
Она ни мне, ни миру не нужна!..

Казарин

(тихо князю)

Стреляйте же скорей — скорей.

Арбенин

Молчите?
Задумались — итак, оставьте нас!
Мы квиты.

Князь уходит.

Казарин

Обманул, еще раз увернулся,
Скорей и мне убраться с глаз,
Покуда не очнулся.

(Хочет уйти.)

Арбенин

(останавливая)

Куда спешишь?.. Постой:
Расчет у нас не кончился с тобой.
Недаром моего позора
Ты был свидетелем!..

(Насмешливо.)

Так вежливость храня,
Прошу я, поклонись Камчатке от меня...

Казарин

(в испуге)

Как?.. Что?.. Когда?..

Арбенин

(выталкивает его)

Утешься! — очень скоро!

ЯВЛЕНИЕ 7

Арбенин, Оленька, Нина.

Арбенин

Я еду, Оленька, прощай!
Будь счастлива, прекрасное созданье,
Душе твоей удел — небесный рай,
Душ благородных воздаянье;
Как утешенье образ твой
Я унесу в изгнание с собой.
Пускай прошедшее тебя не возмущает.
Я будущность твою устрою: ни нужда,
Ни бедность вновь тебе не угрожает...

Оленька

Вы возвратитесь?..

Арбенин

(помолчав)

Никогда!..

1836

ПРИМЕЧАНИЯ

Список сокращений, принятых в примечаниях

БдЧ — «Библиотека для чтения».
Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. 1—13. М., 1953—1959.
БЗ — «Библиографические записки».
ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
Записная книжка — Записная книжка, подаренная Лермонтову В. Ф. Одоевским.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛН — «Литературное наследство».
ОЗ — «Отечественные записки».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
Печ. — Печатается.
ПСС1 — Сочинения М. Ю. Лермонтова, первое полное издание под ред. П. А. Висковатова, тт. 1—6. М., 1889—1891.
ПСС2 — Полное собрание сочинений М. Ю. Лермонтова, тт. 1—5. Под ред. Д. И. Абрамовича. СПб., 1910—1913 (Акад. библиотека русских писателей).
ПСС3 — М. Ю. Лермонтов. Полное собрание сочинений, тт. 1—5. Под ред. Б. М. Эйхенбаума. М. — Л., «Academia», 1935—1937.
РА — «Русский архив».
РМ — «Русская мысль».
РС — «Русская старина».
С — «Современник».
Соч. 1880 — Сочинения Лермонтова, тт. 1—2. Изд. 4-е. Под редакцией П. А. Ефремова. СПб., 1880.
Соч. АН—М. Ю. Лермонтов. Сочинения, тт. 1—6. М.—Л., Академия наук СССР, 1954—1957 (Ин-т русской лит-ры Академии наук СССР).
Стих. 1840 — «Стихотворения М. Лермонтова». СПб., 1840.
Тетр. — Тетрадь.
ЦГАЛИ — Центральный Государственный архив литературы и искусства.
Чертк. б-ка — Чертковская библиотека.

К стр. 7—9

СТИХОТВОРЕНИЯ

Послание («Катерина, Катерина!..»). Впервые — И. Андроников. Исследования и находки. М., 1964. Печ. по автографу ГБЛ, фонд А. М. Верещагиной. Обращено к Е. А. Сушковой (см. т. 1, стр. 671).

<Эпиграмма на Н. Кукольника>. Впервые — РС, 1875, № 9, стр. 59. Печ. по автографу ГИМ, где имеется также первоначальный вариант эпиграммы. На другой стороне листа — черновые тексты стихотворений «Молитва» и «Расстались мы, но твой портрет...», которые в Стих. 1840 датированы 1837 г. Но это не всегда может служить основанием для датировки, поскольку Лермонтов часто писал свои стихотворения на оставшихся чистых листах или даже частях страниц. Эпиграмма скорее относится к 1835 г. — ко времени, когда была поставлена пьеса Н. В. Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский». Едва ли Лермонтов написал эпиграмму через два года после премьеры, когда полемика вокруг пьесы давно прошла. Премьера состоялась 14 января 1835 г. в Александринском театре; в Большом театре в Петербурге пьеса шла 23 и 29 января, 2, 9, 16 февраля 1835 г. Реакционная журналистика расхвалила пьесу. Обширный разбор драмы написал также в «Московском наблюдателе» С. П. Шевырев. Белинский на страницах «Молвы» назвал эту критику странной («Молва», 1835, № 15, апрель). В статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя"» он писал: «Драма совсем не изящна... когда ум творит без участия чувства и фантазии, то всегда делает нелепости и промахи против здравого смысла» (Белинский, т. 2, стр. 133).

Умирающий гладиатор. Впервые — без последних двух строф — ОЗ, 1842, № 4, стр. 378. Полностью — «Русь», 1884, № 5. Печ. по авторизованной копии ПД. Дата и эпиграф вписаны рукою Лермонтова. Начало стихотворения представляет свободное переложение строф 139—141 песни IV поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд»; но Лермонтов, продолжая традиции декабристской поэзии, значительно усилил здесь гражданские политические мотивы. Эпиграф — из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд», песнь IV, строфа 110.

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..»). Вольный перевод стихотворения Байрона «My soul is dark» («Hebrew melodies»). Впервые — ОЗ, 1839, № 6, стр. 80. Печ. по Стих. 1840, стр. 61.

В альбом («Как одинокая гробница...»). Перевод стихотворения Байрона «Lines written in an album at Malta». Впервые — ОЗ, 1839, № 6, стр. 81. Печ. по Стих. 1840, стр. 63. Лермонтов уже обращался к этому стихотворению в 1830 г. (см. «В альбом», т. I, стр. 104).

<Э п и г р а м м а> («Под фирмой иностранной иноземец...»). Впервые — БЗ, 1861, № 18, стлб. 556. Опубликована П. А. Ефремовым по не дошедшему до нас источнику с примечанием: «На О. И. Сенковского». П. А. Ефремов датировал эпиграмму 1841 г., считая, что это ответ Лермонтова на критику О. И. Сенковским «Героя нашего времени». Однако в рецензиях последнего на произведения Лермонтова, написанных при жизни поэта, не содержалось «пошлой брани». Небольшая рецензия О. И. Сенковского 1840 г. («Библиотека для чтения», 1840, № 4) была уклончивой, в ней не было ни брани, ни похвалы. Кроме того, эта рецензия не была подписана псевдонимом Барон Брамбеус. Отнесению эпиграммы к 1841 г. противоречат ее первые две строки. Сенковский начал издавать свой журнал «Библиотеку для чтения» в 1834 г. К 1841 г. все уже знали, что Барон Брамбеус его псевдоним. Следовательно, эпиграмма была написана ранее, когда псевдоним был не столь прозрачным и общеизвестным, когда под «его фирмою» можно было еще «себя утаить». В начале 1836 г. прогрессивная журналистика нанесла удар по «Библиотеке для чтения», в частности по ее критическому отделу. На страницах пушкинского «Современника» (1836, № 1) Гоголь писал о Сенковском: «Критика его была или безусловная похвала, в которой рецензент от всей души тешился собственными фразами, или хула, в которой отзывалось какое-то странное ожесточение... Его собственные сочинения, повести и тому подобное являлись под фирмою Брамбеуса...» (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1952, стр. 160). Благодаря статье Гоголя становится ясным и словесный оборот *под фирмой иностранной иноземец*. Оборот «под фирмою» встречается и в статьях Белинского (например: «После г. Красова заслуживают внимание стихотворения под фирмою — Θ —»; Белинский, т. 4, стр. 195). Белинский же писал об «иноземном» характере похвал и брани Сенковского, высмеивая его другой — турецкий — псевдоним. Белинский говорил, что в «Библиотеке для чтения» критика «есть самое жалкое, самое плохое отделение... Этот таинственный г. Тютюнджи-оглу — кто он?.. Уж не турок ли он и в самом деле? Уж не для того ли он усвоил себе европейскую образованность и знание нашего языка и наших обычаев, чтобы отомстить нам за унижение своего отечества, сбивая с прямого пути образования наши провинции, смеясь так злодейски и над правдою и над ними самими?» (Белинский, т. 2, стр. 37—38). Ко времени этой острой полемики 1836 г. следует отнести эпиграмму Лермонтова, вступавшего в эти годы в литературу и определявшего свою общественно-литературную позицию.

«В е л и к и й м у ж! з д е с ь н е т н а г р а д ы...». Впервые — РС, 1875, № 9, стр. 58. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. В рукописи оторвана часть листа, на котором была написана первая строфа и название стихотворения, где, возможно, значилось имя «великого мужа». Во всех изданиях (кроме первой публикации) заключительная строфа печаталась первой, так как редакторы не замечали в рукописи знака, указывающего на порядок строф.

К стр. 10

Б. Эйхенбаум в ПСС3 восстановил правильный порядок строф и впервые высказал предположение об адресате стихотворения. Однако его предположение о том, что «великий муж» — П. Я. Чаадаев, подвергнувшийся в 1836 г. преследованиям за «Философическое письмо», маловероятно. Наиболее правдоподобна версия И. Андроникова, который считает, что стихотворение посвящено М. Б. Барклаю де Толли (И. Андроников. М. Ю. Лермонтов. Новые разыскания. М., 1951, стр. 91). Лермонтов под впечатлением пушкинского стихотворения «Полководец» (напеч. в С, 1836, т. 3) и «Объяснения» Пушкина по поводу этого стихотворения (С, 1836, т. 4) написал свое стихотворение о Барклае. В основу Лермонтов положил ту же, что и Пушкин, мысль о трагическом непонимании народом великого деятеля. Совпадает и конец послания, где говорится об оценке «великого мужа» «в грядущем поколенье». Попытка опровергнуть предположение И. Андроникова (Р. Закруткин. «К спору о „великом муже“». — «Ученые записки Калининградского гос. пед. ин-та», вып. 3, 1957, стр. 263) на том основании, что заслуги Барклая были в 1836 г. достаточно оценены и признаны, опирается на упрощенное понимание стихотворения и на некоторые неточности, допущенные Андрониковым при аргументации этой версии. Как хорошо показано в докладе Г. М. Кока о «Полководце» Пушкина (прочитанном в ПД в 1962 г.), официальные круги в 30-х годах признавали заслуги Барклая и даже возвышали его роль, чтобы приуменьшить значение Кутузова. Николай I, ознакомившись с рукописью труда А. Михайловского-Данилевского об Отечественной войне, указал на необходимость более полного освещения роли Барклая, что и было выполнено. Речь у Пушкина, а затем и у Лермонтова идет не об официальном непризнании Барклая, а о трагическом разрыве между великой личностью и народом, о непризнании народом его патриотических заслуг. В «Объяснении» Пушкина — ответе на «Критическую заметку» Л. Голенищева-Кутузова, выступившего в печати с тем, чтобы взять под защиту Кутузова, роль которого якобы умалил Пушкин, — как раз подчеркнута эта мысль: «Вы говорите, что заслуги Барклая были признаны, оценены, награждены. Так, но кем и когда?.. Конечно, не народом, и не в 1812 году... Барклай, не внушающий доверенности войску, ему подвластному, окруженный враждою, язвимый злоречием, но убежденный в самого себя, молча идущий к сокровенной цели и уступающий власть, не успев оправдать себя перед глазами России, останется навсегда в истории высоко поэтическим лицом» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 12. М. — Л., 1949, стр. 133). Что касается других предположений об адресате послания (назывались имена Рылеева, Пестеля, Радищева и др.), то все они недостаточно аргументированы.

«Никто моим словам не внемлет ... я один...». Впервые — ЛН, т. 19—21. М., 1935, стр. 505. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано, очевидно, до 1837 г. (скорее всего в 1835—1836 гг.), когда Лермонтов часто встречался с С. А. Раевским, который после смерти Лермонтова подарил автограф с этим стихо-

творением Е. А. Карлгоф-Драшусовой, хозяйке литературного салона в Петербурге.

«Мое грядущее в тумане...». Впервые — ЛН, т. 19—21. М., 1935, стр. 505. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Написано, очевидно, не позднее 1837 г., так как находится на одном листке с автографом предыдущего стихотворения.

Бородино. Впервые — С, 1837, № 2, стр. 33. Печ. по Стих. 1840, стр. 33. Написано в связи с двадцатипятилетней годовщиной Отечественной войны 1812 г. Первоначальный замысел относится к 1830—1831 гг. (см. стихотворение «Поле Бородина»). Стихи *Да, были люди в наше время, Не то, что нынешнее племя: Богатыри — не вы!* заключали острый злободневный смысл. По словам В. Г. Белинского, в этих строках выражена «вся основная идея стихотворения... Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел» (Белинский, т. 4, стр. 503).

Смерть поэта. Впервые — «Полярная звезда» на 1856 г., кн. 2. Лондон, 1858, стр. 33. В России впервые — без последних шестнадцати стихов — БЗ, 1858, № 20, стлб. 635. Полностью — Соч. 1860, т. 1, стр. 61. Печ. по беловому автографу ГПБ; черновой автограф — ЦГАЛИ, тетр. С. А. Рачинского (также без шестнадцати последних строк). Заключительные шестнадцать строк печ. по копии ПД, приложенной к «Делу о непозволительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтовым и о распространении оных губернским секретарем Раевским». На автографе ГПБ помета В. Ф. Одоевского: «Стихотворение Лермонтова, которое не могло быть напечатано». Возможно, что Лермонтов, сразу же после гибели Пушкина, когда еще не были написаны заключительные шестнадцать строк стихотворения, передал его В. Ф. Одоевскому для публикации. Однако напечатать стихотворение было нельзя, поскольку строжайше запрещалось упоминать в печати о причинах гибели Пушкина. Вскоре Лермонтову стало известно, что высшее общество столицы защищает Дантеса и клевещет на Пушкина. Передавая мнение светских кругов, в частности суждения, исходившие из салона графини Нессельроде, двоюродный брат Лермонтова камер-юнкер, чиновник министерства иностранных дел Н. А. Столыпин говорил Лермонтову, что Дантес и Геккерн «не подлежат ни законам, ни суду русскому». Как бы в ответ на это Лермонтов написал заключительную часть стихотворения, в которой были названы истинные виновники гибели Пушкина. Возмущенный тем, что Дантес может остаться без наказания, Лермонтов одновременно снабдил стихотворение эпиграфом, взятым из трагедии «Венцеслав» французского драматурга Ротру (в переводе А. Жандра):

Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:

Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Поэт, по-видимому, рассчитывал, что эпиграф станет известным царю. Он считал своим долгом выразить Николаю I всенародное мнение о необходимости наказания убийцы. Маловероятным кажется другое предположение, что эпиграф приписан Лермонтовым для того, чтобы смягчить политическую остроту стихотворения. Само обращение к государю с требованием наказать убийцу было неслыханной дерзостью и не могло смягчить заключительной части стихотворения. В письме шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа к царю сказано: «Вступление (т. е. эпиграф) к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное» (Лермонтов и Николай I. — ЛГ, 1959, 13 октября. Публикация С. Шостаковича). Любопытно, что Е. П. Ростопчина, очевидно отражая мнение высших кругов общества, также видела главную дерзость стихотворения в прямом обращении к Николаю I: «Лермонтов написал посредственное, но жгучее стихотворение, в котором он обращался прямо к императору, требуя мщения. При всеобщем возбуждении умов этот поступок, столь натуральный в молодом человеке, был перетолкован» (Воспоминания Е. П. Ростопчиной. — Лермонтов в воспоминаниях современников. Пенза, 1960, стр. 233). Поскольку эпиграф, несмотря на его гражданскую смелость, преследовал частную цель и был отвергнут традицией русской потаенной литературы, его нет в большинстве списков «Смерти поэта», в том числе достаточно авторитетных, — в настоящем издании он воспроизводится в комментарии.

Ветка Палестины. Впервые — ОЗ, 1839, № 5, стр. 275. Печ. по Стих. 1840, стр. 275, где датировано 1836 г. Копия — ПД с пометой: «Посвящается А. М — ву». Писатель А. Н. Муравьев в своих воспоминаниях сообщает, что стихотворение Лермонтов сочинил у него на квартире 20 февраля 1837 г.: «Долго ожидая меня, написал он... чудные свои стихи «Ветка Палестины», которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока» (А. Н. Муравьев. Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 24). А. П. Шан-Гирей также пишет о том, что стихотворение связано с А. Н. Муравьевым, и сообщает, что пальмовую ветку Муравьев затем подарил Лермонтову («Русское обозрение», 1890, № 8, стр. 747). *Солим* — см. примеч. т. 1, стр. 705.

Узник. Впервые — «Одесский альманах» на 1840 г. Одесса, 1839, стр. 567. Печ. по Стих. 1840, стр. 39. Черновой автограф — ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Копия — ПД, тетр. 15. Написано в феврале 1837 г., когда Лермонтов находился под арестом за стихотворение «Смерть поэта». По словам родственника Лермонтова А. П. Шан-Гирея, поэт «велел завертывать хлеб в серую бумагу и

на этих клочках, с помощью вина, печной сажи и спички, написал несколько пьес, а именно: «Когда волнуется желтеющая нива...», «Я, матерь божия, ныне с молитвою...», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...», и переделал старую пьесу „Отворите мне темницу..."» («Русское обозрение», 1890, № 8, стр. 740). Действительно материалом для «Узника» послужило стихотворение «Желанье» (1832).

Сосед («Кто б ни был ты, печальный мой сосед...»). Впервые — Стих. 1840, стр. 163. Копия — ПД, тетр. 15. Стихотворение написано в феврале 1837 г., когда Лермонтов находился в заключении (см. предыдущее примеч.).

«Когда волнуется желтеющая нива...». Впервые — Стих. 1840, стр. 161. Автограф — ГБЛ. Копия — ПД, тетр. 15. См. выше.

Молитва («Я, матерь божия, ныне с молитвою...»). Впервые — ОЗ, 1840, № 7, стр. 1. Печ. по Стих. 1840, стр. 43, где датировано 1837 г. По воспоминаниям А. П. Шан-Гирея, стихотворение написано в феврале 1837 г. (см. примеч. к стих. «Узник», стр. 678); однако до нас дошел автограф (в письме Лермонтова к М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г.), в котором стихотворение озаглавлено «Молитва странника». Посылая этот текст, Лермонтов сообщает, что нашел его в своих дорожных бумагах. Поэтому можно предположить, что стихотворение было написано позднее, уже в ссылке на Кавказе; это подтверждает и заглавие «Молитва странника», имеющееся также в черновом автографе — ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Относится, по-видимому, к В. А. Лопухиной (см. т. 1, стр. 695).

«Расстались мы, но твой портрет...». Впервые — Стих. 1840, стр. 165, где датировано 1837 г. Черновой автограф — ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Копия — ПД, тетр. 15. Переработка юношеского стихотворения 1831 г. «Я не люблю тебя; страстей...».

«Я не хочу, чтоб свет узнал...». Впервые — с цензурным изъятием стихов 7—8 — «Вчера и сегодня», кн. 1. СПб., 1845, стр. 94. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки.

«Не смейся над моей пророческой тоскою...». Впервые — «Вчера и сегодня», кн. 2. СПб., 1846, стр. 153, где напечатано без последней строки и с пропуском слова «плаха» в строке 4-й, вероятно, цензурного характера. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется предположительно 1837 г. (по содержанию); написано, очевидно, в связи с преследованием Лермонтова за стихотворение «Смерть поэта» *(Я знал: удар судьбы меня не обойдет)*. Первые строки восходят к юношескому стихотворению 1830 г. «Когда твой друг с пророческой тоскою...».

<Эпиграммы на Ф. Булгарина>. Впервые — ЛН, т. 58. М., 1952, стр. 359. Печ. по автографу ГПБ. В 1837 г. вышли

три части книги реакционного писателя, агента Третьего отделения Ф. В. Булгарина «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях...», которые, несмотря на рекламу и дешевую цену, не находили сбыта. В литературных кругах было известно, что книга написана не самим Булгариным, а одним из его сотрудников. В апреле 1837 года Булгарин напечатал в «Северной пчеле» пространное объявление о продаже книги, в котором, не зная меры, расхваливал «свой труд». Объявление Булгарина, очевидно, послужило непосредственным поводом для эпиграммы Лермонтова. Одновременно с Лермонтовым по поводу «Объявления» Булгарина о продаже книги «Россия» выступил с остро сатирическим фельетоном В. Ф. Одоевский. Однако этот фельетон не мог быть напечатан по цензурным причинам. Он был найден в архиве В. Ф. Одоевского и опубликован лишь в 1952 г. (ЛН, т. 58. М., 1952, стр. 364). О книге Булгарина неоднократно иронически писал Белинский, который также посвятил ей небольшой фельетон, написанный в духе пушкинских фельетонов, направленных против Булгарина, подписанных псевдонимом Феофилакт Косичкин. *Россию продает Фадей.* Игра слов. Под продажей России подразумевается и вся антипатриотическая деятельность Булгарина, его измена русским войскам (переход на сторону противника во время Отечественной войны), и продажа книги под названием «Россия».

«Се Маккавей-водопийца...». «Остаться бéз носу — наш Маккавей боялся...». Впервые — ЛН, т. 58. М., 1952, стр. 359. Печ. по автографу ГПБ. Датируются 1837 г., так как речь здесь идет о посетителе Кавказских минеральных вод *(водопийца, приехал на воды),* где Лермонтов был в 1837 г., а также и по связи с эпиграммами на Булгарина (написаны на обороте того же листа). Известно также, что Е. П. Ростопчина, в бумагах которой обнаружены эти эпиграммы, была в 1837 г. на Кавказских минеральных водах. Адресат не установлен. По-видимому, речь идет о каком-то провокаторе, агенте Третьего отделения, приехавшем на Кавказ. *Корпий* (корпия) — перевязочный материал (нащипанные из тряпок нитки), который раньше употреблялся вместо ваты.

<А. Петрову>. Впервые — РА, 1864, № 7, стлб. 1088, под заглавием «Ребенку». Печ. по РА, 1867, № 7, стлб. 1175. Датируется 1837 г. на основании свидетельства А. П. Петрова, опубликовавшего стихотворение в РА в 1867 г. Написано в альбом родственника М. Ю. Лермонтова — Аркадия Петрова, у отца которого генерала П. И. Петрова, начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья, поэт пользовался гостеприимством во время своего пребывания в Ставрополе в 1837 г. Сыну Петрова было в то время двенадцать лет.

«Спеша на север издалека...». Впервые — «Вчера и сегодня», кн. 1. СПб., 1845, стр. 93, под заглавием «Казбеку». Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Написано, по всем призна-

кам, в конце 1837 г. на пути с Кавказа в Петербург, когда Лермонтов получил перевод по службе из Нижегородского в Гродненский полк, стоявший тогда в Новгороде.

Кинжал. Впервые — ОЗ, 1841, № 6, стр. 234. Стих 11 исправляется по черновому автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Копия — ПД, тетр. 15. Судя по содержанию, написано, вероятно, после возвращения Лермонтова в Россию из первой ссылки. Черновой автограф стихотворения находится на одном листе с черновым наброском посвящения к поэме «Тамбовская казначейша», относящимся к началу 1838 г. В копии ПД зачеркнуто первоначальное заглавие «Подарок» и заменено названием «Кинжал».

«Гляжу на будущность с боязнью...». Впервые — «Вчера и сегодня», кн. 1. СПб., 1845, стр. 93. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с автографом посвящения к поэме «Тамбовская казначейша», написанным, видимо, в начале этого года.

«Слышу ли голос твой...». Впервые — «Вчера и сегодня», кн. 1. СПб., 1845, стр. 92. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется 1838 г., так как находится на обороте листа с записью: «Я в Тифлисе...», относящейся к 1838 г. и представляющей собой набросок к «Тамани». Это стихотворение вместе с двумя следующими — «Как небеса, твой взор блистает...» и «Она поет — и звуки тают...» — представляют три разные вариации одной темы. Все они посвящены одной и той же женщине, ее голосу и глазам. До сих пор эти стихотворения 1838 года оставались без комментариев. Между тем из текста видно, что они посвящены певице, женщине, обладающей прекрасным голосом. Такой женщиной, голосом которой восхищались современники Лермонтова, в том числе близкие друзья и знакомые поэта, была Прасковья Арсеньевна Бартенева (1811—1872). Еще в Москве юная певица получила всеобщее признание. Лермонтов в 1831 г. посвятил ей мадригал (см. т. 1, стр. 230), в ее альбом (ПД) сделал запись Пушкин, несколько изменив стихи из «Каменного гостя» «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает, но и любовь — гармония», в другом альбоме Бартеневой (ГПБ) имеется несколько автографов М. И. Глинки (дружба певицы с ним продолжалась более двух десятилетий, до самой смерти композитора). В московский период стихи Бартеневой посвящали Н. Ф. Павлов, В. А. Соллогуб, Е. П. Ростопчина. Последняя была страстной поклонницей ее таланта. Отметим, что в стихотворении Ростопчиной «Певица» (1831) каждая строфа начиналась словами: «Она поет...». Это совпадает с началом лермонтовского стихотворения: «Она поет — и звуки тают...». Особенно большим успехом Бартенева пользовалась после переезда в Петербург в 1835 г. «Все слышавшие... в восхищении от ее пения», — пишет знаток музыки и меценат, почтдиректор К. Я. Булгаков в письме к брату 25 февраля 1835 г. Начиная с 1835 г. Бартенева выступает в Петербурге в концертах патриотического обще-

ства. Тот же Булгаков 30 марта 1835 г. заметил после ее концерта: «Ну уж Бартенева, какой прелестный голос. Она даже на мои веревочные нервы подействовала... Я, право, не в силах описать того, что я чувствую, да и не я один» (РА, 1904, № 3, стлб. 568). Поклонниками таланта Бартеневой были П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, М. Ю. Виельгорский. В 1836 г. И. И. Козлов напечатал посвященное Бартеневой стихотворение «Русская певица» (БдЧ, 1836, № 7, стр. 193). «Как был бы я счастлив услыхать еще раз Ваш звучный и в то же время такой нежный голос», — писал он Бартеневой («Звенья», т. 9. М., 1951, стр. 485). В. Ф. Одоевский в 1839 г. с 31 января по 30 марта напечатал в Санктпетербургских ведомостях серию статей — «Письма в Москву о санктпетербургских концертах», где высоко оценил талант Бартеневой. Другой друг Лермонтова, Г. Г. Гагарин, также был знаком с Бартеневой; вернувшись с Кавказа в 1844 г., он сделал ее портрет (альбом ПД; см. воспроизведение между стр. 32 и 33). Бартенева одновременно с Лермонтовым посещала в 1838—1841 гг. салоны Смирновой и Карамзиных. И. П. Мятлев в записке к А. О. Смирновой прислал написанное в обычном для него стиле стихотворение «Ах, Бартенева мамзель, Ты не дудка, не свирель...», посвященное замечательному голосу певицы (РА, 1889, № 10, стлб. 412). В августе — сентябре 1838 г. Лермонтов вместе с Бартеневой участвовал в репетициях к любительскому спектаклю, где он и Бартенева должны были исполнять главные роли (Ф. Майский. Лермонтов и Карамзины. — М. Ю. Лермонтов. Ставрополь, 1960, стр. 151). В альбом М. А. Бартеневой (ПД), сестры Прасковьи, Лермонтов вписал в 1839 г. первую редакцию стихотворения «Есть звуки...», а в 1841 г. стихотворение «Живой мертвец».

«Как небеса, твой взор блистает...». Впервые — БЗ, 1859, № 11, стлб. 22. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется началом 1838 г., так как находится на одном листе с черновым автографом последних строф поэмы «Тамбовская казначейша».

«Она поет — и звуки тают...». Впервые — БЗ, 1859, № 1, стлб. 23. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Автограф находится на одном листе с посвящением к «Казначейше». Стихи 5—8 — переделка стихов 9—12 стихотворения «Она не гордой красотой...» (1832).

Вид гор из степей Козлова. Перевод одноименного стихотворения Мицкевича из цикла «Крымские сонеты». Впервые — «Вчера и сегодня», кн. 2. СПб., 1846, стр. 153. Датируется первой половиной 1838 г. на основании воспоминаний Л. И. Арнольди (ЛН, т. 58. М., 1952, стр. 464). Перевод сделан на основе подстрочного перевода с польского, выполненного офицером Н. А. Краснокутским, с которым поэт служил в лейб-гвардии Гродненском полку. Возможно, что Лермонтов выбрал для перевода именно этот

сонет потому, что на него обратил внимание Белинский, противопоставив его как образец подлинной поэзии вычурным стихотворениям Бенедиктова (см. Белинский, т. 1, стр. 363). *Козлов* (по-турецки Гёзлев) — старинное название Евпатории. *Дивы* (иран. миф.) — «злые гении, некогда царствовавшие на земле, потом изгнанные ангелами и ныне живущие на конце света, за горою Каф» (примеч. Мицкевича). *Мирза* — грамотный, образованный (знатный) мусульманин.

<К М. И. Цейдлеру> («Русский немец белокурый...»). Впервые — «Атеней», 1858, № 48, стр. 30. Печ. по БЗ, 1859, № 1, стлб. 23. С Михаилом Ивановичем Цейдлером (1816—1892), товарищем по юнкерской школе, поэт встретился в 1838 г. в лейб-гвардии Гродненском полку. Экспромт написан во время проводов Цейдлера в армию на Кавказ 3 марта 1838 г. *Но иной, не бранной сталью.* Игра слов: Цейдлер был влюблен в жену дивизионного командира Софью Николаевну Стааль фон Гольштейн.

<К портрету старого гусара> («Смотрите, как летит, отвагою пылая...»). Впервые — ОЗ, 1843, № 11, стр. 193, под названием «К портрету старого гусара», с подзаголовком: Н. И. Б—ву. Н. И. Б—в — сослуживец поэта по лейб-гвардии гусарскому полку, полковник Николай Иванович Бухаров (1799—1862). В авторизованной копии (ПД) текст находится под рисунком А. Долгорукова, изображающим Н. И. Бухарова верхом на коне. Рукой Лермонтова помета: «Рис. князь Долгорукий 2, 1838 г.» — и подпись.

<К Н. И. Бухарову> («Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...»). Впервые — «Молодик» на 1844 г. СПб., 1844, стр. 9. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Н. И. Бухаров — см. выше.

<А. М. Верещагиной> («Ma cousine...»). Впервые — И. Андроников. Исследования и находки. М., 1964. Печ. по автографу Лермонтова — приписке к письму Елизаветы Аркадьевны Верещагиной к дочери Александре Михайловне Верещагиной (в замужестве Гюгель) от 16/28 ноября 1838 г. — ГБЛ (фонд А. М. Верещагиной). Об А. М. Верещагиной см. стр. 697. Лермонтов возле текста стихотворения нарисовал коленопреклоненную фигуру в умоляющей позе.

<А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...»). Впервые — «Молодик» на 1844 г. СПб., 1844, стр. 10. Автограф — Берлинская гос. библиотека, собр. К. А. Фарнгагена фон Энзе. Встреча в 1838 г. после двадцатилетней разлуки с Анной Григорьевной Хомутовой (1784—1850) вдохновила Козлова, который был в это время уже тяжело болен и слеп, на стихотворение «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки...». По словам современницы, Лермонтов узнал об их встрече «в это же время» «из оживленного рассказа самого поэта Козлова» и под впечатлением этого рассказа написал послание А. Г. Хомутовой

(РА, 1867, № 7). С Хомутовой Лермонтов виделся в доме своего полкового командира — брата ее М. Г. Хомутова.

Дума. Впервые — с ценз. изъятием стихов 11—12 — ОЗ, 1839, № 2, стр. 148. Печ. по Стих. 1840, стр. 45, с восстановлением также отсутствующих стихов 11—12 по БЗ, 1859, т. 2, № 12, стлб. 373 и Стихотворениям, Берлин, 1862, стр. 124.

Поэт. Впервые — ОЗ, 1839, № 3, стр. 163. Черновой автограф — ГИМ, тетр. Чертк. б-ки.

<Посвящения к поэме «Демон»>

<I>. Впервые — Соч. 1880, т. 1, стр. 554. Печ. по автографу из частного собрания (Москва). Копия, принадлежавшая А. А. Краевскому, — ПД, другая — в тексте Ереванского списка «Демона» (кон. 1837—нач. 1838 г.), где помещено как посвящение к поэме. Начало совпадает с посвящением к поэме «Аул Бастунджи».

<II>. Впервые — неточно — «Молодик» на 1844 г. СПб., 1844, стр. 8, под заглавием «К Кавказу». Вторично — как посвящение к поэме «Демон» — С, 1855, № 4, стр. 435. Печ. по факсимиле (автограф без заглавия из частного собрания в Париже) — ЛН, т. 43—44. М., 1941, стр. 17. Копия — ПД, тетр. В. Шульца. Написано, очевидно, в 1838 г. после возвращения из первой ссылки, когда Лермонтов завершил работу над кавказской редакцией поэмы.

«Ребенка милого рожденье...». Впервые — ОЗ, 1843, № 12, стр. 342. Печ. по ПСС2, т. 4, стр. 335, где воспроизводилось по утраченному ныне автографу. Написано по поводу рождения сына у одного из ближайших друзей Лермонтова Алексея Александровича Лопухина. Александр Лопухин родился 13 февраля 1839 г. Стихотворение было послано Лермонтовым в письме к А. А. Лопухину: «Кстати о стихах; я исполнил обещание и написал их твоему наследнику, они самые нравоучительные (à l'usage des enfants <для детского возраста>) ...я так рад за тебя, что завтра же начну сочинять новую арию для твоего маленького крикуна» (Соч. АН, т. 6, стр. 448).

<А. А. Олениной> («Ах! Анна Алексевна...»). Впервые — Соч. АН, т. 2, стр. 121. Печ. по копии ГПБ. Копия сделана рукой старшей сестры А. А. Олениной, Варвары. Ниже — приписка: «Приветствие больного гусарского офицера и поэта г. Лермонтова Анне Алексеевне Олениной в ее альбом 1839 года». В другой копии (ЦГАЛИ) приписка дополнена словами: «В день ее рождения». А. А. Оленина (1808—1888) — дочь директора Публичной библиотеки и президента Академии художеств А. Н. Оленина (день ее рождения — 11 августа).

Не верь себе. Впервые — ОЗ, 1839, № 5, стр. 277. Печ. по Стих. 1840. стр. 57 Эпиграф взят из стихотворения французского поэта Огюста Барбье «Пролог», которым открывался его сборник

«Ямбы». Однако поэт сделал существенное изменение в первом стихе: вместо «Que me font» («Какое дело мне») — «Que nous font» («Какое дело нам»).

Три пальмы. Впервые — ОЗ, 1839, № 8, стр. 168. Печ. по Стих. 1840, стр. 65. *Фарис* — всадник, наездник.

Молитва («В минуту жизни трудную...»). Впервые — ОЗ, 1839, № 11, стр. 272. Печ. по Стих. 1840, стр. 71.

Дары Терека. Впервые — ОЗ, 1839, № 12, стр. 1. Печ. по Стих. 1840, стр. 73. В стихотворении отразилось знакомство Лермонтова с песнями и сказами гребенских казаков.

Памяти А. И. О<доевско>го. Впервые — ОЗ, 1839, № 12, стр. 209. Печ. по Стих. 1840, стр. 79. Черновой автограф — ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Посвящено памяти поэта-декабриста Александра Ивановича *Одоевского* (1802—1839), автора знаменитого стихотворения «Струн вещих пламенные звуки...», написанного в ответ на «Послание в Сибирь» Пушкина. (Строки из стихотворения Одоевского — «Из искры возгорится пламя» — были взяты эпиграфом к большевистской газете «Искра».) В 1837 г. А. И. Одоевский был переведен из Сибири на Кавказ рядовым солдатом Нижегородского драгунского полка, где встретился и подружился с Лермонтовым. А. И. Одоевский умер 15 августа 1839 г. от лихорадки, находясь в действующей армии на берегу Черного моря.

«На буйном пиршестве задумчив он сидел...». Впервые — две первые строфы — С, 1854, № 1, стр. 8, под заглавием «Отрывок». Полностью с третьей, зачеркнутой в автографе строфой — С, 1857, № 10, стр. 189. Датируется 1839 г., так как написано на одном листе с окончанием стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го». Связано с рассказом французского писателя Лагарпа «Пророчество Казота» (перевод опубликован в 1806 г.). Ж. Казот — французский писатель-монархист, казненный в 1792 г. Лагарп рассказывает, что на обеде у одного знатного вельможи Казот якобы предсказал в 1788 г. Французскую революцию и казнь на гильотине присутствующих на пире гостей, в том числе и собственную судьбу. Следуя легенде Лагарпа, Лермонтов создал злободневное политическое стихотворение. В конце 1839 г. в связи с неурожаем усилилась волна крестьянских восстаний. В «нравственно-политическом отчете» Николаю I за этот год шеф жандармов Бенкендорф писал, что «Россия представляла в продолжение целого лета ряд происшествий, дотоле беспримерных». «В народе толкуют... что всему злу причиной господа, т. е. дворяне!.. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством...» («Крестьянское движение 1827—1869 годов». Подготовил к печати Е. А. Мороховец. Вып. 1. М.—Л., 1931, стр. 36, 31).

<Э. К. Мусиной-Пушкиной> («Графиня Эмилия...»). Впервые — РВ, 1860, № 4, кн. 2, стр. 387. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется 1839 г., так как находится на одном листе с автографом окончания стихотворения «Памяти А. И. О<доевско>го». Относится к графине Эмилии Карловне Мусиной-Пушкиной, урожд. Шернваль (1810—1846), славившейся своей красотой.

«Как часто, пестрою толпою окружен...». Впервые — ОЗ, 1840, № 1, стр. 140. Печ. по Стих. 1840, стр. 85. Авторская дата «1 января» (перед текстом) указывает на связь стихотворения с новогодним маскарадным балом в дворянском собрании. См. воспоминание И. С. Тургенева, присутствовавшего на этом балу (вступит. статья к наст. изданию, стр. 6).

И скучно и грустно. Впервые — ЛГ, 1840, 20 января. Печ. по Стих. 1840, стр. 109. Черновой автограф — ЦГАЛИ, тетр. С. А. Рачинского.

«Посреди небесных тел...». Впервые — БЗ, 1858, № 20, стлб. 634. Печ. по автографу ЦГАЛИ, тетр. С. А. Рачинского. Автограф — Берлинская гос. библиотека с датой 16 мая 1840 г. Черновой автограф — ЦГАЛИ, архив П. А. Вяземского.

Казачья колыбельная песня. Впервые — ОЗ, 1840, № 2, стр. 245. Печ. по Стих. 1840, стр. 89.

<М. А. Щербатовой> («На светские цепи...»). Впервые — с ошибкой во 2-м стихе — ОЗ, 1842, № 1, стр. 126. Печ. по автографу ЦГАЛИ. Копия — ПД, тетр. 15. Обращено к кн. Марии Алексеевне Щербатовой, урожд. Штерич. М. И. Глинка вспоминал, что М. А. Щербатова, «молодая вдова, была прелестна: хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина» (М. И. Глинка. Литературное наследие, т. 1. М.—Л., 1952, стр. 192). А. И. Тургенев, знакомый Лермонтова, встретив Щербатову в Москве 10 мая 1840 г., записал в дневнике: «Был у кн. Щер<батовой>. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонт<ова>» (ЛН, т. 45—46. М., 1948, стр. 420). Родственник поэта М. Н. Лонгинов назвал это стихотворение Лермонтова «вдохновенным портретом нежно любимой им женщины».

«Есть речи — значенье...». Впервые — ОЗ, 1841, № 1, стр. 2. Автограф — ПД, тетр. 15. В другой редакции под заглавием «Волшебные звуки» — «Вчера и сегодня», кн. 2. СПб., 1846, стр. 168. Ранняя редакция — ЛГ, 1963, 9 апреля. Публикация И. Андроникова. И. И. Панаев рассказывает о том, как Лермонтов принес стихотворение редактору «Отечественных записок» А. А. Краевскому (И. И. Панаев. Воспоминания. М. — Л., Гослитиздат, 1950, стр. 134—135). По словам мемуариста, Лермонтов пытался исправить «грамматическую вольность» в стихе «Из пламя и света», но не нашел подходящей замены. Следует заметить, что подобная грамматическая форма встречается и в других стихотворениях Лермонтова.

Журналист, читатель и писатель. Впервые — ОЗ, 1840, № 4, стр. 307. Печ. по Стих. 1840, стр. 93. Опечатка в стихе 84 («светлое» вместо «свежее») исправлена по автографу ПД. Копия с пометой В. А. Соллогуба: «С.-Петербург, 20 марта 1840. Под арестом, на Арсенальной гауптвахте» — ПД. Эпиграф — прозаический перевод двустишия Гете из его «Изречений в стихах» («Sprüche in Reimen»). Стихотворение представляет собою своего рода литературно-общественную декларацию Лермонтова накануне выхода в свет романа «Герой нашего времени». В образе журналиста и его речах отразились некоторые черты облика Н. Полевого (Н. И. Мордовченко. Белинский и русская литература его времени. М. — Л., 1950, стр. 99). Очевидно, Н. Полевой узнал себя в облике журналиста. В ответ на слова Лермонтова о трагическом положении писателя Н. Полевой на страницах «Сына отечества», сообщая о своем уходе из журнала и прекращении деятельности в качестве критика, пишет о «тяжелых, невыносимых» обязанностях журналиста, который готов «купить спокойствие ценой молчания» («Сын отечества», 1840, № 8, стр. 857). Со стихотворением связан рисунок Лермонтова в альбоме 1840—1841 гг. (ГПБ) с надписью «Diplomatie civile et militaire», соответствующей ремарке к стихотворению. Читателем изображен Лермонтов, писателем А. С. Хомяков. Очевидно, рисунок Лермонтов сделал в качестве шутливого ответа на вопрос, кого он изобразил в читателе и писателе. В письме С. Н. Карамзиной своей сестре Е. Н. Мещерской от 26 июня 1838 г. сохранилось свидетельство, что «Лермонтов второй экземпляр Хомякова по лицу и разговору» (Ф. Майский. М. Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставрополь, 1960, стр. 141).

Воздушный корабль. Впервые — ОЗ, 1840, № 5, стр. 1. Печ. по Стих. 1840, стр. 103. Датируется мартом 1840 г. В. Г. Белинский, навестивший Лермонтова, когда тот находился под арестом за дуэль с де Барантом, писал В. П. Боткину 15 марта 1840 г., что Лермонтов «переводит Зейдлица» (Белинский, т. 11, стр. 496). Представляет собой переделку баллады австрийского поэта-романтика И. X. Цедлица «Das Geisterschiff». Строфа 12, не имеющая аналогии в «Das Geisterschiff», близка к отрывку из баллады Цедлица «Ночной смотр» в переводе Жуковского («Встают молодцы егеря. Встают старики гренадеры. Встают из-под русских снегов...»). Лермонтов вслед за Жуковским, переведшим «Ночной смотр», обращается к другой балладе Цедлица, также посвященной Наполеону. Подобно Жуковскому, Лермонтов освобождает стихотворение от нагромождения устрашающих деталей, свойственных Цедлицу — типичному представителю жуткой романтики привидений.

Соседка. Впервые — ОЗ, 1842, № 2, стр. 127. Печ. по автографу ПД, тетр. 15. Написано в ордонанс-гаузе, где Лермонтов находился под арестом за дуэль с Барантом. По словам В. А. Соллогуба, навестившего Лермонтова в заключении, поэт изобразил в этом стихотворении дочь одного из сторожей, красивую девушку.

Лицо ее — бледное и задумчивое — выражало «беспредельную тоску подавленной жизни». Соллогуб сообщал биографу поэта П. А. Висковатову, что даже видел портрет этой девушки, нарисованный Лермонтовым с подписью «la jolie fille de sous-officier <хорошенькая дочь унтер-офицера>» (ПСС1, т. 6, стр. 330). Стихотворение, написанное в духе тюремных и разбойничьих песен, вскоре получило широкое распространение в песенном репертуаре тюремной и сельско-поселенческой среды.

Пленный рыцарь. Впервые — ОЗ, 1841, № 8, стр. 268. Печ. по копии ПД, тетр. 15. Датируется предположительно весной 1840 г., временем, когда Лермонтов находился под арестом в ордонансгаузе.

«Расписку просишь ты, гусар...». Впервые — третья строфа — РС, 1875, № 9, стр. 59. Полностью — ПСС1, т. 1, стр. 265. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Посвящено А. Л. Потапову, товарищу Лермонтова по лейб-гвардии гусарскому полку. По словам П. А. Висковатова, Лермонтов называл его в шутку «гусаром-поэтом» или «мечтателем» и посвятил ему стихотворение «Не верь себе, мечтатель молодой...». Судя по первой строке, Потапов, очевидно, направил свое послание Лермонтову под расписку, когда поэт находился под арестом. Отсюда и стих *И легче стал судьбы удар.* Послание Потапова и его стихотворения неизвестны. *Премудрый пастырь Аарон.* Как гласит Библия, Аарон, брат Моисея, пришел в Египет и сотворил чудеса перед народом израильским; в руках его был жезл, обладающий чудодейственной силой. Датируется временем ареста Лермонтова — февралем — мартом 1837 или мартом — апрелем 1840 г.

<М. П. Соломирской> («Над бездной адскою блуждая...»). Впервые — ОЗ, 1842, № 10, стр. 320. Мария Петровна Соломирская (1811—1859), жена В. Д. Соломирского, брат которого командовал лейб-гвардии гусарским полком, светская красавица, увлеченная поэзией Лермонтова. *Так, разбирая в заточенье Досель мне чуждые черты.* По-видимому, Лермонтов получил, находясь под арестом, записку от Соломирской. Стихотворение, вероятно, написано Лермонтовым в альбом Соломирской вскоре после освобождения из-под ареста.

Отчего. Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 280. Печ. по Стих. 1840, стр. 115. Обращено, очевидно, к М. А. Щербатовой, которой посвящены стихотворения «На светские цепи...» и «Молитва» («В минуту жизни трудную...»), см. о ней стр. 686.

Благодарность. Впервые — ОЗ, 1840, № 6, стр. 290. Печ. по Стих. 1840, стр. 117. Автограф — ПД, тетр. 15. Лермонтов обращается с иронической благодарностью к богу. В сборнике 1840 г. в местоимении «ты» было строчное «т», благодаря чему стихотворение воспринималось как обращение к женщине и не привлекло

внимания цензуры. Стихотворение полемично по отношению к религиозно-сентиментальному стихотворению В. И. Красова «Молитва» (ОЗ, 1839, № 12), которое заканчивалось словами: «Благодарю, творец, за всё благодарю».

Из Гете. Вольный перевод стихотворения Гете «Wanderers Nachtlied» («Über allen Gipfeln...»). Впервые — ОЗ, 1840, № 7, стр. 1. Печ. по Стих. 1840, стр. 119.

Ребенку. Впервые — ОЗ, 1840, № 9, стр. 1. Печ. по Стих. 1840, стр. 111. Автограф — ПД. По-видимому, написано под впечатлением встречи с дочерью В. А. Бахметевой (Лопухиной). См. т. 1, стр. 695.

А. О. Смирновой. Впервые — ОЗ, 1840, № 10, стр. 229. Беловой автограф — ПД, альбом А. О. Смирновой, где есть еще одна (первая) строфа. Автограф другой редакции — ГИМ, альбом М. П. Полуденского. Александра Осиповна *Смирнова*-Россет (1809—1882) была в дружеских отношениях с Пушкиным, Гоголем, Жуковским. Лермонтов во время непродолжительного пребывания в Петербурге в 1840—1841 гг. часто посещал ее литературный салон, а также встречался с нею в доме своих друзей Карамзиных. «Софи Карамзина мне рассказывала, — вспоминает Смирнова, — что Лермонтов был обижен, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти стихи» (А. О. Смирнова-Россет. Автобиография. М., 1931, стр. 213). Высказывалось мнение, что следует пересмотреть текст и датировку стихотворения. Однако соображения о том, что текст ОЗ (без первой строфы) исходит не от Лермонтова, а от Смирновой, не представляются убедительными и не подтверждаются какими-либо документальными данными. Что касается изменения датировки (см. статью Е. Прохорова «О тексте и дате стихотворения „А. О. Смирновой“». — «Русская литература», 1960, № 4, стр. 133), то аргументация в пользу 1838—1839 является плодом недоразумения. В альбоме Смирновой действительно на одном листе написаны стихотворения Лермонтова и (ниже) Ростопчиной, но после стихотворения Ростопчиной, названного «Воспоминания вдалеке», стоит не дата, когда оно было вписано в альбом, а дата написания: «Село Анна. Апрель 1839 г.» Е. П. Ростопчина в 1838—1839 гг. удалилась от света и не жила в Петербурге, а находилась в воронежском имении (с. Анна); приехала она в Петербург лишь в 1840 г.

К портрету. Впервые — ОЗ, 1840, № 12, стр. 290. В беловом автографе ЦГАЛИ помета П. А. Вяземского: «Это портрет графини Воронцовой». В 1840 г. известная петербургская красавица графиня Александра Кирилловна Воронцова-Дашкова (1818—1856) получила из Парижа свой портрет, литографированный Граведоном. Лермонтов, дружески относившийся к Воронцовой-Дашковой,

тогда же создаст стихотворный портрет. Беловой автограф — Берлинская гос. библиотека, собр. К. А. Фарнгагена фон Энзе. В черновом автографе ЦГАЛИ сохранилось заглавие: «Портрет. Светская женщина». См. между стр. 64 и 65 воспроизведение чрезвычайно редкой в настоящее время литографии Граведона (в собрании сочинений Лермонтова воспроизводится впервые).

Тучи. Впервые — Стих. 1840, стр. 167. В. А. Соллогуб сообщал, что стихотворение написано в день отъезда в ссылку на Кавказ, на квартире у Карамзиных, где собрались друзья, чтобы проститься с поэтом. По словам Соллогуба, поэт слагал стихотворение, стоя у окна и глядя на тучи, плывшие над Невою и Летним садом. Карамзины жили в доме напротив Летнего сада у «Соляного городка» (ПСС1, т. 6, 1891, стр. 338). Лермонтов поместил «Тучи» в заключении сборника своих стихотворений и выставил дату «апрель 1840». Тем самым он дал понять читателям, что речь идет о постигшем его изгнании.

«Я к вам пишу случайно; право...». Впервые — неисправно — «Утренняя заря» на 1843 г. СПб., 1843, стр. 66, под заглавием «Валерик». Печ. по черновому автографу ГБЛ, где не имеет заглавия. Текст «Утренней зари» и близкая к нему копия ГБЛ (архив Ю. Ф. Самарина), также озаглавленная «Валерик», восходят к этому автографу, порою трудно поддающемуся прочтению. Так называемые разночтения являются следствием неправильного чтения текста. Наличие в списке Самарина 11 зачеркнутых в автографе стихов объясняется тем, что переписчик воспроизвел зачеркнутое, но не свидетельствует, что эта копия восходит к другому, более позднему автографу. Таким образом, нет оснований для введения заглавия, отсутствующего в единственном авторитетном источнике текста. Текст заглавия противоречит самому жанру стихотворного послания, адресованного, по-видимому, к В. А. Лопухиной (Бахметевой). О сражении, которое описано в стихотворении, Лермонтов писал А. А. Лопухину: «Завтра я еду в действующий отряд на левый фланг в Чечню брать пророка Шамиля, которого, надеюсь, не возьму, а если возьму, то постараюсь прислать к тебе по пересылке» (Соч. АН, т. 6, стр. 454). 12 сентября Лермонтов сообщал Лопухину: «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, которое продолжалось 6 часов сряду. Нас было 2000 пехоты, а их до 6 тысяч; и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и до 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте — кажется, хорошо! — вообрази себе, что в овраге, где была потеха, час после дела еще пахло кровью» (Соч. АН, т. 6, стр. 456). Действующий отряд, о котором пишет Лермонтов, — это отряд генерала Галафеева, выступивший 6 июля 1840 г. из лагеря при крепости Грозной в западном направлении. 11 июля из лагеря при деревне Гехи отряд двинулся к речке Валерик, где и произошел бой. *Валерик* (в переводе «Речка смерти») — приток Сунжи, реки, впадающей в Терек. О сражении при Валерике и участии в нем Лермонтова рассказывается также в воспоминаниях К. Х. Мамацева

(В. А. Мануйлов. «Новые материалы об участии М. Ю. Лермонтова в войне на Кавказе в 1840 году (по воспоминаниям К. Х. Мамацева)». — «Труды Ленинградского библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской», 1957, т. 2, стр. 239). *Как при Ермолове.* Алексей Петрович Ермолов (1772—1861), знаменитый генерал, командовал войсками Кавказского корпуса в 1816—1827 гг. Под его руководством войска добились значительных успехов. *Авария* — в ту пору Аварское ханство в Дагестане. *Ноговицы* — род голенища, застегивающегося вокруг голени. *Мюрид* — последователь духовного руководителя, в данном случае сподвижник Шамиля, руководителя движения горцев Дагестана и Чечни против колониальной политики русского царизма. *Ичкерия* — граничила с Большой Чечней, находилась южнее Терека и Сунжи и населена была чеченским населением и ичкеринцами.

Завещание («Наедине с тобою, брат...»). Впервые — ОЗ, 1841, № 2, стр. 156. Написано в конце 1840 г., когда Лермонтов участвовал в военных действиях на кавказской линии.

Оправдание. Впервые — ОЗ, 1841, № 3, стр. 44. Восходит к двум юношеским стихотворениям 1831 г. — «Романс к И...» («Когда я унесу в чужбину...») и «Когда одни воспоминанья...», включенного в трагедию «Странный человек» 1831 г. Первая строфа второго стихотворения повторена почти без изменения. Остальные строфы написаны заново.

Родина. Впервые — ОЗ, 1841, № 4, стр. 283. Автограф — ПД, под названием «Отчизна».

Любовь мертвеца. Впервые — с цензурным пропуском стихов 17—18 — «Утренняя заря» на 1841 г. СПб., 1842, стр. 41. Печ. по авторизованной копии ПД, где зачеркнуто заглавие «Влюбленный мертвец». Автограф — ПД, альбом М. А. Бартеневой, датированный 10 марта 1841 г. В черновом автографе ГПБ, альбом М. Ю. Лермонтова 1840—1841 гг., вначале озаглавлено «Новый мертвец», затем «Живой мертвец». Предположение С. В. Штейна о том, что «Любовь мертвеца» связана со стихотворением Альфонса Карра «Le mort amoureux» («Влюбленный мертвец») — см. его статью «„Любовь мертвеца" у Лермонтова и Альфонса Карра» («Известия отд. рус. яз. и словесности Академии наук», 1916, кн. 1), — недавно подтвердилось. В альбоме М. А. Бартеневой — ПД, на листе, предшествующем автографу Лермонтова, — написан текст стихотворения Альфонса Карра с датой 14 сентября 1839 г. Очевидно, Лермонтов, написавший ранее в этот альбом другое свое стихотворение («Есть звуки...»), обратил внимание на стихотворение «Влюбленный мертвец», использовал его мотивы, а затем, снова получив альбом, отыскал лист с французским текстом и вписал свое стихотворение. «Любовь мертвеца» Лермонтова лишь в некоторых местах близка к тексту «Le mort amoureux», однако связь между ними несомненна.

«На севере диком стоит одиноко...». Вольный перевод стих. Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» из «Buch der Lieder». Впервые — ОЗ, 1842, № 1, стр. 124 (под заглавием «Сосна»). Печ. по копии ПД. Черновой автограф — ГПБ. (Под текстом слева — карандашный рисунок, изображающий сосну на вершине и в отдалении пальму на скале; справа — два мужских профиля.) Беловой автограф ранней редакции с эпиграфом — цитатой двух первых строк стихотворения Гейне — ГПБ. Впервые — «Нива», 1888, № 46, стр. 1161. Другой автограф — ПД, альбом З. И. Юсуповой-Шове. П. П. Вяземский вспоминал: «Накануне отъезда своего на Кавказ Лермонтов по моей просьбе мне перевел шесть (?) стихов Гейне «Сосна и пальма». Немецкого Гейне нам принесла С. Н. Карамзина. Он наскоро ... набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Вероятно, это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 году, и который ныне хранится в императорской Публичной библиотеке» (РА, 1887, № 9, стлб. 141).

Последнее новоселье. Впервые — ОЗ, 1841, № 5, стр. 1. Черновой автограф — ГПБ. Беловой автограф — ПД, альбом А. Д. Баратынской (урожд. Абамелек). Авторизованная копия — ПД, тетр. 15. Написано в связи с перенесением останков Наполеона с острова Св. Елены в Париж, 15 декабря 1840 г. *Из славы сделал ты игрушку лицемерья, Из вольности — орудье палача.* Лермонтов, как и декабристы, считал, что террор якобинцев погубил завоевания Французской революции. Наполеон казался ему спасителем революции от диктатуры якобинцев *(Ты погибал... и он явился...* и т. д.). *Вы сына выдали врагам.* Сын Наполеона I и Марии-Луизы — Наполеон II после падения Наполеона (в 1814 г.) был привезен в Австрию. В 1832 г. он умер от чахотки в возрасте двадцати одного года. В большинстве изданий, начиная с «Отечественных записок», слова, относящиеся к Наполеону, печатаются с прописных букв («Он», «пред Ним», «Его», «Столица», «Скала», «Океан»).

И. П. Мятлеву. Впервые — ОЗ, 1842, № 9, стр. 174. Под заглавием «В альбом автору „Курдюковой“». Автограф, под заглавием «И. П. Мятлеву», — ЦГАЛИ. Датируется 1841 г. — временем выхода в свет юмористического романа в стихах Ивана Петровича *Мятлева* (1796—1844) «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей, дан л'этранже». Роман написан макароническим стилем, основанным на смешении разноязычных слов. Лермонтов, встречавшийся с И. П. Мятлевым в салонах А. О. Смирновой и С. Н. Карамзиной, ценил его шутливые стихи. В стихе *На наших дам морозных* каламбур, основанный на созвучии русского слова «мороз» с французским «morose» — т. е. угрюмый, мрачный.

<А. А. Углицкой> («Ma chère Alexandrine...»). Впервые — альманах «Радуга». Пб., 1922, стр. 111. Печатается по автографу

ПД, лист из альбома А. А. Углицкой, по мужу — Альбрехт. Обращено к кузине Лермонтова Александре Александровне Углицкой (1822—1862) в связи с ее предстоящим замужеством (в апреле 1841 г.). Написано в духе мятлевских стихов — в макароническом стиле.

<Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...»). Впервые — без последней строфы — «Русская беседа», т. 2. СПб., 1841, стр. 93. Полностью — «Русский библиофил», 1916, № 6, октябрь, стр. 93. Печ. по фотоснимку с утраченного автографа ПД. Датируется предположительно началом 1841 г. Софья Николаевна Карамзина (1802—1865) — старшая дочь писателя и историка Николая Михайловича Карамзина. Лермонтов во время своих приездов в Петербург часто посещал Карамзиных и подружился с С. Н. Карамзиной, «умной и вдохновенной руководительницей и душой... гостеприимного салона» (А. Ф. Тютчева. При дворе двух императоров. 1928, т. 1, стр. 71). Здесь он встречал друзей Пушкина — В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, А. И. Тургенева и других выдающихся литераторов своего времени. Это шутливое стихотворение, очевидно, связано с литературными спорами, которые велись в салоне. *Смирнова* — см. стр. 689. *Саша* — Александр Николаевич Карамзин (1815—1888), сын историка. *Ишка Мятлев* — И. П. Мятлев (см. стр. 692).

<Графине Ростопчиной> («Я верю: под одной звездою...»). Впервые — сб. «Русская беседа», т. 2. СПб., 1841, стр. 94. Датируется апрелем 1841 г. на основании воспоминаний Евдокии Петровны Ростопчиной, урожд. Сушковой (1811—1858) (см.: «Стихотворения графини Ростопчиной». СПб., 1857, т. 2, стр. 85, примеч. к стих. «Пустой альбом»). Лермонтов был знаком с Ростопчиной, известной поэтессой, еще в годы ранней молодости, когда она разделяла взгляды передовой молодежи и писала стихи к сосланным декабристам. Во время последнего приезда в Петербург поэт почти ежедневно встречался с Ростопчиной; уезжая на Кавказ в середине апреля 1841 г., он подарил ей альбом, в который вписал стихотворение «Я верю: под одной звездою...».

Договор. Впервые — ОЗ, 1842, № 3, стр. 1. Печ. по копии ПД, тетр. 15. Переработка юношеского стихотворения «Прелестнице» (1831).

«Прощай, немытая Россия...». Впервые — с ценз. искажениями — РС, 1887, № 12, стр. 738. Печ. по РА, 1890, № 11, стлб. 375, где снабжено примечанием П. И. Бартенева: «Записано со слов поэта современником». Имеются еще два списка стихотворения, также исходящие от П. И. Бартенева: в письме последнего к П. А. Ефремову от 9 марта 1873 г. («Вот еще стихи Лермонтова, списанные с подлинника») и в архиве Н. В. Путяты. Основное разночтение этих списков: вместо «пашей» — «царей». Однако при чтении «царей» исчезает смысловая связь между первой и второй строфой. Кроме того, неоправданным остается и множественное

число в слове царей, нехарактерна для Лермонтова и неполноценная рифма («царей» — «ушей»). Подробный стилистический анализ, доказывающий превосходство редакции РА 1890 г. над другими списками, содержится в труде В. В. Виноградова «Проблема авторства и теория стилей». М., 1961, стр. 104 и далее.

Утес. Впервые — ОЗ, 1843, № 4, стр. 331. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка.

Спор. Впервые — «Москвитянин», 1841, № 6, стр. 291. Печ. по беловому автографу ГБЛ. Беловой и черновой автографы — ГПБ, записная книжка. Написано в Москве во второй половине апреля 1841 г. Ю. Ф. Самарин 15 июня 1841 г. писал М. П. Погодину (редактору журнала «Москвитянин»): «Посылаю Вам приношение Лермонтова в Ваш журнал. Он просит напечатать его просто, без всяких примечаний от издателя, с подписью его имени. Радуюсь душевно и за него, и за Вас, и за всех читателей „Москвитянина“» (И. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 6. СПб., 1892, стр. 236). На обороте предшествующего автографу ГПБ листа рукою Лермонтова написано «Восток». Очевидно, этим стихотворением Лермонтов хотел открыть цикл стихов, посвященных Кавказу, его истории, быту, культуре (далее в записной книжке следуют «Тамара», «Свидание»). Вопрос об отношении России к Востоку и Западу был предметом острой общественной полемики. А. С. Хомяков летом 1841 г. писал: «В «Москвитянине» был разбор Лермонтова Шевыревым, и разбор не совсем приятный, помоему несколько несправедливый. Лермонтов ответил очень благоразумно: дал в «Москвитянин» славную пьесу «Спор Шата с Казбеком», стихи прекрасные» (А. С. Хомяков. Собрание сочинений, т. 8. М., 1904, стр. 104). В статье о «Герое нашего времени» («Москвитянин», 1841, № 1) Шевырев дал резко отрицательную оценку роману, признав удачным лишь образ Максим Максимыча и описание Кавказа. Он рекомендовал поэту обратиться к теме Кавказа: «Здесь сходятся в великой и непримиримой вражде Европа и Азия. Здесь Россия, граждански устроенная, ставит отпор этим вечно рвущимся потокам горных народов, не знающих, что такое договор общественный... Здесь вечная борьба наша... Здесь поединок двух сил, образованных и диких... Как же не рваться сюда воображению поэта?» Лермонтов принял вызов Шевырева, но вместо реакционного, отвлеченно-идеалистического истолкования отношений России и Кавказа дал подлинную картину этих отношений. *Генерал седой* — Ермолов (см. стр. 691).

Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...»). Впервые — ОЗ, 1843, № 4, стр. 183. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка. Там же — черновой автограф.

L'attente. Впервые — РС, 1887, № 5, стр. 406; № 12, стр. 735 (по черновому автографу ГПБ). Печ. по автографу ПД (в письме Лермонтова С. Н. Карамзиной от 10 мая 1841 г. из Ставрополя).

«Лилейной рукой поправляя...». Впервые — ОЗ, 1844, № 2, стр. 201. Печ. по черновому автографу ГПБ, записная книжка. *Капгар* — по предположению И. Андроникова — следует читать Капгер. И. Х. Капгер — офицер генерального штаба на Кавказе, с которым Лермонтов встретился в 1841 г. *Туксус* (тюрк.) — буквально: безбородый.

«На бурке под тенью чинары...». Впервые — ОЗ, 1844, № 2, стр. 200. Печ. по автографу ГПБ, записная книжка. Начало стихотворения.

«Они любили друг друга так долго и нежно...». Вольный перевод стих. Гейне «Sie liebten sich beide» из «Buch der Lieder». Впервые — ОЗ, 1843, № 12, стр. 317. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка. Там же — два черновых автографа.

Тамара. Впервые — ОЗ, 1843, № 4, стр. 229. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка. Там же — черновой автограф. В основу баллады положена грузинская легенда о царице Дарье. Очевидно, Лермонтов слышал вариант этой легенды, в котором имя Дарьи заменено именем царицы Тамары, героини многих грузинских сказаний.

Свиданье. Впервые — ОЗ, 1844, № 2, стр. 198. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка. Там же — черновой автограф.

Листок. Впервые — ОЗ, 1843, № 6, стр. 193. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка. Там же — черновой автограф.

«Выхожу один я на дорогу...». Впервые — ОЗ, 1843, № 4, стр. 332. Печ. по автографу ГПБ, записная книжка.

Морская царевна. Впервые — ОЗ, 1843, № 5, стр. 1. Печ. по автографу ГПБ, записная книжка.

Пророк. Впервые — ОЗ, 1844, № 2, стр. 197. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка. Там же — черновой автограф. Лермонтов продолжил пушкинскую тему (см.: «Пророк» 1826 г.), причем начал с того, на чем кончил Пушкин («С тех пор, как вечный судия Мне дал всеведенье пророка»). Вместе с тем стих. «Пророк» в какой-то мере связано со спорами, которые вел Лермонтов с В. Ф. Одоевским. В. Ф. Одоевский на первом листе записной книжки написал несколько евангельских изречений, среди них из Павла: «Держитеся любве, ревнуйте же к дарам духовным, да пророчествуете. Любовь же николи отпадает». Стихи *Провозглашать я стал любви И правды чистые ученья* и далее выглядят как полемический ответ на эти слова.

«Нет, не тебя так пылко я люблю...». Впервые — ОЗ, 1843, № 6, стр. 194. Печ. по беловому автографу ГПБ, записная книжка. Там же — черновой автограф. По словам П. А. Висковатова, обращено к С. М. Соллогуб (урожд. Виельгорской), жене писателя В. А. Соллогуба (ПСС1, т. 6, стр. 326). Высказано также предположение, что стихотворение обращено к Екатерине Быховец, с которой Лермонтов встречался летом 1841 г. в Пятигорске. В письме от 5 августа 1841 г. Е. Быховец писала: «Он был страстно влюблен в В. А. Бахметеву; она была ему кузина; я думаю, он и меня оттого любил, что находил в нас сходство, и об ней его любимый разговор был» (РС, 1842, № 3, стр. 767).

«Из-под таинственной, холодной полумаски...». Впервые — ОЗ, 1843, № 5, стр. 80.

«Ах! ныне я не тот совсем...». Вольный перевод пятой песни из поэмы Байрона «Мазепа». Впервые — БЗ, 1861, № 16, стлб. 496.

«Он был в краю святом...». Впервые — БЗ, 1861, № 1, стлб. 19. Пародия на стихотворение В. А. Жуковского «Старый рыцарь» (1832).

«Опять, народные витии...». Впервые — в отрывках — С, 1854, № 5, стр. 5. Полностью — БЗ, 1859, № 1, стлб. 21. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. В автографе после стиха 29 следует 7 зачеркнутых стихов. С. А. Раевский в показаниях на следствии по делу о стихотворении «Смерть поэта» сообщал, что стихотворение «Опять, народные витии...» написано, «кажется, в 1835 году» в связи с опубликованием статьи «в каком-то французском журнале». «Лермонтов, — говорит Раевский, — в прекрасных стихах обнаружил русское негодование противу французской безнравственности, их палат и т. п.» («Вестник Европы», 1887, № 1, стр. 339). В воспоминаниях А. П. Шан-Гирея сообщается: «Незадолго до смерти Пушкина, по случаю политической тревоги на Западе, Лермонтов написал пьесу вроде известной «Клеветникам России», но... никогда не хотел впоследствии напечатать ее» («Русское обозрение», 1890, № 8, стр. 743). Сопоставляя эти свидетельства с содержанием первой строфы, можно сделать вывод, что лермонтовское стихотворение, так же как и «Клеветникам России» Пушкина, направлено против выступлений депутатов французского парламента, поддерживавших польскую эмиграцию и призывавших к войне с Россией. *Фабриций* — Кай Фабриций Лусцин (III в. до н. э.), римский полководец, славившийся храбростью, честностью, неподкупностью.

«Когда, надежде недоступный...». Впервые — РС, 1872, № 2, стр. 287. Печ. по автографу ГПБ, тетр. «Лекции из географии».

«Это случилось в последние годы могучего Рима...». Впервые — без последнего стиха — «Вчера и сегодня», кн. 1. СПб., 1845, стр. 92; последний стих восстанавливается по БЗ, 1859, № 1, стлб. 20.

«Не плачь, не плачь, мое дитя...». Впервые — ОЗ, 1843, № 6, стр. 195.

«Quand je te vois sourire...». Впервые — БЗ, 1859, № 1, стлб. 23, где опубликовано по тетради копий Л. И. Арнольди.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ

Югельский барон. Впервые — «Для избранных. Стихотворения Варвары Анненковой». М., 1844, стр. 193. Автограф — ГБЛ, фонд А. М. Верещагиной (см.: И. Андроников. Исследования и находки. М., 1964). Лермонтову принадлежат первые 15 стихов, остальной текст, написанный В. Н. Анненковой (1795—1866), печатается в настоящем издании петитом. Датируется 1837 г. по содержанию. Стихотворение представляет пародию на балладу Жуковского «Иванова ночь» («Смальгольмский барон»), начинающуюся словами: «До рассвета поднявшись, коня оседлал...» Баллада посвящена А. М. Верещагиной (р. 1810), родственнице и близкой приятельнице Лермонтова. В июле 1837 г. она вышла замуж за министра иностранных дел Вюртембергского королевства барона Гюгеля (Hugel — Югель), от его имени произошло название баллады.

«О, как прохладно и весело нам...». Впервые — ЛН, т. 58. М., 1952, стр. 369. Печ. по списку В. А. Соллогуба — ГПБ, фонд В. Ф. Одоевского. Датируется предположительно летом 1839 г., так как в это время Лермонтов и Соллогуб одновременно находились в Петербурге. Стихотворение было послано Соллогубом в письме к В. Ф. Одоевскому (лето 1839 г.) с указанием на то, что оно написано совместно с Лермонтовым, и с просьбою сочинить к нему музыку.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛЕРМОНТОВУ

«Любить вас долго было б скучно...». Впервые — М. Ю. Лермонтов. Сборник статей и материалов. Ставрополь, 1960, стр. 239 (в статье С. И. Недумова «Неизвестное стихотворение, приписываемое Лермонтову»). Копия — ГБЛ (архив Веневитиновых — Виельгорских), рукою М. А. Веневитинова с его примечанием: «Неизвестно кому написано. Со слов Вас. Петр. Ушакова, знавшего Лермонтова в детстве, написано Лермонтовым в 15 — 16-летнем возрасте».

«Хвала тебе, приют лентяев...». Впервые — «День», 1863, № 43 (в статье Г. Головачева «Университетские воспоминания»). По словам Г. Головачева, учившегося вместе с Лермонтовым

в Московском университете, стихотворение, из которого он привел эти строки, было известно студентам после увольнения Лермонтова из университета.

«И на театре, как на сцене света...». Впервые — ПСС1, т. 1, стр 360, со следующим примечанием: «Несомненно лермонтовским является следующее, находящееся в материалах г. Хохрякова, стихотворение, полученное им от С. А. Раевского. К какому году оно относится, нельзя определить — вероятно, ко второй половине 30-х годов».

«Когда легковерен и молод я был...». Впервые — РА, 1877, № 2, стлб. 263 («Исторические рассказы, анекдоты и мелочи» Толычевой). Ссылаясь на рассказ декабриста В. М. Голицына, встречавшегося с Лермонтовым на Кавказе в 1837 г., Толычева пишет, что Лермонтов не пришел на один вечер, когда его поджидали приятели, а прислал записку с текстом этого стихотворения.

<ЭКСПРОМТЫ 1841 года>

Впервые — «Ист. вестник», 1892, №№ 2 и 3, стр 431, 442, 454, 705, 713, 718 (в статье П. К. Мартьянова «Последние дни жизни поэта М. Ю. Лермонтова») — всего 14 экспромтов.

«Очарователен кавказский наш Монако!..». Записано П. К. Мартьяновым со слов поручика Куликовского, который сообщил, что экспромт был произнесен Лермонтовым на одной из пирушек во время последнего пребывания в Пятигорске.

«В игре, как лев, силен...». Этот и следующие три экспромта сообщил П. К. Мартьянову В. И. Чиляев, в 1841 г. плац-адъютант пятигорского комендантского управления. Лермонтов снимал у него дом. Экспромт написан во время карточной игры и обращен к брату А. С. Пушкина майору Льву Сергеевичу Пушкину (1802—1852). Лермонтов поставил на червонного туза и, пока Пушкин метал банк, произнес этот экспромт.

«Милый Глебов...». Экспромт сочинен в тот же вечер, что и предыдущий. Михаил Павлович *Глебов* (1818—1847), офицер, принадлежал к кругу молодежи, с которой проводил время в Пятигорске Лермонтов. Был секундантом на дуэли 15 июля 1841 г. *Надя* — Надежда Петровна Верзилина (младшая дочь генеральши Верзилиной), за которой ухаживал Глебов.

«Скинь бешмет свой, друг Мартыш...». Обращено к Н. С. Мартынову (1815—1875), убийце поэта. В вечер, когда написан этот экспромт, Мартынов, одевавшийся из франтовства по-горски, жаловался на жару. *Хожалый* — полицейский служитель.

«Смело в пире жизни надо...». Обращено к кн. С. В. Трубецкому, который, по словам В. И. Чиляева, вел в этот вечер разговор о «пире жизни».

«Велик князь Ксандр, и тонок, гибок он...». Обращено к кн. Александру Илларионовичу Васильчикову (1818—1881). Васильчиков был секундантом на дуэли 15 июля 1841 г. В 1882 г. в статье «Несколько слов о кончине М. Ю. Лермонтова и о дуэли его с Н. С. Мартыновым» стремился фальсифицировать историю дуэли и оправдать убийцу поэта. *Велик.* Васильчиков был высокого роста. Экспромт сказан лунным вечером на пятигорском бульваре, когда тень Васильчикова, беседовавшего с каким-то сановником, длинной полосою ложилась на песок площадки.

«Наш князь Василь-...». Эпиграмма сообщена В. Чиляевым. По его словам, была записана мелом на игорном столе после того, как Васильчиков употребил в разговоре грубое слово.

«Он прав! Наш друг Мартыш не Соломон...». По сообщению П. К. Мартьянова, эпиграмма произнесена в ответ на чьи-то слова о Мартынове: «Ну что вы хотите, господа, ведь он не Соломон же у нас». *Шалим* (Солим) — Иерусалим, город в Палестине.

«С лишком месяц у Мерлини...». Дом «вдовы-генеральши» *Мерлини* был центром светской жизни на водах. Установлено, что Мерлини доставляла информацию жандармским офицерам, наблюдающим за посетителями вод. Мерлини принадлежала к злобным врагам Лермонтова и осуществляла предательскую роль в последние дни его жизни. В экспромте упоминается княгиня Эристова, поссорившаяся с Мерлини из-за некоего П. В. Волкова *(верный паладин). «Шотландка»,* или «Каррас» — немецкая колония близ Пятигорска.

«Он метил в умники, попался в дураки...». П. К. Мартьянов (со слов В. Чиляева) писал, что эпиграмма относится к калужскому помещику, который привез на воды трех дочек с расчетом выдать их замуж за кавказских офицеров, но, не найдя им женихов, уехал к себе домой.

«Зачем, о счастии мечтая...». Относится к падчерице П. С. Верзилиной — Эмилии Александровне Клингенберг (впоследствии по мужу Шан-Гирей). См. примеч. к экспромту «За девицей Emilie...».

«Мои друзья вчерашние — враги...». По словам В. Чиляева, возникло во время разговора Лермонтова с пятигорским помещиком полковником Ильяшенковым, когда поэт обратился к нему с просьбой продлить курс лечения. После официальной части

разговора Ильяшенков стал его журить за шутки и эпиграммы. «Посмотрите, сколько врагов вы себе нажили, а ведь это все друзья ваши были», — сказал он.

«Им жизнь нужна моя, — ну что же, пусть возьмут...». Экспромт якобы произнесен во время того же разговора с Ильяшенковым в ответ на слова «Бросьте все это... ведь они убьют вас!..».

«Ну вот, теперь у вас для разговоров будет...». П. К. Мартьянов рассказывает, со слов В. Чиляева, что Лермонтов после ссоры с Мартыновым в доме Верзилиных 12 июля 1841 г. произнес этот экспромт. «Молодежь молча переглянулась. Никто не понял, о каком Миллере и Эмме говорил им Михаил Юрьевич. И только после дуэли, когда хоронили предательски убитого поэта, кто-то, кажется Дмитриевский, разгадал смысл сказанных слов. Под именем Миллер были скрыты инициалы поэта: Ми Лер, а под Эмма — инициалы Мартынова М(Эм)а или же инициалы Эмилии и Мартынова: Эм Ма».

«Куда, седой прелюбодей...». Впервые — «Нива», 1885, № 8, стр. 186 («Рассказ Раевского о дуэли Лермонтова. Записано В. Желиховской»). Н. П. Раевский, кавказский офицер, проводивший лето 1841 г. в Пятигорске, сообщил, что экспромт адресован полковнику А. Манзею.

«За девицей Emilie...». Впервые — ПСС3, т. 2, стр. 154 (по копии ПД). В другой редакции — ПСС1, т. 6, стр. 397. Относится к трем дочерям генеральши М. И. Верзилиной. Аграфена Верзилина была помолвлена с поручиком Тенгинского пехотного полка В. Н. Диковым (отсюда каламбур *Дикий человек*).

«Надежда Петровна...». Впервые — «Нива», 1885, № 27, стр. 646 (в воспоминаниях Э. А. Шан-Гирей — сестры Надежды Петровны). Печ. по копии ПД, лист из альбома Н. П. Верзилиной. Запись 1842 г. Другие варианты эпиграммы (в устной передаче) печатались в записи В. Желиховской («Нива», 1885, № 7) и в воспоминаниях К. И. Карпова, записанных С. Филипповым («Русская мысль», 1890, № 12). К. И. Карпов рассказывал, что Надя, которой в ту пору еще не исполнилось 16 лет, обиженная замечанием матери, выбежала из комнаты, где находились гости. Через некоторое время она возвратилась надувшаяся, с сердитым лицом: глаза еще не совсем высохли от слез, курчавые волосы хранили следы поспешного туалета. К поясу она прицепила маленький кинжальчик. Лермонтов рассмеялся и предложил написать ей экспромт. Это единственный из экспромтов 1841 г., дошедший до нас не в устной передаче, а в записи, внесенной в альбом.

———

Le blessé. Впервые во французском переводе в книге — A. Dumas. Le Caucase. Nouvelles impressions de voyage, t. 2. Leipzig, 1859, p. 270. Русский текст неизвестен. В своей книге о путешествии по Кавказу в 1858 г. Дюма приводит написанную для него Е. П. Ростопчиной записку о Лермонтове, а в следующей главе (Citations) печатает несколько стихотворений Лермонтова в своем переводе. Кроме известных стихотворений Лермонтова, Дюма перевел стихотворение «Le blessé» («Раненый»), сопроводив его комментарием: «Мы выписали из одного альбома следующее стихотворение, которого нет в собрании сочинений Лермонтова. Возможно, что оно составляло часть той последней посылки, которую потерял курьер». Далее после «Le blessé» следует стихотворение «Моя мольба» («La Boutade») 1830 г. с пояснением: «В том же альбоме было написано четверостишие, которое мы цитируем по памяти». О каком альбоме писал Дюма, не установлено. Стихотворение Лермонтова «Раненый» следует рассматривать в одном ряду со стихотворениями 1840—1841 гг. об умирающем воине: «Завещание» и «Сон».

ПОЭМЫ

Боярин Орша. Впервые — с цензурными изъятиями — ОЗ, 1842, № 7, стр. 1. Печ. по авторизованной копии ПД с исправлениями ошибок переписчика по автографу ГПБ. По автографу ГПБ даются также эпиграфы и не включенные в авторизованную копию по цензурным соображениям стихи:

Пусть монастырский ваш закон
Рукою бога утвержден,
Но в этом сердце есть другой,
Ему не менее святой:
Он оправдал меня — один
Он сердца полный властелин!

Эти стихи в автографе ГПБ перечеркнуты, а на полях сделана помета: «вымарать». Поэма датируется 1835—1836 гг. В примечании к первой публикации А. А. Краевский писал: «Эта поэма принадлежит к числу первых опытов Лермонтова. Она написана в 1835 году, когда Лермонтов только что начинал выступать на литературное поприще». В авторизованной копии (ПД) рукою Краевского обозначена дата: 1836. В поэме отразился интерес Лермонтова к русскому фольклору. Отношения Арсения и дочери боярина Орши представлены поэтом в духе народных песен и сказок о любви холопа к боярской или царской дочери. В главе III описывается сражение во время Ливонской войны (1558—1582 гг.). Отдельные стихи, в том числе монолог Арсения на суде, с некоторыми изменениями заимствованы из поэмы «Исповедь». Эпиграф к главе I взят Лермонтовым (в несколько измененном виде) из поэмы Байрона «Паризина», близкой по своему сюжету к «Боярину Орше», эпиграфы ко II и III главам — из поэмы «Гяур».

К стр. 140

Сашка. Впервые — отрывки — БЗ, 1861, № 18, стлб. 557, по утраченному черновому автографу, принадлежащему Б. Н. Чичерину (строфы 1—3, 6, 12—14, 27—28, 32, 45). Полностью — РМ, 1882, № 1, стр. 68 (с множеством опечаток, неточностей и с произвольными изменениями текста, сделанными П. А. Висковатовым). Печ. по списку Н. Н. Буковского (ГПБ), представляющему печатный текст РМ, выправленный по утраченной ныне копии И. А. Панафутина. Черновой автограф строф 62, 75—87, 90—95 — ГПБ, тетр. «Лекции из географии». По этому автографу и публикации БЗ исправлены отдельные явно дефектные стихи списка Н. Н. Буковского. Стих «Пишу, что мыслю, мыслю, что придется» исправлен по выписке В. Х. Хохрякова в его тетради «Материалы для биографии М. Ю. Лермонтова» (ПД). Список Буковского, по которому печатался текст в ПСС2 и ПСС3, считался утраченным. Недавно он был выявлен в ГПБ в архиве Д. И. Абрамовича (Р. Заборова. Новонайденные рукописи лермонтовского музея. — «Русская литература», 1962, № 3, стр. 216). В конце списка ГПБ имеется помета Буковского: «Мною поправки сделаны с рукописи, высланной в лерм<онтовский музей> Ив. Ал. Панафутиным из Пензы 23 октября и отправленной 2 ноября 1887 года обратно». Буковский привел также некоторые варианты и разночтения по другим источникам, делая соответствующие пометы на полях (по черновому автографу ГПБ, публикации в «Библиогр. записках» и по рукописи П. А. Висковатова). В начале текста помета: «Варьянты и дополнения сняты с экземпляра, находящегося у П. А. Висковатова, исправленного ему по рукописи И. А. Панафутина». Неисправности копии И. А. Панафутина — единственного дошедшего до нас (хотя и не непосредственно) источника полного текста поэмы — очевидно, объясняются тем, что эта копия была выполнена неквалифицированным писцом с автографа Лермонтова, порою трудно поддающегося прочтению. Примерно к этому же времени относится авторизованная копия «Боярина Орши» (ПД), также содержащая грубые описки. Любопытно, что в авторизованной копии «Боярина Орши» иностранный эпиграф к первой главе до неузнаваемости искажен писцом. В списке Н. Буковского скопирован не воспроизводившийся ранее в сочинениях Лермонтова эпиграф к «Сашке». Этот эпиграф дошел до нас также в искаженном виде:

Eipossen ! dus nor gum lahuni
Sei ja mer. ni ehflin so shrenger
neri
geih.

Предположительная расшифровка этих строк предложена в названном выше сообщении Заборовой:

Ein Possen ! das war zum Lachen;
Sei <ja> mir nicht <ein> so streng zur Narrheit.

<Шутка! Это было смешно.
Только не будь так строг к глупости.>

Поэма написана в 1835—1836 гг. Такая датировка поддерживается: 1) свидетельством А. П. Шан-Гирея, приведенным П. А. Висковатовым в биографии Лермонтова: «Тогда же <речь идет о январе — феврале 1836 г.> Лермонтов в Тарханах стал писать поэму «Сашка», пользуясь набросками, сделанными им в разное время...» (ПСС1, т. 2, стр. 344); 2) тем, что черновые отрывки ГПБ находятся в учебной тетради юнкерского периода; 3) кроме того, в тексте поэмы имеется несколько мест, косвенно подтверждающих эту датировку. *На этих днях мы ждем к себе комету, Которая несет погибель свету* (строфа 127), — здесь речь идет об ожидавшейся 13 ноября 1835 г. знаменитой комете Галлея. Лермонтовские строки, очевидно, написаны незадолго до появления кометы или вскоре после этого; *Неаполь мерзнет, а Нева не тает* (строфа 31) — на основании этих слов поэма относилась к 1839 г., однако, как указано М. Ф. Николевой, Нева вскрылась со значительным опозданием и в 1835 г., в это же время на юге Европы были сильные холода. Одним из аргументов, на основании которых поэма раньше датировалась 1839 г., считалось то, что строфы 2—4 и 137—139 вошли в переделанном виде в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» (умершего 15 августа 1839 г.). Однако это не дает основания для датировки, так как перенесение отдельных строк из одного произведения в другое — обычный для Лермонтова прием. В стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» вошли, например, строки из стихотворения 1832 г.: «Он был рожден для счастья, для надежд...» По-видимому, «Сашка» — произведение законченное. Б. М. Эйхенбаум обратил внимание на то, что последняя (149) строфа так называемой первой главы завершает поэму, а в первой строфе второй главы декларируется начало новой поэмы. Такое заключение с несомненностью подтверждается текстом указанных выше строф. Очевидно, И. А. Панафутин (ибо это отражено и в списке Н. Н. Буковского) ошибочно присоединил к «Сашке» начало другой поэмы, которая находилась у него вместе с «Сашкой». Следует отметить, что в публикации «Русской мысли» текст поэмы начинался с первой строфы без обозначения: «Глава I». Между тем сюжет «Сашки» не противоречит предположению о завершенности замысла. Панафутина могло ввести в заблуждение то обстоятельство, что оба произведения написаны особой, введенной Лермонтовым, 11-строчной строфой; однако этой же строфой написана и «Сказка для детей».

Строфа 9. *Зоил.* Придирчивый, злой критик (по имени греческого ритора и критика, жившего в III—IV в.).

Строфа 11. *Фризовая шинель.* Фриз — толстая ворсистая ткань типа байки.

Строфа 13. *Как для хромого беса, каждый дом Имеет вход особый.* В романе «Хромой бес» французского писателя Алена-Рене Лесажа (1668—1747) бес, летая со своим спутником над городом, приподнимал крыши домов и проникал в сокровенные мысли и тайны людей.

Строфа 16. *Как Сусанна, она б на суд неправедный пошла.* Сусанна — библейская красавица, отвергла низменные притязания

старцев, но была ложно обвинена ими и приговорена к смертной казни.

Строфа 17. *Когда Суворов Прагу осаждал.* Осада Праги (предместья Варшавы) относится к 1794 г.

Строфа 24. *При этом имени, друзья, В груди моей шипит воспоминанье.* Речь идет о В. А. Лопухиной (см. о ней т. 1, стр. 695).

Строфа 31. *За белый крестик жизнью рисковать.* Речь идет о Георгиевском кресте — ордене, которым награждали за храбрость.

Строфа 33. *Но «Сашка» тот печати не видал, И, недозревший, он угас в изгнанье.* Здесь говорится о распространявшейся в списках автобиографической поэме Александра Полежаева «Сашка» (1825), о трагической судьбе поэта, подвергнувшегося гонениям за создание этой поэмы.

Строфа 45. *Лазарони* (Лаццарони) — от испан. lázaro, т. е. прокаженный, нищий. Так называли деклассированные элементы населения в Италии.

Строфа 46. *Саул* — библейский царь, которого мучил злой дух; муки Саула смягчались, когда ему играли на арфе.

Строфа 53. *Демосфен* (384—322 гг. до н. э.) — выдающийся афинский оратор.

Строфа 76. *Его отец богатый был маркиз, Но жертвой стал народного волненья* и т. д. Здесь говорится о событиях Французской революции 1789—1793 гг., о казни короля Людовика XVI и королевы Марии-Антуанетты.

Строфа 79. *И ты, поэт, высокого чела не уберег.* Речь идет об Андре Шенье (1762—1794) — французском поэте и публицисте, казненном якобинским правительством. В русской традиции, идущей от Пушкина и декабристов, Шенье рисуется как певец свободы, как мужественный борец против тирании.

Строфа 87. *Фоблаз* — герой французского романа «Приключения кавалера Фобласа» Луве де Кувре (1760—1797).

Строфа 94. *Ариадна.* Дочь критского царя Миноса, помогшая Тезею, которого она любила, выйти из лабиринта с помощью клубка ниток. Во многих произведениях искусства изображено отчаяние Ариадны, покинутой Тезеем.

Строфа 95. *Аббадона* (Аваддон — библ., Аполион — греч.) — ангел бездны, в Библии синоним смерти и преисподней.

Строфа 101. *Но кто не зрел картины Раскаянья преступной Магдалины.* Картину, изображающую раскаянье Магдалины, итальянского художника Гвидо Рени (1575—1642), Лермонтов мог видеть в картинной галерее Строгановых.

<Начало поэмы>. Впервые — РМ, 1882, № 1, стр. 117 (опубликовано как начало второй главы поэмы «Сашка»). Печ. по списку Н. Н. Буковского (ГПБ). Данный текст представляет собой начало самостоятельной поэмы (см. предыдущее примеч.). Указание времени написания фрагмента — в строфе 6, где идет речь о «допожарной Москве»:

О, если б этот дом знавали вы
Тому назад лет двадцать пять и боле!

Эти строки позволяют считать, что Лермонтов начал работу над текстом не раньше 1837 г.

Строфа 1. *Асмодей* (евр. миф.) — демон, злой дух.

Строфа 3. *Эол* (греч. миф.) — владыка ветров.

Монго. Впервые — с некоторыми купюрами и неточностями — БЗ, 1861, № 20, стлб. 653. Список О. И. Квиста — ПД (неисправен). Список, по которому впервые напечатал поэму П. А. Ефремов, не сохранился, однако в бумагах Ефремова имеется копия с этого списка (ПД). На основании этой копии в текст настоящего издания внесены поправки и дополнения. Поэма датируется 1836 г. В списке О. И. Квиста рядом с заглавием имеются следующие пометы: «30 августа» и ниже «19 сентября» (пометы перечеркнуты). По-видимому, эти даты обозначают время написания поэмы. Такое предположение поддерживается содержанием поэмы (здесь описывается приключение, которое произошло летом в период лагерных учений во время поездки Лермонтова и Столыпина к балерине Е. Е. Пименовой на дачу, находившуюся на Петергофской дороге близ Красного кабачка). В воспоминаниях В. П. Бурнашева указано, что поэма написана в первой половине сентября 1836 г. (РА, 1872, № 9, стлб. 1779). *Монго* — прозвище А. А. Столыпина (1816—1858), двоюродного брата матери поэта и его близкого товарища. В 1835 г. по окончании Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Столыпин был выпущен в Лейб-гвардии гусарский полк, где служил вместе с Лермонтовым (об А. А. Столыпине и его отношении к Лермонтову см. ЛН, тт. 45—46. М., 1948, стр. 749). *Маешка* — прозвище Лермонтова по имени популярного в те годы карикатурного персонажа французской сатирической литературы.

Песня про царя Ивана Васильевича... Впервые — «Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“», 1838, 30 апреля, стр. 344. В «Стихотворениях» 1840 г. напеч. с пропуском ст. 41—44. А. А. Краевский рассказывал биографу Лермонтова Висковатову: «Когда стихотворение обыкновенным путем было отправлено в цензуру, то цензор нашел совершенно невозможным напечатать стихотворение человека, только что сосланного на Кавказ за свой либерализм» (ПСС1, т. 6, стр. 259). Лишь после обращения В. А. Жуковского к министру народного просвещения Уварову Краевский добился разрешения напечатать поэму, но без имени автора (за подписью: «—въ»). «Песня...» не восходит к каким-либо определенным фольклорным источникам, но свидетельствует о глубоком усвоении Лермонтовым русской народной поэтической традиции.

Тамбовская казначейша. Впервые — С, 1838, № 3, стр. 149, под заглавием «Казначейша», без подписи. Черновые наброски посвящения и двух строф (51—52) — ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется концом 1837 или началом 1838 г. В письме к М. А. Ло-

пухиной от 15 февраля 1838 г. Лермонтов писал (по-французски): «Я был у Жуковского и по его просьбе отнес ему «Тамбовскую казначейшу», которую он просил; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере „Современника“». Лермонтов сообщает Лопухиной об этой поэме как о произведении, известном ей. Из этого можно заключить, что к моменту отъезда Лермонтова из Москвы, в середине января 1838 г., поэма полностью или частично была уже написана. В стихах:

О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного...
...И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я...

(строфа 29)

Лермонтов говорит о своем желании вернуться в Лейб-гвардии гусарский полк, из которого был исключен за стихотворение «Смерть поэта» (червонные ментики носили лейб-гусары). Датировка поэмы самым концом 1837 — началом 1838 г. поддерживается также положением черновых набросков в тетради Чертковской библиотеки. Черновик посвящения к поэме находится на обороте листа со стихотворением «Кинжал», написанным в связи с возвращением поэта с Кавказа (т. е. в начале 1838 г.). Поэма была напечатана в С с цензурными искажениями и редакторской правкой В. А. Жуковского. Из-за отсутствия рукописи восстановить пропущенные строки не представляется возможным. Восстанавливается лишь первоначальное заглавие по цитированному выше письму Лермонтова к М. А. Лопухиной и название города в тексте поэмы, замененное в журнальном тексте буквой Т с точками. Искажения в тексте первой публикации поэмы вызвали негодование поэта. И. И. Панаев рассказывает, что он «застал Лермонтова у г. Краевского в сильном волнении... Он <Лермонтов> держал тоненькую розовую книжечку «Современника» в руке и покушался было разодрать ее, но г. Краевский не допустил его до этого. «Это черт знает что такое! Позволительно ли делать такие вещи! — говорил Лермонтов, размахивая книжечкою... — Это ни на что не похоже!» — Он подсел к столу, взял толстый красный карандаш и на обертке «Современника», где была напечатана его «Казначейша», набросал какую-то карикатуру» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1950, стр. 135). П. А. Висковатов включил в текст поэмы несколько пропущенных строк, указав, что они были продиктованы ему А. П. Шан-Гиреем. Ввиду того, что свидетельства П. А. Висковатова не всегда достоверны, эти строки приводятся нами не в основном тексте, а в примечаниях. В строфах:

1 Там зданье лучшее острог...
12 У них! — О том причины скрыты;
Но есть в Тамбове две кумы,
У них, пожалуй, спросим мы.

15 И не смущен бы был и раем.
Когда б попался и туда,
33 Увы! молясь иной святыне,
44 За злато совесть и закон
Готов продать охотно он.

В строфе 15 (стих 5) в тексте С, по-видимому, допущена опечатка, которую мы также из-за отсутствия рукописи не имеем возможности точно исправить. Висковатов предложил следующее чтение:

Он, спать ложась, привык не ведать...

В строфе 16 (стих 12) Висковатов дает следующее чтение:

Чтоб от кнута избавить вора.

П. А. Ефремов, не ссылаясь на источник, печатал этот стих иначе:

Иль стал душою заговора.

Посвящение. *Пишу Онегина размером.* «Тамбовская казначейша» написана, подобно «Евгению Онегину», четырехстопным ямбом и онегинской 14-строчной строфой.

Строфа 1. *Он прежде город был опальный.* По местному преданию, Тамбов был в XVIII в. «ссылочным местом, своего рода Сибирью».

Строфа 4. *Марш из «Двух слепых».* «Два слепых из Толедо» — опера французского композитора Этьена Мегюля (1763—1817), тогда очень популярного в России.

Строфа 27. *Амфитрион* (греч. миф.) — греческий царь; после комедии Мольера «Амфитрион» его имя стало синонимом гостеприимного хозяина.

Строфа 53. *Вы ждали действия? страстей?* По-видимому, иронический ответ на слова Булгарина, который, поучая Пушкина, писал в «Северной пчеле» (1836, 6 июня): «Давайте действия, давайте страстей, — поэзия воскреснет».

Беглец. Впервые — «Вчера и сегодня», кн. 2. СПб., 1846, стр. 154. Печ. по автографу ГИМ, тетр. Чертк. б-ки. Датируется предположительно 1838 г. на основании свидетельства А. П. Шан-Гирея (ПСС1, т. 2, стр. 302) и несомненной близости «Беглеца» к неоконченной поэме Пушкина о Тазите, напечатанной в «Современнике» под заглавием «Галуб» в самом конце 1837 г. Сюжет поэмы связан также с фольклором (отсюда подзаголовок «Горская легенда»). Путешественник Тетбу де Мариньи в своем «Путешествии в Черкесию» (Брюссель, 1821) передает содержание черкесской песни, близкой к сюжету «Беглеца», заключающей «жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли» (С. А. Андреев-Кривич. Лермонтов. Вопросы творчества и биографии. М.,

1954, стр. 84). Песня «Месяц плывет...» перенесена с некоторыми изменениями из поэмы «Измаил-Бей».

Мцыри. Впервые — с цензурными пропусками — Стих. 1840, стр. 121; изъятия восстанавливаются по авторизованной копии ПД, тетр. 13. В сборнике 1840 г. поэма датирована 1840 г., однако на обложке тетради 13 имеется более точная помета, определяющая дату окончания работы, — «1839 года августа 5». Различия авторизованной копии и печатного текста незначительны, поэтому поэма датируется 1839 г. В тетради ПД поэма озаглавлена «Бэри» (с примечанием Лермонтова: «Бэри, по-грузински: монах»), имеется первоначальный (вычеркнутый Лермонтовым) вариант эпиграфа: «On n'a qu'une seule patrie <Родина бывает только одна>». П. А. Висковатов, на основе свидетельства А. П. Шан-Гирея и А. А. Хастатова, сообщает следующее: «Как раз в то время, когда Лермонтов, странствуя по старой Военно-Грузинской дороге, изучал местные сказания, видоизменившие поэму «Демон», он наткнулся в Мцхете... на одинокого монаха, или, вернее, старого монастырского служку, «бэри» по-грузински. Сторож был последний из братии упраздненного близлежащего монастыря. Лермонтов с ним разговорился и узнал от него, что родом он горец, плененный ребенком генералом Ермоловым во время экспедиции. Генерал его вез с собою и оставил заболевшего мальчика монастырской братии. Тут он и вырос; долго не мог свыкнуться с монастырем, тосковал и делал попытки к бегству в горы. Последствием одной такой попытки была долгая болезнь, приведшая его на край могилы. Излечившись, дикарь угомонился и остался в монастыре, где особенно привязался к старику монаху. Любопытный и живой рассказ «бэри» произвел на Лермонтова впечатление... и вот он решился воспользоваться тем, что было подходящего в «Исповеди» и «Боярине Орше», и перенес все действие из Испании и потом Литовской границы — в Грузию. Теперь в герое поэмы он мог отразить симпатичную ему удаль непреклонных свободных сынов Кавказа, а в самой поэме изобразить красоты кавказской природы» (PC, 1887, № 10, стр. 124). Однако в литературе о Лермонтове имеются указания на неточности этого рассказа и заключенные в нем противоречия (см.: И. Андроников. М. Ю. Лермонтов, новые разыскания. М., 1951, стр. 150). В начале поэмы описан собор в Мцхете, где похоронены последние грузинские цари Ираклий II и Георгий XII, при котором состоялось в 1801 г. присоединение Грузии к России. Эпизод битвы Мцыри с барсом основан на распространенной в Грузии старинной народной песне о битве юноши с тигром, нашедшей отражение в поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (см. там же, стр. 144).

Сказка для детей. Впервые — ОЗ, 1842, № 1, стр. 116. Печ. по авторизованной копии ПД. Черновой автограф — ПД. Упоминание о турецко-египетском конфликте 1839—1841 гг. (см. варианты, стр. 440) свидетельствует о том, что поэма не могла быть написана ранее второй половины 1839 г. (новый султан — Абдул-Меджид — вступил на престол 30 июня 1839 г.). Скорее всего, «Сказку для де-

тей» следует датировать весною 1840 г., когда Адольф Тьер возглавил новый французский кабинет (1 марта 1840 г.). К словам Тьера особенно прислушивались после того, как он стал главою правительства. В строфе 11 стихи *Минувших лет событий роковых Волна следы смывала роковые* в первой публикации были вычеркнуты цензурой. Здесь, по всей вероятности, идет речь о восстании декабристов.

Строфа 20. *Перуджино* (ок. 1446—1523) — итальянский живописец, учитель Рафаэля.

Демон. Впервые — отрывки — ОЗ, 1842, № 6, стр. 187 (по списку, отредактированному и собственноручно изготовленному В. Г. Белинским, представляющему контаминацию так называемой лопухинской и последней редакции поэмы). Полностью — последняя редакция — «Демон. Восточная повесть». Карлсруэ, 1856. В России полностью — в той же редакции, с некоторыми разночтениями — Соч., т. 1, 1860, стр. 7. Печ. по так называемому «придворному» списку ЦГИАЛ. Список заключает последнюю редакцию поэмы, представленную Лермонтовым для чтения при дворе в 1841 г. По этому списку поэма и печаталась в Карлсруэ в 1856 г. (на рукописи следы набора). В распоряжении первого издателя поэмы А. И. Философова, по-видимому, находился и несохранившийся автограф последней редакции поэмы, переданный ему из замка Хохберг А. М. Верещагиной (Гюгель). В настоящем издании несколько ошибок переписчика исправлены по авторизованному списку ГПБ (VI редакция поэмы). По этому же источнику печатается исключенный из придворного списка по цензурным соображениям диалог Тамары и Демона «Зачем мне знать твои печали. . .». Начало работы над поэмой относится к 1829 г. I редакция «Демона» (впервые — неточно — ОЗ, 1859, № 7, стр. 29; печ. по автографу ПД, тетр. 3) состоит из посвящений, нескольких стихотворных набросков (характеристика Демона, незаконченный диалог Демона и Монахини) и двух прозаических записей сюжета. Несмотря на многочисленные переделки, первая строчка поэмы сохранилась во всех редакциях, кроме третьей. Во II редакции, начало 1830 г. (впервые — неточно — «Труды Самаркандского гос. пед. ин-та им. М. Горького», т. 4, 1942, стр. 112, печ. по автографу ПД, тетр. 4), сюжет получил дальнейшую разработку. Поэма заключает уже 442 стиха и оканчивается строками, вошедшими в поздние редакции: «Посла потерянного рая Улыбкой горькой упрекнул». Автограф тетр. 4 представляет два слоя. Ранний — дает беловой текст II редакции, последующий — черновой текст III редакции. В автографе помета: «Писано в пансионе в начале 1830 года». В III редакции, 1831 г. (впервые — отрывки — ОЗ, 1859, № 7, стр. 35; полностью — ПСС1, т. 3, стр. 54; печ. по беловому автографу ПД, тетр. 22), тексту предшествует посвящение «Прими мой дар, моя мадонна! . .» Впервые дается диалог «Зачем мне знать твои печали. . .». Уточнен ряд стихов. К 1831 г. относится запись: «Memor: написать длинную сатирическую поэму: приключения Демона». План сатирической поэмы о Демоне не был осуществлен. В IV редакции, 1831 г. (впервые — ОЗ, 1859, № 11, стр. 256; печ. по

автографу ПД, тетр. 10), Лермонтов набрасывает 7 строф пятистопным ямбом. Затем следует приписка: «Я хотел писать поэму в стихах: но нет. — В прозе лучше». Демонические мотивы вскоре получают развитие в повести «Вадим». К 1832 г. относится запись сюжета: «Демон. Сюжет. Во время пленения евреев в Вавилоне (из Библии). Еврейка; отец слепой; он в первый раз видит ее спящую. Потом она поет отцу про старину и про близость ангела; и проч. как прежде. Евреи возвращаются на родину — ее могила остается на чужбине». В V редакции, 1833—1834 гг. (впервые — ПСС1, т. 3, стр. 77. Печ. по авторизованному списку ПД, рукою А. П. Шан-Гирея. Список К. А. Булгакова — ПД), Лермонтов возвращается к III редакции, заново обрабатывает ее, детализирует сюжет. Это итог работы над поэмой в ранний период творчества. Попрежнему действие поэмы развивается вне времени и пространства, в нереальной, условной обстановке. Последующие редакции написаны Лермонтовым уже после возвращения из кавказской ссылки. В первоначальном варианте VI редакции (конец 1837 — начало 1838), так называемом Ереванском списке (Гос. архив Армении), действие уже перенесено на Кавказ. Безыменная монахиня превращается здесь в красавицу Тамару — дочь грузинского князя Гудала. Соперником Демона становится жених Тамары — удалой князь, «властитель Синодала». В поэме обрисован феодальный быт Грузии, ее природа. Поэма насыщается кавказским фольклорным материалом. В Ереванском списке впервые появился первоначальный вариант стихов «На воздушном океане...» («Взгляни на свод небес широкий...»). Здесь имеются стихи об улыбке мертвой Тамары со знаменитыми словами, цитированными Белинским для выражения основной мысли поэмы — «И с небом гордая вражда». Имеется посвящение к поэме «Тебе, Кавказ, суровый царь земли...», отсутствующее во всех других редакциях и списках. Последующий вариант VI редакции поэмы, так называемый Лопухинский список, датированный 8 сентября 1838 г. (впервые — неточно — РВ, 1889, № 3, стр. 411; печ. по авторизованному списку ГПБ). Это авторизованная копия. По сравнению с первоначальным текстом этой редакции здесь произведены некоторые сокращения. Лермонтов стремится к большей художественной выразительности. Здесь появился окончательный вариант стихов «На воздушном океане...». Вводится отсутствующий в Ереванском списке диалог о боге. Список 8 сентября 1838 г. содержит посвящение В. А. Лопухиной, написанное рукою поэта («Я кончил — и в груди невольное сомненье!..»). О VII редакции (4 декабря 1838 г.) мы можем судить по придворному списку, который представляет собою скопированный беловой текст VII редакции со многими поправками и вставками на полях, превращающими эту редакцию в последнюю — восьмую. На заглавном листе придворного списка (после слов «Демон. Восточная повесть») имеется сделанная рукою А. И. Философова надпись: «...сочиненная Михаилом Юрьевичем Лермонтовым 4-го декабря 1838 года — переписана с первой своеручной его рукописи, с означением сделанных им на оной перемарок, исправлений и изменений. — Оригинальная рукопись так чиста, что, перелистывая оную, подумаешь, что она писана под дик-

товку или списана с другой». Эта надпись, за исключением даты, воспроизведена на титульном листе карлсруйских изданий. Дата была опущена, так как в Карлсруэ фактически печатался не текст VII редакции, а VIII редакция. В VII редакции вводится клятва Демона со строками о его стремлении к добру и примирению, исключается стих «И с небом гордая вражда». Эти изменения связаны, по-видимому, с тем, что Лермонтов готовил поэму к печати и учитывал требования цензуры. В последней редакции, предназначенной для чтения при дворе, Лермонтов пошел еще дальше в этом направлении: он вычеркнул диалог «Зачем мне знать твои печали. . .» и изменил концовку поэмы. А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях писал: «Мы часто в последнее время (т. е. в 1841г.) говорили с Лермонтовым о „Демоне"» и приводил слова поэта: «Демона мы печатать погодим, оставим его пока у себя». «Не сомневаюсь, — замечал мемуарист, — что только смерть помешала ему привести любимое дитя своего воображения в вид, достойный своего таланта» (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Пенза, 1950, стр. 25—26). По-видимому, последняя редакция с изменениями, произведенными для того, чтобы «Демон» увидел свет, не вполне удовлетворяла Лермонтова. Однако эта редакция (так же как вторая редакция «Маскарада») не была просто уступкой цензуре, а являлась творческой переработкой. Поэтому данная редакция печатается в основном тексте. Вместе с тем следует также подчеркнуть художественную и идейную значимость редакции 8 сентября 1838 г., отражающей один из важнейших этапов работы Лермонтова над «Демоном» и сохранившейся в авторизованном списке. Эта редакция, как и другие ранние редакции, напечатана в настоящем издании в разделе «Другие редакции и варианты».

Часть 1, гл. 4. *Столпообразные раины* — пирамидальные тополя.

ДРАМЫ

Маскарад. Впервые — с цензурными купюрами — «Стихотворения М. Ю. Лермонтова». СПб., 1842, ч. 3. Печ. по писарской копии ИРЛИ (вторая редакция), стихи 64—72, по цензурным соображениям исключенные Лермонтовым и отсутствующие в этой копии, восстанавливаются по БЗ, 1859, № 12, стлб. 383. Имеется три редакции «Маскарада». От первой до нас дошла авторизованная копия (неполная) — ЦГИА (из архива Якушкиных) с многочисленными поправками Лермонтова (впервые — в отрывках — ПССЗ, т. 4, стр. 522—551; полностью — Соч. изд. б-ки «Огонек», т. 3. М., 1953, стр. 349). Драма заканчивалась смертью Нины. Беловой вариант первой редакции — следующий этап работы Лермонтова над пьесой — до нас не дошел. Содержание драмы, представленной в драматическую цензуру Третьего отделения и директору императорских театров А. М. Гедеонову осенью 1835 г., известно из пересказа цензора Е. Ольдекопа, запретившего постановку пьесы и по-

требовавшего решительных переделок. Драма состояла из трех актов. «Я не знаю, — писал цензор, — сможет ли пьеса пойти даже с изменениями. По крайней мере сцена, где Арбенин бросает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена. Возможно, что вся пьеса основывается на событии, случившемся в нашей столице. Я не понимаю, как автор мог допустить такой резкий выпад против костюмированных балов в доме Энгельгардтов...» Далее цитируется отрывок со словами «Как женщине порядочной решиться Отправиться туда, где всякий сброд...» и т. д. (Соч. АН, т. 5, 1956, стр. 738. Оригинал — по-французски). Из пометы на докладе цензора Е. Ольдекопа видно, что 8 ноября 1835 г. «Маскарад» был возвращен Лермонтову «для нужных перемен». Из материалов драматической цензуры (рапорт Е. Ольдекопа) выясняется, что при возвращении рукописи Лермонтову было передано мнение шефа жандармов Бенкендорфа, который усмотрел в пьесе «прославление порока» и выразил «желание об изменении пьесы таким образом, чтобы она кончалась примирением между господином и госпожой Арбениными». В конце 1835 г. Лермонтов приступил к переработке пьесы. В январе 1836 г. Лермонтов через посредство С. А. Раевского представил в цензуру новую (вторую) редакцию «Маскарада». В письме к директору императорских театров поэт писал: «Возвращенную цензурою мою пьесу «Маскарад» я пополнил четвертым актом, с которым, надеюсь, будет одобрена цензором, а как она еще прежде представления Вам подарена мною г-ну Раевскому, то и новый акт передан ему же для представления цензуре». Присоединенный к драме четвертый акт содержал новую развязку пьесы, в которой решающая роль перешла от Арбенина к Неизвестному. Кроме того, образ Неизвестного был введен Лермонтовым и в другие акты. Следы этих добавлений обнаруживаются в писарской копии второй редакции «Маскарада» (ПД), являющейся источником основного текста (несколько исправлений в первых трех актах рукою С. А. Раевского, вводящих образ Неизвестного). Таким образом, первая редакция, представленная в цензуру в 1835 г., очевидно, была тождественна первым трем актам писарской копии ПД до правки Раевского. Вторая редакция «Маскарада» была также отклонена. В своем втором докладе Е. Ольдекоп отмечал, что новая развязка пьесы не соответствует советам Бенкендорфа, автор не счел необходимым сделать надлежащие выводы из этого замечания. «В новом издании, — пишет далее цензор, — мы находим те же самые непристойные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардта, те же дерзости против дам высшей знати». «Драматические ужасы наконец прекратились во Франции; так неужели их хотят возродить у нас? Неужели хотят и у нас внести яд в семейную жизнь» (оригинал по-французски). Возвратившись в марте 1836 г. из Тархан в Петербург, Лермонтов приступил к коренной переработке драмы. Он настойчиво стремился видеть свою драму на сцене и на этот раз учел требования цензуры. Так возникла третья (пятиактная) редакция драмы, озаглавленная «Арбенин» (впервые — РС, 1875, № 9, стр. 1; печ. по авторизованной копии ГИМ; заглавие и часть ремарок по копии ЦГИАЛ, список Долго-

рукова из бумаг Д. Н. Блудова). Лермонтов на этот раз пошел на ряд уступок. Вместо маскарада в доме Энгельгардтов бал происходит в доме Арбенина. Нина в новой редакции оказывается виновной, она признается в любви Звездичу. Арбенин не отравляет жену, а лишь разыгрывает сцену отравления, чтобы испытать Нину. Образ Казарина снижен — он выступает как интриган, человек с темным прошлым, как вдохновитель интриг против Арбенина. Все эти изменения Лермонтов сделал так, чтобы сохранить в неприкосновенности образ Арбенина, чтобы дать новые мотивировки для оставшихся почти без изменений монологов главного героя. Но и в таком виде пьеса не получила разрешения на постановку. На рапорте цензора Е. Ольдекопа, давшего положительный отзыв, имеется надпись: «Запретить. 28 октября 1836». Впервые драма была разрешена к представлению в 1862 г. (постановка на сцене Московского Малого театра 24 сентября 1862 г.). Попытки П. С. Мочалова поставить «Маскарад» в свой бенефис в 1843 г., хлопоты артистки М. И. Валберховой о постановке «Маскарада» для ее бенефиса в 1846 г., вторичное обращение П. С. Мочалова в цензуру в 1848 г. окончились неудачей. Лишь в 1852 г. М. И. Валберхова добилась разрешения на постановку отдельных сцен из «Маскарада», которые шли 27 октября 1852 г. в Петербурге и 21 января 1853 г. в Москве. В рукописи драма озаглавлена «Маскерад». Но в 1842 г. она была напечатана под названием «Маскарад» и под этим названием вошла в репертуар русского театра. Заглавие «Маскарад» сохранено в настоящем издании; в тексте драмы устаревшая форма «маскерад» оставлена без изменений. Фамилии Звездич и Штраль взяты Лермонтовым из повести А. А. Бестужева (Марлинского) «Испытание» («Сын отечества», 1830, т. 13), а Шприх — из повести О. И. Сенковского (барона Брамбеуса) «Предубеждение» («Библиотека для чтения», 1834, т. 7), где под именем Шприха был выведен широко известный в петербургских салонах 30-х годов третьеразрядный литератор, агент Третьего отделения А. Л. Элькан. Высказывалось предположение, что Элькан послужил прототипом лермонтовского Шприха (З. С. Ефимова. Из истории русской романтической драмы. — «Русский романтизм». Л., 1927). Фамилия Арбенин встречается у Лермонтова в драме «Странный человек» (1831). Этим именем назван также герой неоконченной повести («Я хочу рассказать вам. . .»). В тексте «Маскарада» Нина названа Настасьей Павловной («Настасья Павловна споет нам что-нибудь»). Очевидно, Нина не настоящее имя героини, а домашнее, ласкательное, принятое в интимном кругу.

Действие I. Сцена 1. *Семпель* (семпль) — простая ставка, без увеличения назначенной прежде суммы куша; *гнуть* — увеличивать ставку вдвое. *Ванька Каин* — в нарицательном смысле — вор, мошенник, по имени героя авантюрно-приключенческого романа М. Комарова «Обстоятельные и верные описания добрых и злых дел российского мошенника, вора и разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных похождений» (СПб., 1779). Прототипом главного героя этого романа было реальное действующее лицо — московский вор и сыщик Иван Оси-

пов, по прозвищу Каин. *Обрежется* — то есть поставит по ошибке не на ту карту, на которую задумал сделать ставку. *Энгельгардт* Василий Васильевич (1785—1837) — внук одной из сестер Потемкина, полковник в отставке, в конце 20-х годов выстроил на Невском проспекте дом (ныне № 30), специально предназначенный для балов, маскарадов, публичных концертов. Балы-маскарады в доме Энгельгардтов в середине 30-х годов пользовались шумным успехом, на них бывали члены царской фамилии и сам Николай I.

Действие II. Сцена 1. *Жорж Занд почти что прав.* Романы Жорж Санд с их идеями борьбы за свободу женщины широко обсуждались в те годы на страницах западноевропейских и русских журналов. В том же номере «Библиотеки для чтения», где была напечатана повесть Сенковского «Предубеждение» (1834, т. 7), помещена переводная статья (из «Revue de Paris») «Школы нынешней французской словесности». Автор этой статьи с реакционных позиций полемизирует с идеями Ж. Санд и Фурье. Возможно, что в монологе баронессы Штраль Лермонтов иронически откликается на выступление журнала Сенковского против французской писательницы. Сцена 3. *Служите из чести.* Здесь игра слов: «служить из чести» означает также — служить за чаевые. Впервые обыграно в «Опасном соседе» Л. Пушкина, где служанка в публичном доме говорит, что служит лишь «из чести».

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* М. Ю. Лермонтов. Портрет К. Горбунова. 1841 (ПД).

2. *Между стр. 32 и 33.* Прасковья и Мария Бартеневы. Рисунок Г. Г. Гагарина. 1844 (ПД).

3. *Между стр. 64 и 65.* А. К. Воронцова-Дашкова. Литография Г. Граведона. 1840 (ПД).

4. *На стр. 71.* Отчизна. Автограф М. Ю. Лермонтова. 1841 (ПД).

5. *Между стр. 288 и 289.* М. Ю. Лермонтов. Рисунок Д. П. Палена. 1840 (ПД).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

СТИХОТВОРЕНИЯ

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ЛЕРМОНТОВУ

ПОЭМЫ

ДРАМЫ

Лермонтов Михаил Юрьевич

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ ВТОРОЙ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 11/IV 1964 г. Подписано в печать 5/VI 1964 г. Бумага 84×108 1/32. Печ. л. 23 1/8 + 4 вкл. (38,34). Уч.-изд. л. 36,09. Тираж 40 000 экз. Заказ № 675.
Цена 1 р. 27 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати
Красная ул., 1/3

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
ТОМ ПЕРВЫЙ			
34	11 св.	над их автором	над автором
49	1—2 сн.	ответа о давным-давно отпылавших юных сердцах!	ответа от давным-давно отпылавших юных сердец!
212	3 сн.	где есть	что есть
295	11 св.	освещенном	освященном
335	15 сн.	И женщины	И женщина
676	8 св.	имел виду	имел в виду
ТОМ ВТОРОЙ			
28	5 сн.	ma presse	ma paresse
143	16 сн.	Нот вот	Но вот
180	6 св.	всё равно задумчивы	все равно задумчивы
235	11 св.	сердце	сердцу
484	5 св.	как смерть, бледнея внемлет	как смерть бледнея, внемлет
519	10 сн.	На пир, красавица	На них, красавица
519	15 сн.	На пир роскошно	На них роскошно
607	4 сн.	обороте	На обороте